

Л. С. Рыгалова, Д. А. Берденова, С. Ж. Еримбетова

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Учебник для 6 класса общеобразовательной школы
с русским языком обучения

6

Рекомендовано Министерством образования и науки
Республики Казахстан

Алматы «Атамұра» 2018

УДК 373.167.1
ББК 83.3 (2 Рус) я 72
Р 93

Учебник подготовлен в соответствии с Типовой учебной программой обновлённого содержания по предмету «Русская литература» для 6 класса уровня основного среднего образования, утверждённой Министерством образования и науки РК

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ к вопросам и заданиям

	– чтение и понимание терминов и художественного текста (ХТ)		– вопросы и задания повышенной сложности (проектная, исследовательская работа)
	– чтение и пересказ фрагментов, составление плана		– анализ ХТ, определение темы и идеи, характеристика героев, выявление художественных средств
	– выразительное чтение и заучивание наизусть		– работа в паре
	– творческая работа		– групповая работа
	– дополнительная информация к произведению, использование хрестоматии и интернет-ресурсов		– сравнительный и сопоставительный анализ, таблицы
	– составление графиков		

Рыгалова Л. С.

Р93 Русская литература. Учеб. для 6 кл. общеобразоват. шк. / Л. С. Рыгалова, Д. А. Берденова, С. Ж. Еримбетова. – Алматы: Атамұра, 2018. – 240 с.

ISBN 978-601-331-138-8

УДК 373.167.1
ББК 83.3 (2 Рус) я 72

ISBN 978-601-331-138-8

© Рыгалова Л. С., Берденова Д. А.,
Еримбетова С. Ж., 2018
© «Атамұра» 2018

ВВЕДЕНИЕ

«Едва ли найдётся другое такое явление в области духовной культуры человечества, – утверждал историк и этнограф С.А. Токарев, – о котором высказывались бы столь различные, прямо противоположные суждения, как мифология. Одни её связывают и чуть не отождествляют с религией, другие резко ей противопоставляют. Одни смешивают с народными легендами, преданиями, сказками, другие отделяют от них».

Мифоло́гия – совокупность мифов определённого народа, складывающаяся в относительно цельную картину мира и человека.

Что же такое мифология? Какое место она занимает в истории человечества?

И зачем нам в современном светском обществе нужно изучать и знать это явление, возникшее в глубокой древности, в так называемые доисторические времена? Уже древние люди реализовывали своё творческое начало путём создания различных культурных форм. Исторически первой формой культуры и был миф, представлявший из себя наиболее древнюю систему ценностей.

Вплоть до XIX века европейцам была известна только античная мифология – рассказы древних греков и римлян о богах и других сверхъестественных существах. Ведь и само слово «**миф**» – греческое и означает *сказание, предание*. Когда со времён эпохи Возрождения (XIV–XVI века) в европейских странах оживился интерес к античности, имена древних богов и рассказы о них стали широко известны. При этом обычно греческие мифы смешивались с римскими, греческих богов называли латинскими именами, поскольку латинский язык был более известен, чем греческий.

Интерес к мифологии ещё более усиливается в XIX веке, тогда же возникает научная «мифологическая» школа для собирания, изучения и сравнения мифов древних индейцев, иранцев, скандинавов, славян, тюрков и т.д. Постепенно круг изучения мифологии ещё более расширился за счёт преданий народов Америки,

Легенда – основанное на устных преданиях, опоэтизированное сказание об имевших место в реальной действительности исторических событиях и выдающихся исторических личностях.

Миф – сказание, передающее верования и представления людей в древности о происхождении мира и жизни на Земле, явлениях природы, о богах и сказочных героях.

Африки, Океании, Австралии. Оказалось, что мифы существуют у всех народов.

Смежными и отчасти сходными явлениями по отношению к мифологии являются *легенды* и *сказки*. Нам необходимо разграничить эти понятия.

Легендами принято называть те произведения народного творчества (народные рассказы), в основе которых лежат какие-то исторические события: таковы легенды об основании городов, о войнах, о видных исторических деятелях.

Мифами принято называть повествования, лишённые такой исторической основы, хотя провести чёткую границу между мифом и легендой очень трудно. Так, в древнегреческих рассказах о Троянской войне реальное историческое событие приобретает мифологическую окраску благодаря «участию» в нём богов, героев и сверхъестественных существ.

Размежевать *миф* и *сказку* ещё труднее. Например, писатель А.М. Горький опирался только на один признак их разграниче-

ния – верят или не верят люди в реальность рассказываемого. По его мнению, миф люди принимают за правду, а сказку – за вымысел. «Общим для сказок и мифов является олицетворение – изображение явлений природы, животных и неодушевлённых предметов как живых существ, наделённых человеческими чувствами, мыслями и речью. Отличие же состоит в том, что сказка рассказывается просто для развлечения или морального назидания, а миф стремится объяснить причины возникновения существующего мира, его форм и свойств, разнообразие его обитателей. В настоящее время учёные выделяют некоторое количество наиболее типичных и распространённых мифологических сюжетов, которые встречаются у разных народов. Так, истории о превращениях людей в животных или растения,

о происхождении неба, солнца и звёзд встречаются в мифологиях большинства народов, живущих на Земле. Эти мифы считаются самыми древними. Не такими общими являются миф о Всемирном потопе (не встречается, например, в Китае и Африке) и миф об умирающем и воскресающем боге (хорошо известен только в религиях классического Востока и античного мира). Учёные объясняют такие совпадения сходными географическими и историческими условиями, этнической близостью, а также заимствованиями мифов одних народов у других во время миграций, которые получили в истории название «великого переселения». Само явление заимствования по аналогии назвали «миграцией мифов». Во всех известных мифологиях существует деление на «высших» и «низших» представителей. К высшим божествам относятся боги, обитающие на небе или какой-нибудь высокой горе. К низшим божествам причисляют различных духов, живущих на земле среди людей. Когда на смену древним верованиям во многих богов приходит вера в единого бога (иудаизм, христианство, ислам), «высшая мифология» вытесняется полностью, а «низшая мифология» оказывается более жизнестойкой, сохраняясь в фольклоре, народных поверьях и суевериях.

Без знания мифологии трудно или даже невозможно понять и оценить многие великие произведения словесного или изобразительного искусства в мировой культуре. В XX веке в науке, занимающейся литературой, появился специальный термин «мифологема», который указывает на сознательное использование автором произведения какого-либо сюжета, мотива или просто образа, взятого из мифологии.

Мифологе́ма – сознательное использование автором в произведении какого-либо мотива, сюжета или образа, взятого из мифологии.

1. Что такое миф и чем он отличается от легенды и сказки?
2. Что такое мифология?
3. Какое явление называют миграцией мифов?
4. Кто представляет «высшую» и «низшую» мифологии? Какова их судьба?
5. Когда возник термин «мифологема» и что он означает?

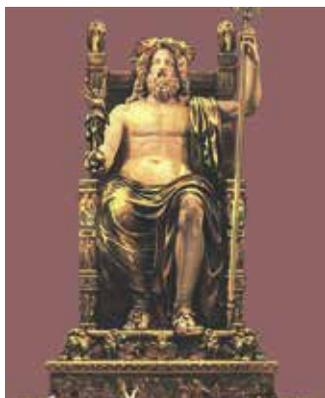
РАЗДЕЛ I

МИФЫ НАРОДОВ МИРА

МИФЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Античной (от латинского слова *antiquus* – «древний») мифологией называют мифологию древних греков и римлян. Правда, римляне присвоили греческим богам другие – латинские имена: так, Зевс стал Юпитером, Посейдон – Нептуном, Аид – Плутоном, Гера – Юноной, Афина – Минервой, Афродита – Венерой, Артемида – Дианой и т.д.

Греческая мифология существовала в глубокой древности, однако до наших дней дошло множество произведений античных авторов, из которых можно извлечь и образы, и сюжеты, и факты, свидетельствующие о том, что мифологическая традиция бережно сохранялась, закреплялась в памяти поколений и передавалась от предков к потомкам. К числу древнейших мифов относят те, где женщина играла важную роль в жизни своего рода или общины. О былом величии и главенстве женщин говорят такие образы богинь, как Гера, Афина и Лето.

Зевс

Афина

Гера, жена Зевса, находится в постоянной оппозиции к своему могущественному супругу. Она вдохновляет и подбивает на сопротивление Зевсу его брата Посейдона; вопреки запрету мужа помогает грекам в Троянской войне; преследует земных женщин и их детей от Зевса.

Афина Паллада, дочь Зевса, неизменно остаётся мудрой богиней-воительницей. Именно она, а не кровожадный бог войны Арес является покровительницей героев, вдохновляющей их на подвиги. При этом воинственность Афины всегда сдержанна и знает свои пределы.

Что касается богини Лето, то само её имя означает «жена» или «мать». Богиня Лето

прославляется во всех мифах как мать божественных близнецов – Аполлона и Артемиды. О былом влиянии женщины говорит и тот факт, что бог Аполлон всегда именуется Летоидом (то есть сыном богини Лето), как будто у него нет отца – верховного бога Зевса.

Местом обитания богов считалась гора Олимп в Фессалии (северная Греция), поэтому их стали называть *олимпийскими богами* или просто *олимпийцами*. В классической мифологии принято говорить о двенадцати олимпийских богах. Это Зевс и Гера – супруги и верховные владыки Олимпа, Деметра – богиня земледелия, Гестия – хранительница домашнего очага, Афина – богиня мудрости, Аполлон – бог искусства, Артемида – богиня охоты, Афродита – богиня любви и красоты, Арес – бог войны, Гефест – бог-кузнец, Гермес – посланник богов, покровитель путешественников, Дионис – бог плодородия. Братья Зевса Аид и Посейдон не входят в это число, поскольку их сфера обитания – подземный и водный миры, а не Олимп.

Другая часть историй классической мифологии посвящена так называемым *героям* – детям или потомкам божества и смертного человека. Герой призван выполнять волю олимпийцев на земле среди людей, упорядочивая их жизнь, внося в неё закон и справедливость. Он наделяется непомерной силой и сверхчеловеческими возможностями. Однако герой лишён бессмертия, несмотря на попытки некоторых богов или богинь сделать своих детей неуязвимыми через закаливание огнём и водой.

Подвиги героев, как правило, совершаются не без помощи или подсказки божественных родителей. Но в то же время соперничество или неприязненные отношения между богами отрицательно влияли на судьбу героев. Так, Геракла всю жизнь преследовала ревнивая Гера, Ипполит погиб из-за спора богинь Артемиды и Афродиты, буйный Посейдон преследует Одиссея вопреки мудрой Афине. Вера в героев у древних греков была настолько сильна, что на их условных могилах приносились жертвы как богам, у них

Аполлон

Артемида

просили помощи в трудное время. В честь героев слагались песни, прославляющие их подвиги, и из этих песен постепенно складывались большие произведения – эпические поэмы.

Античную мифологию считают почвой, на которой выросла античная литература – греческая и римская. Подавляющее большинство произведений представляет собой художественную обработку мифических повествований. В свою очередь античная литература в Новые и Новейшие времена стала источником вдохновения и подражания для представителей европейской и русской культуры: драматургов, поэтов, прозаиков, художников, скульпторов, композиторов.

- Т** 1. Прочитайте в хрестоматии мифы о происхождении мира и олимпийских богах. Используйте материал из вводной статьи и мифологический словарь при составлении концептуальной таблицы «Олимпийские боги» (по образцу).

Греческое имя	Римское имя	Статус	Функции
Зевс	Юпитер	Верховное божество	Всеобъемлющая власть над богами и людьми
Арес	Марс	Сын Зевса	Бог войны

- 2. Перечислите тех, кто помогал Зевсу свергнуть власть отца Крона.
 3. Какая богиня на Олимпе управляет судьбой людей и богов? Кто помогает ей?
Т 4. Над чем властвовали боги Зевс, Посейдон, Аид? Составьте таблицу, отражающую трёхуровневую организацию пространства.

Уровни	Боги	Миры
		верхний
		средний
		нижний

5. Составьте концептуальную таблицу для характеристики мифологических веков у Гесиода и Овидия или диаграмму Венна (**групповая работа**).

Название веков	Общее	Отличие
Золотой		
Серебряный		
Медный		
Век героев		
Железный		

6. Прочитайте в мифологическом словаре статью о боге Вакхе (Дионисе).
7. Какой праздник описывает А. Фет в стихотворении «Золотой век»? Сравните представление о «золотом веке» у античных авторов и у русского поэта XIX века.
8. Какой вид искусства возник из этого обряда?
9. Выпишите все эпитеты и метафоры из фрагментов поэм Гесиода «Труды и дни» и Овидия «Метаморфозы», приведённых в хрестоматии.
10. Подготовьте презентацию «Олимпийские боги» или под руководством учителя выполните письменную проектную работу «Боги Олимпа».

Метафора – скрытое сравнение. Перенос основан на сходстве вещей по форме, цвету, характеру движения и т.п.

Эпитет – образное определение, характеризует какое-нибудь свойство, качества понятия, предмета, явления.

Дополнительная информация к произведению

Важнейшие научные открытия в истории человечества

К числу важнейших научных открытий и изобретений человека принадлежит огонь. Люди открыли полезные свойства огня довольно давно. Первоначально человек имел дело с «диким» огнём, возникающим от пожаров или извержений вулканов. Прошли тысячелетия, прежде чем человек сам научился добывать огонь. Предполагается, что это

Символ – предмет или слово, условно выражающие суть какого-либо явления.

Например: утро – символ молодости, ночь – символ смерти.

величайшее открытие произошло случайно после того, как люди научились сверлить древесину. Во время сверления древесина сильно нагревалась и иногда даже воспламенялась. На это обратили внимание и с помощью трения научились добывать огонь. В дальнейшем были найдены и другие способы получения огня. Многие завоевания и достижения человечества в последующие тысячелетия стали возможны лишь благодаря открытию и использованию огня – керамика, металлургия, паровые машины и т. д. Неудивительно, что древние люди создали миф о божественном происхождении огня – о боге, который принёс людям огонь.

ПРОМЕТЕЙ¹

Было время, когда люди жили, подобно диким зверям: не знали огня, не умели строить дома, пахать землю, мучились и умирали от болезней, не умея лечить их. Всю жизнь они проводили в страхе, но больше всего боялись своих бессмертных богов, которые обитали на горе Олимп.

Так бы и жили вечно люди в темноте, нищете и горе, если бы не могучий титан по имени Прометей. Он был не только силен, но умён и хитёр, когда-то он помог самому Зевсу стать царём богов. Прометею стало жалко людей, и он задумался, как бы им помочь. В горе Мосхе, на острове Лемносе, из горна своего друга бога-кузнеца Гефеста похитил Прометей огонь для людей. Он научил людей искусствам, дал им знания, научил их счёту, чтению и письму. Он познакомил их с металлами, научил добывать их в недрах земли и обрабатывать. Прометей смирил для смертных дикого быка и надел на него ярмо, чтобы могли пользоваться люди силой быков, обрабатывая свои поля. Прометей впряг коня в колесницу и сделал его послушным человеку. Мудрый титан построил первый корабль, оснастил его и распустил на нём льняной парус, чтобы быстро нёс человека корабль по безбрежному морю. Прометей научил людей различным искусствам: зодчеству, мореплаванию, медицине, чтению, письму и т.д.

Своим покровительством людям прогневал Прометей Зевса, и покарал его громовец. Он позвал к себе своих слуг – Власть

¹ Фрагменты греческих мифов взяты из книги Н.А. Куна «Легенды и мифы Древней Греции».

и Силу – и приказал им схватить и наказать титана: «Отведите его на Кавказ и пригвоздите там к скале на вечные времена. Пусть узнает, как восставать против меня!»

Кавказ в те времена был пустынной и дикой местностью на самом краю земли в стране скифов. Суровые скалы уходят за облака остроконечными вершинами. Кругом – никакой растительности, всё голо и мрачно. Море шумит и грохочет, ударяясь волнами о подножие скал, и высоко взлетают солёные брызги. Морской пеной покрыты прибрежные камни. Далеко за скалами виднеются снежные вершины кавказских гор, подёрнутые лёгкой дымкой. Никогда ещё не ступала здесь нога человека. Сюда-то, на край земли, привели слуги Зевса скованного титана Прометея, чтобы приковать его несокрушимыми цепями к вершине скалы.

Печальный, низко склонив голову, идёт за ними бог Гефест со своим тяжёлым молотом. Ужасное дело предстоит ему: он должен своими руками приковать Прометея. Глубокая скорбь за участь друга гнетёт Гефеста, но не смеет сын послушаться своего отца Зевса: он знает, как неумолимо карает громовержец за неповиновение.

Гефест приковывает к скале несокрушимыми цепями руки и ноги Прометея. Скала содрогается от тяжких ударов молота, и от края до края земли разносится грохот этих могучих ударов. Наконец всё окончено. Всё сделано так, как повелел Зевс. Прикован титан, а грудь его пронзило стальное копьё. Но Прометей хранит гордое молчание. За всё время он не проронил ни единого слова, даже тихий стон не вырвался у него.

Но не вечно будет страдать Прометей. Он знает, что злой рок постигнет и могучего громовержца, что царство Зевса не вечно: будет и он свергнут с высокого царственного Олимпа. Знает вещий титан великую тайну, как избежать Зевсу этой злой судьбы, но не откроет он её Зевсу. Вдруг задрожала земля, раздались

Г. Фюгер. Прометей

оглушительные раскаты грома, и сверкнула молния. Рухнула со страшным грохотом скала с прикованным к ней Прометеем в неизмеримую бездну, в вековечный мрак.

Протекли века, и снова поднял Зевс на свет из тьмы Прометея. Но страдания его не кончились; ещё тяжелее стали они. Опять лежит он, распостёртый на высокой скале, пригвождённый к ней, опутанный оковами. Жгут его тело палящие лучи солнца, проносятся над ним бури, его измождённое тело хлещут дожди и град, зимой снег укрывает Прометея, и леденящий холод сковывает его члены. Каждое утро громадный орёл прилетает, шумя могучими крыльями, на скалу. Он садится на грудь Прометея и терзает её острыми, как сталь, когтями. Орёл рвёт клювом печень титана. За ночь заживают раны, и вновь вырастает печень, чтобы днём дать новую пищу орлу. Годы, века длятся эти муки. Истомился могучий титан Прометей, но не сломлен его гордый дух страданиями. Сам Зевс забыл уже свой прежний гнев. Теперь держава его сильна, никто не может поколебать её, ничто не страшно ему. Да и правит он уже не как тиран, он охраняет государства, хранит законы. Он покровительствует людям и правде среди них. Только одно беспокоит ещё громовержца – это тайна, которую знает только Прометей. Зевс готов, если Прометей откроет ему роковую тайну, помиловать могучего титана.

Но уже родился и возмужал великий герой, которому суждено судьбой освободить от оков Прометея. Герой этот – Геракл, сильнейший из людей, могучий, как бог.

1. Прочитайте миф о Прометее. За что и как он был наказан?
2. В чём проявилась любовь Прометея к людям?
3. Прочитайте в хрестоматии фрагмент трагедии Эсхила «Прикованный Прометей».
4. Кто сочувствует Прометею и жалеет его в трагедии античного драматурга? К кому обращены монологи Прометея? Кто участвует в диалоге?
5. Сравните миф о Прометее и фрагмент трагедии Эсхила «Прикованный Прометей». Укажите на совпадения и отличия в изложении истории титана.
6. Прочитайте в хрестоматии стихотворение Дж. Байрона, посвящённое Прометею. Сравните миф с этим произведением, укажите на сходство и отличие.

- 7. Рассмотрите картину Г. Фюгера «Прометей». Опишите её и объясните, почему картина имеет две цветовые части – тёмную и светлую. Какой цвет является связующим и почему?
8. Кто освободит Прометея и что вы знаете об этом герое?

ГЕРАКЛ

Рождение героя

Когда пришло время родиться Гераклу, на Олимпе был пир богов. Владыка мира Зевс возвестил богам, что в этот час на земле среди людей родится величайший герой, который будет одарён могучей силой, совершит великие дела и прославится на все времена.

– Он будет моим любимым сыном, я дам ему власть над всей Грецией, и другие герои будут служить ему! – сказал Зевс.

Гера, супруга Зевса, обиделась, что такую силу и славу Зевс хочет дать сыну смертной женщины. Мгновенно у неё возник коварный план. Она сказала Зевсу:

– Поклянись же, что тот, кто первый родится в этот час, получит власть над всей Грецией, и другие герои должны будут служить ему!

Если бы Зевс взглянул в тот миг на свою божественную супругу, он понял бы, что она задумала недоброе, потому что ни у кого на земле и на небе не могло быть тайн от владыки мира ни в делах, ни в мыслях. Но в эту минуту Ата, богиня обмана, отвлекла его внимание, и Зевс не заметил хитрости Геры. Он поднял свою золотую чашу и сказал:

– Клянусь! Так будет!

.....

Две женщины на земле ожидали в тот час ребёнка: в Фивах царица Алкмёна, которую Зевс выбрал в матери великому герою, и в Микенах аргосская царица. Тогда Гера своей властью задержала рождение одного и ускорила появление второго. И вот сначала явился на свет с жалобным плачем хилый и слабый аргосский царевич Еврисфей, а уж после него – сын Алкмёны. Как только родился Еврисфей, Гера объявила Зевсу:

– Радуйся, Громовержец: сейчас на земле родился тот, кого ты обещал сделать господином всей Греции!

Зевс понял злую проделку Геры. Лицо его потемнело от гнева. Все смолкли, ожидая грозы.

Тогда Громовержец обрушился на богиню обмана Ату. Он сбросил её с Олимпа на землю и навсегда запретил появляться среди богов в своём светлом небесном доме. С тех пор богиня обмана живёт среди людей на земле и своими злыми выдумками сеет вражду между ними.

Потом владыка мира обратился к Гере и сказал ей:

– Я знаю, теперь ты будешь преследовать сына Алкмены, подвергать его многим опасностям. Но он выдержит все испытания, одолеет все препятствия, а твои усилия помешать ему только увеличат его славу. Он совершит подвиги, каких до него не совершал никто, и одержит много славных побед. А когда он кончит свои земные дела, я подыму его на Олимп, и ты сама примешь его в круг бессмертных. И пусть будет имя ему Геракл, что значит «прославленный Герой».

 Сыном какого бога был герой? Расскажите о его детстве.

Гера хочет погубить Геракла

Гипербола –
преувеличение.

Амфитрион, царь Фив, вернулся из похода и отдыхал от военных трудов. Острый меч его спокойно висел на стене над постелью. А в глубоком щите его, как в колыбели, спали Ификл и Геракл, два маленьких сына Алкмены. Она устала щит кудрявой шелковистой шкурой белого барана, чтобы детям было мягко спать.

Была тёплая тихая ночь, и луна светила в полуоткрытую дверь. Все спали во дворце – и царь, и царица, и служанки, и воины царя.

В полночь послышался шорох на каменных плитах террасы, и в спальню из сада тихо вползли две змеи – злые посланницы богини Геры. Они проползли мимо ложа царицы и качнули щит, в котором спали дети. Круглые змеиные головы поднялись над краем щита, змеиные глаза засветились, вся комната наполнилась зеленоватым сиянием. С лёгким свистом качались змеи над спящими детьми, высунув длинные чёрные языки.

Мальчики вдруг проснулись. Ификл испугался, закричал, перекинулся через край щита и пополз прочь, плача и зовя мать. Змеи не тронули его; они вползли в колыбель и обвинили маленького Геракла холодными, скользкими кольцами. Геракл засмеялся, протянул руки, словно играя, и схватил змей за шеи. Злые гадины извивались в руках ребёнка, стараясь ужалить его, а он всё крепче сжимал их, пока не задушил совсем. Смолкло шипение, и свет в змеиных глазах померк.

Плач Ификла разбудил Алкмену. Она в страхе вскочила с постели и позвала на помощь. Амфитрион схватил свой меч и прибежал в комнату царицы. Сбежались служанки и воины, принесли светильники и при свете их увидели: маленький Геракл лежал невредимый в своей колыбели, держа в руках задушенных змей, и смеялся.

Гераклу было в то время не больше года.

Выбор пути

Когда Геракл немного подрос, Амфитрион стал его учить всему, что должен уметь и знать воин: стрелять из лука, владеть мечом, метать копье, биться на кулаках, управлять конями. Царь хотел также, чтобы Геракл вырос просвещённым человеком и знал толк в науках и искусствах. Но Геракл не был прилежен в этом, и часто учителя его были им недовольны.

Однажды учитель музыки рассердился на Геракла и ударил его. Мальчик пришёл в ярость и с такой силой бросил в учителя кифарой¹, что тот упал мёртвый.

Амфитрион разгневался и приказал судить Геракла. Но юный Геракл горячо защищался:

– Он первый ударил меня! На удар надо отвечать ударом. Я не хотел убить его. Я не знал, что в моём ударе такая сила.

Тогда Амфитрион стал опасаться силы Геракла и, чтобы он не натворил ещё каких-нибудь бед, послал его в горы пасти стада. Там на высоких горных лугах и в лесу Геракл провёл несколько лет, жил, как простой пастух, трудясь и закаляя своё здоровье.

¹ *Кифара* – древнегреческий струнный щипковый инструмент.

К двадцати годам он вернулся в Фивы, готовый к подвигам и жаждущий испытать свои силы.

Тем временем в Микенах, в Аргосе, выросстал царевич Еврисфей, опередивший Геракла рождением. Ни красотой, ни умом, ни силой, ни мужеством он не был одарён. Но по слову Зевса, данному Гере, он должен был получить власть над всей Грецией, предназначенную Гераклу, и сам Геракл должен был служить ему.

Когда Еврисфею исполнилось двадцать лет, умер его отец, и Еврисфей стал царём в Микенах.

Его покровительница Гера тотчас велела ему призвать к себе Геракла.

Гонец Еврисфея отправился в Фивы и сказал, что его господин требует, чтобы Геракл, повинувшись воле богов, явился служить ему. Двенадцать раз должен Геракл выполнить то, что прикажет ему Еврисфей, – тогда царь обещает отпустить его.

Друзья Геракла, с которыми он проводил дни, уговаривали его не слушаться Еврисфея и остаться в Фивах.

Геракл знал, что силой нельзя принудить его служить Еврисфею, но мысль о подвигах, которые он мог совершить, волновала его.

В глубоком раздумье, полный сомнений, возвращался он однажды домой и на дороге увидел двух женщин, шедших к нему с двух сторон.

Одна была в простой белой одежде, гладко причёсана. Глаза её смотрели ясно и прямо, все движения были покойны и свободны. Неторопливо, с достоинством шла она к Гераклу и, остановившись перед ним, дружески приветствовала его.

Другая женщина была очень красива. Яркий пёстрый наряд подчёркивал её красоту. Лицо её было набелено и нарумянено, брови подведены и губы подкрашены, волосы заплетены в множество мелких кос и хитро уложены на голове. На голых руках женщины звенели золотые браслеты, и она шла, точно танцевала.

Легко подбежала она к Гераклу, взяла его нежно за руки и сказала, заглядывая в глаза:

– Ты сомневаешься и раздумываешь, лицо твоё мрачно, брови нахмурены... Брось, не утруждай себя думами, посмотри на меня и улыбнись скорее! Жизнь прекрасна, и в ней столько радостей! Живи для себя. Жизнь – весёлый праздник, и единственная забота – получать

как можно больше удовольствия: вкусно есть, сладко спать, красиво наряжаться и ничем не утомлять себя. Счастлив тот, кто может прожить всю жизнь, как гость на пиру: без трудов и забот! Идём со мной, и ты будешь счастлив!

Так говорила красавица и тянула Геракла за собой.

Очарованный, смущённый, он уже готов был последовать за нею, но другая женщина остановила его.

– Стыдись! – сказала она презрительно. – Боги дали тебе могучую силу, а ты хочешь бездельничать и пировать, пользуясь трудами других, как беспомощное дитя. Сильный распоряжается жизнью, как хозяин, он сам делает её прекрасной – он борется со злом и очищает землю от чудовищ и врагов. Сила и ум даны человеку для борьбы. Чем сильнее человек, тем труднее его жизнь.

– Слышишь? – сказала Гераклу, смеясь, красавица. – Пойди за нею, и ты не узнаешь радости, не будешь иметь ни покоя, ни отдыха.

– Отдых хорош после работы, – возразила первая женщина, – покой даёт человеку спокойная совесть. А самая большая радость для героя – знать, что ты сделал что-то доброе и не зря жил на земле. Послушай меня, друг! Сегодня праздник, завтра пир – и душа человека опустошается, скука бродит по дому. От обильной еды пропадает желание есть, от лишнего сна человек становится расслабленным и вялым. Печальна судьба человека, который всю жизнь только гость на чужом пиру. Когда-нибудь окончится пир, слуги выгонят засидевшихся, и он останется один на пустой улице. Кому он будет нужен, кто позаботится о нём? Лишь тот, кто потрудился в молодые годы, заслужит почёт и беззаботную старость. В битвах, в походах, в дальних дорогах, в единоборстве с чудовищами, в сражениях с врагами счастье героя!

При этих словах лицо женщины засияло необыкновенным светом, и Геракл, оставив красавицу, воскликнул:

– Богиня, я иду за тобой!

Мгновенно исчезли из глаз обе женщины, даже следов не осталось на пыльной дороге, словно всё это привиделось Гераклу. Но теперь весело и решительно он поспешил домой – он знал, что ему делать.

– Я иду в Микены, – сказал он наутро родным и друзьям. – Я должен исполнить волю богов и совершить двенадцать подвигов, которых потребует от меня Еврисфей.

Никто не посмел его отговаривать, а самый близкий его друг, Иолай, вызвался сопровождать его.

Геракл сделал себе лук и стрелы, выломал в лесу крепкую дубинку и отправился к царю Еврисфею.

1. Прочитайте по ролям отрывок «Встреча Геракла с двумя женщинами».
2. Как вы думаете: кто эти женщины?
3. А какой путь выбрали бы вы и почему?

Геракл освобождает Прометея

Много ещё подвигов совершил Геракл, и имя его прославилось по всей Греции.

Когда Язон построил быстроходный корабль «Арго» и созвал героев Греции, чтобы плыть за три моря, в Колхиду, добывать золотое руно, могучий Геракл отправился в поход вместе с отважными аргонавтами.

Но по дороге, на одной из стоянок «Арго» у берега неведомой земли, Геракл ушёл далеко в прибрежный лес, не вернулся вовремя на корабль, и аргонавты отплыли без него. А Геракл сухим путём отправился в глубь страны и скоро пришёл в горы.

Дикий и величественный край открылся перед ним. Грядую встали высокие горы, у подножия поросшие частым лесом, а на вершинах покрытые вечными снегами. Чем выше поднимался герой, тем суровее и неприступнее были горы. Наконец он взобрался на голую скалу, обрывающуюся над морем.

Вдруг Геракл услышал голос, зовущий его, и увидел прикованного к скале титана.

Геракл узнал Прометея – сына Фемиды, богини справедливости, и титана Иапета, от которого начался на земле род людской.

Вспомните миф о Прометее. Что сделал титан для людей и за что наказал его Зевс?

Прошли века. Многое изменилось на земле. Только не прекращались муки титана.

Но не даром он носил имя «Прометей», что означает «предвидящий»: он знал, что настанет время, и среди людей на земле явится великий герой, который совершит много подвигов, чтобы очистить землю от зла, и придёт освободить его.

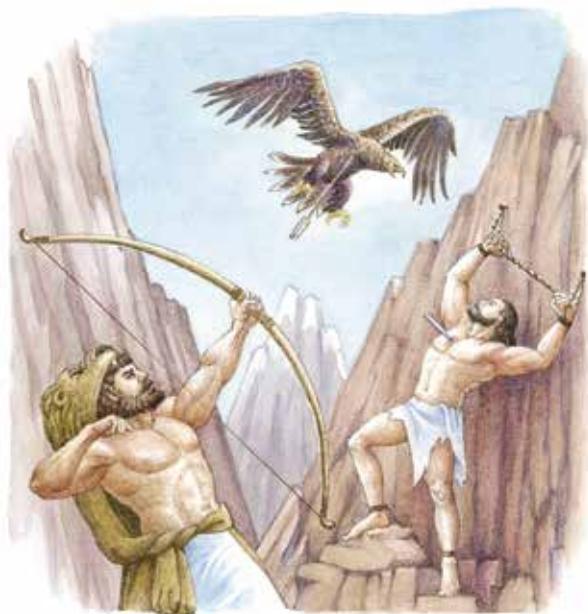
И вот наконец Прометей услышал шаги идущего по горам человека и увидел героя, которого ждал всё время.

Геракл приблизился к скованному Прометею и уже поднял меч, чтобы сбить оковы с титана,

но высоко в небе раздался орлиный крик: это Прометеев орёл в урочный час спешил на свой кровавый пир. Тогда Геракл схватил свой лук, метнул стрелу в летящего орла и убил его. Мёртвый орёл упал с высоты в море под скалою, и волны унесли его.

Геракл разбил цепь, сковывавшую Прометея, и вынул из его груди алмазное остриё, которым он был прибит к скале. И освобождённый Прометей распрямылся, вздохнул всей грудью и просветлёнными глазами смотрел на землю и на героя, принёсшего ему свободу и мир с богами.

Зевс приказал Гефесту сделать кольцо из звена Прометеевой цепи и вставить в него камень – осколок скалы, к которой был прикован титан. Это кольцо Зевс велел Прометею надеть на палец и всегда носить его в знак того, что не нарушено слово владыки мира и навеки Прометей прикован к скале.

1. Прочитайте в хрестоматии несколько рассказов о подвигах Геракла по своему выбору.
2. Чему научил Геракла кентавр Хирон?

3. Какие качества характера сделали Геракла героем?
4. Почему Геракл покинул аргонавтов и не участвовал в походе за золотым руном? Что он должен был совершить в это время?
5. Какие гиперболы использованы в описании Геракла?
6. Составьте или нарисуйте карту подвигов Геракла.
7. Какие качества приобретал Геракл, совершая очередной подвиг? Заполните концептуальную таблицу.

1-й подвиг	Смелость	5-й		9-й	
2-й подвиг	Находчивость	6-й		10-й	
3-й подвиг	Жизненный опыт	7-й		11-й	
4-й подвиг		8-й		12-й	

ДЕДАЛ И ИКАР

Миф рассказывает об афинском архитекторе, скульпторе, художнике и изобретателе Дедале и его сыне Икаре. По преданию, Дедал построил для Минотавра знаменитый Лабиринт на острове Крит. Он же дал Ариадне, дочери критского царя, клубок ниток, с помощью которого герой Тезей, убив Минотавра, выбрался из Лабиринта. За это царь Минос заключил Дедала и Икара в темницу. Дедала такая участь не устраивала, он придумывает план побега с ненавистного Крита. Скульптор, жаждущий свободы больше жизни, понимает, что морские и сухопутные дороги для него закрыты. Люди Миноса в два счёта схватят беглеца, и гнев правителя будет ужасен. Остаётся один путь – воздушный. Лишь небесные просторы неподвластны грозному повелителю критских земель. Но для полёта нужны крылья. Дедал конструирует их из перьев, скреплённых воском. Получилось четыре великолепных крыла. За работой мастера с интересом наблюдает его сын Икар. Ребёнок воспринимает крылья как очередную игру. Дедал заканчивает работу и пробует взмыть в небо. Икар с восторженным изумлением наблюдает за полётом своего отца. Дедал делится с мальчиком планом побега. Отец предупреждает мальчика, чтобы тот был предельно внимателен. Ведь морская вода может намочить крылья, а жаркое солнце способно расплавить воск. В этих случаях отважным беглецам грозит

неминуемая гибель. Дедал умоляет Икар лететь в точности за ним и не отставать.

Дедал и Икар надевают крылья и взмывают в воздух. Случайным зрителям беглецы напоминают богов, стремительно несущихся в небесной вышине. Отец с тревогой следит за тем, как летит Икар. Молодой беглец наслаждается ощущениями полёта. Он забывает о мудрых советах Дедала. Всё сильнее взмахивает юноша своими крыльями, всё выше парит он над землёй.

Случается неизбежное, то, чего так боялся Дедал. Жаркое небесное светило растопило воск, скрепляющий перья в крыльях Икара. Рассыпались крылья, и ветер разметал перья. В испуге взмахивает мальчик руками, лишёнными крыльев, и стремительно падает в бушующее море. Оборачивается Дедал, чтобы в очередной раз посмотреть на сына, но не видит его рядом с собой. В напрасной надежде зовёт он мальчика по имени и не получает ответа. И тут Дедал видит в море перья от крыльев. Проклял Дедал себя и день побега. Тело же неосторожного юноши долго носили волны, пока его не вынесло на берег. Там его обнаружил Геракл

и предал земле. А море, погубившее Икара, стало с тех пор называться Икарийским.

Этот миф указывает на стремление человека к возвышению над обыденностью. Овладев передвижением по земле и воде, люди стали задумываться о покорении неба. Поэтому величайшим достижением мифического мастера Дедала считались не его неповторимые статуи, великолепные здания, а сделанные им крылья. Многие античные боги были крылаты и, изготовив искусственные крылья, Дедал уподобился богам. Этот миф не раз привлекал внимание поэтов и писателей разных стран.

1. О чём думал во время полёта и падения Икар? Опишите его чувства.
2. Напишите рассказ от имени Икара о тех чувствах восторга и страха, которые он испытывал.
3. Прочитайте в хрестоматии стихотворение В. Я. Брюсова «Дедал и Икар». Сравните миф и его поэтический пересказ.
4. Ответьте, насколько точно поэт воссоздаёт миф в своём произведении. Укажите на сходство и отличие.

Дополнительная информация к произведению

Человек покоряет космос

Ю. А. Гагарин

Человек издавна мечтал о полёте в космос. Эта мечта исполнилась 12 апреля 1961 года. Лётчик-космонавт СССР Юрий Алексеевич Гагарин на корабле «Восток» совершил первый в мире полёт в космическое пространство. Старт корабля состоялся с космодрома Байконур в 9 часов 7 минут московского времени. Корабль выполнил один оборот вокруг Земли и совершил посадку в 10 часов 55 минут в районе деревни Смеловка Саратовской области.

После первого полёта человека в космос представители 35 государств побывали на орбите Земли. К середине 2017 года насчитывалось уже 550 человек, совершивших орбитальный космический полёт, в их числе 58 женщин.

Космонавты Республики Казахстан

Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев с космонавтами Т. Мусабаяевым, А. Аимбетовым, Т. Аубакировым

1. Кого мы можем назвать современными Икарами? Что вы знаете о космонавтах Казахстана?
2. С какого космодрома взлетали наши космонавты и где он находится?
3. Прочитайте в хрестоматии фрагмент из поэмы О. Сулейменова «Земля, поклонись человеку!»
4. О каком важном событии в истории человечества рассказывает поэт?
5. Почему О. Сулейменов, обращаясь к людям, говорит: «Преодолели земную тягость. Чтобы потомки нас запомнили, преодолите земные тяжбы!»?

АКТЕОН

Однажды охотился Актеон со своими товарищами в лесах Киферона. Настал жаркий полдень. Утомлённые охотники расположились на отдых в тени густого леса, а юный Актеон, отделившись от них, пошёл искать прохлады в долинах Киферона. Вышел он на зелёную, цветущую долину Гаргафию, посвящённую богине Артемиде. Пышно разрослись в долине платаны, мирты и пихты; как

тёмные стрелы высились на ней стройные кипарисы, а зелёная трава пестрела цветами. Прозрачный ручей журчал в долине. Всюду царили тишина, покой и прохлада. В крутом склоне горы увидел Актеон прелестный грот, весь обвитый зеленью. Он пошёл к этому гроту, не зная, что грот часто служит местом отдыха дочери Зевса, Артемиде.

Когда Актеон подошёл к гроту, туда только что вошла Артемида. Она отдала лук и стрелы одной из нимф и готовилась к купанью. Нимфы сняли с богини сандалии, волосы завязали узлом, и уже хотели идти к ручью зачерпнуть студёной воды, как у входа в грот показался Актеон. Громко вскрикнули нимфы, увидав входящего Актеона. Они окружили Артемиду, они хотят скрыть её от взора смертного. Подобно тому, как пурпурным огнём зажигает облака восходящее солнце, так зарделось краской гнева лицо богини, гневом сверкнули её очи, и ещё прекраснее стала она. Разгневалась на то Артемида, что Актеон нарушил её покой, в гнев Артемида превратила несчастного Актеона в стройного оленя.

Ветвистые рога выросли на голове Актеона. Ноги и руки обратились в ноги оленя. Вытянулась его шея, заострились уши, пятнистая шерсть покрыла всё тело. Пугливый олень обратился в поспешное бегство. Увидел Актеон своё отражение в ручье. Он хочет воскликнуть: «О, горе!» – но нет у него дара речи. Слёзы покатались у него из глаз – но из глаз оленя. Лишь разум человека сохранился у него. Что делать ему? Куда бежать?

Собаки Актеона почуяли след оленя; они не узнали своего хозяина и с яростным лаем бросились за ним.

Через долины по ущельям Киферона, по стремнинам гор, через леса и поля, как ветер, нёсся прекрасный олень, закинув на спину ветвистые рога, а за ним мчались собаки. Всё ближе и ближе собаки, вот они настигли его, и их острые зубы впились в тело несчастного Актеона-оленя. Хочет крикнуть Актеон: «О, пощадите! Ведь это я, Актеон, ваш хозяин!» – но только стон вырывается из груди оленя, и слышится в этом стоне звук голоса человека. Упал на колени олень-Актеон. Скорбь, ужас и мольба – в его глазах, но гибель неизбежна – рвут его тело на части рассвирепевшие псы.

Подросшие друзья Актеона жалели, что нет с ними товарища при таком счастливом лове. Дивного оленя затравили собаки. Не знали спутники Актеона, кто этот олень. Так погиб Актеон, нарушивший покой богини Артемиды, единственный из смертных, видевший небесную красоту дочери громовержца Зевса и Леты.

Дополнительная информация к произведению

Сюжет этого мифа вдохновил многих авторов на создание произведений других видов искусства: картин, скульптур, фонтанов, стихов. Например: стихотворение Е. В. Курдакова «Псы Актеона» или знаменитая скульптурная группа фонтана «Диана и Актеон» в Казерте (Италия) скульпторов Паоло Персико, Брунелли и Пьетро Солари. Есть свой Актеон и среди скульптур знаменитых фонтанов Петергофа (Россия).

Фрагмент фонтана «Диана и Актеон» в Казерте (Италия)

**Евгений Васильевич
КУРДАКОВ**
(1940–2002)

Поэт и прозаик, переводчик с тюркского языка, самобитный художник (резчик по дереву) Курдаков большую часть своей жизни провёл в Казахстане. Он является автором более десяти книг стихов и прозы.

Е. В. Курдаков

ПСЫ АКТЕОНА

Миф этот, в общем-то, не прост, хоть и наивен с виду...
Отстав от собственных собак, охотник Актеон
В случайном гроте увидал нагую Артемиду,
И за оплошность ею был в оленя превращён.
Ещё не зная, кем он стал по прихоти богини,
Виденьем знойным ослеплён, беспечный Актеон,
Не чуя ног, помчался вдаль по солнечной долине, –
И миф на этом мог бы быть спокойно завершён.

Но миф коварно-кропотлив... Устав от напряженья,
От странной тяжести своей, несчастный Актеон
Остановился над ручьём, взгляделся в отраженье,
И – ужаснулся он тому, что вдруг увидел он:
Ветвистый рог, пятнистый бок, огромный глаз в тумане...
И закричал он, но сумел издать лишь хрипый стон.
И даль ответила ему предсмертным криком лани, –
И снова миф на этом мог быть честно завершён...

Но нет... Уже катился вслед, заметно настигая,
 Забытой своры звонкий лай и злобный рёв вдогон.
 И понял бедный Актеон, кидаясь прочь от стаи,
 Что жертва – он, лесной олень, что здесь он обречён.
 И понеслась вдоль мирных роц кровавая погоня,
 Собаки выученно шли на срезку и в обгон.
 Он знал их всех по именам, он их кормил с ладони, –
 И вот – ни крикнуть, ни позвать не в состоянье он.

Здесь миф жестоко зашепшил в предчувствии развязки...
 Олень споткнулся и тотчас был сворой окружён, –
 И, взятый выжлецем¹ под пах и стиснутый под связки,
 На землю рухнул Актеон, и не поднялся он...
 Над пёстрой тушею платан шумел листвою лениво,
 Витал над миртами цикад неистребимый звон,
 Собаки слизывали кровь и ждали терпеливо,
 Когда хозяин их придёт... Но что-то медлил он...

1. Прочитайте миф об Актеоне и стихотворение Е.В. Курдакова «Псы Актеона». Сравните их и ответьте, насколько точно поэт излагает сюжет мифа. В чём сходство и различие?
2. Какой запрет нарушил Актеон? Намеренно или случайно?
3. Прокомментируйте последние строки первых двух строф.

4. Выпишите эпитеты, которые характеризуют изменения в психологическом состоянии героя.
5. Определите строфу и вид рифмовки. (Обратитесь к Словарю литературоведческих терминов в конце учебника.)
6. Найдите во второй строфе анафору. Для чего автор, по вашему мнению, использует этот приём?

Ана́фора – повторение одного или нескольких слов в начале нескольких строф, строк.

¹ *Выжлец* – гончий пёс.

СЛАВЯНСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Пантеон древних славян

Пантеон – совокупность божеств какой-либо религии.

В трудах академика Б.А. Рыбакова справедливо сказано, что «славянская мифология, как «жизнь богов», осталась неописанной». Конечно, свою роль сыграли отсутствие письменности на тот период времени и последующее принятие христианства по инициативе киевского князя. Предки древних славян умели лепить своих богов из глины и вырезать из дерева. Они не достигли такого совершенства в скульптуре, как древние греки или римляне, но всё-таки умели придавать лицам своих идолов соответствующее характеру божества выражение. Язычники украшали самих богов и их жилища (святилища, или капища) драгоценными камнями, золотой и серебряной утварью, пурпурными коврами или тканями, рогами различных животных, покрытых резными рисунками. Но говорить обо всём этом мы можем лишь потому, что отдельные языческие храмы славян были в своё время описаны античными или средневековыми авторами. Самих же храмов практически не сохранилось. После принятия христианства (на Руси в конце X в.н.э.) любое проявление многобожия и идолопоклонства преследовалось.

Исследователь славянской мифологии, автор одного из первых мифологических словарей А.С. Кайсаров писал в 1804 году: «Предки наши весьма ревностно принялись за новую свою веру; они разбили, уничтожили всё и не хотели, чтобы потомству их остались признаки заблуждения, которому они дотоле предавались. Когда б сего не случилось, то можно было бы соорудить музей из одних наших древних истуканов».

Сейчас возможно получить лишь самое общее представление о славянском языческом мире. Если отдельных богов можно более или менее внятно охарактеризовать, то от других сохранились только имена. А поскольку в разных регионах разные славянские племена богов с одинаковыми функциями называли зачастую по-разному, то даже определить точное количество богов славянского пантеона практически невозможно. Древнерусский летописец перечислил нескольких богов, культ которых утвердил киевский князь Владимир в 980 году. Это Перун, Стрибог, Дажьбог, Хорс,

Семаргл и богиня Макошь. В других статьях летописи упоминаются боги Род, Велес, Сварог и богини рожаницы¹. Далеко не всегда удаётся определить функции этих языческих божеств или степень распространённости их культов. Но учёные-мифологи не оставляют мысли «проникнуть в полузакрытый мир славянской мифологии» и хотя бы примерно воссоздать славянский пантеон. Для этого они используют следующие источники: фольклор (записанные и отчасти сохранившиеся обряды, предания, заклинания, сказки, былины и т.д.); декоративное и прикладное искусство (украшения домов, орнамент на посуде и прялках, вышивки на одежде и рушниках² и т.д.); археологические находки (например, Збручский идол, остатки святилищ и т.д.). Существуют и литературные источники, такие как работы античных авторов Плиния и Тацита, заметки этнографов³, а также древнерусские летописи X–XIV веков.

Каких же богов мы вправе считать наиболее почитаемыми у восточных славян? В статьях Киевской летописи за 907 и 971 годы говорилось о заключении договоров с греками (византийцами), уже христианами к тому времени. Если греки приносили клятву на кресте, то русское посольство клялось своими языческими богами. При этом часть посольства приносила клятву «оружием своим и Перуном, богом своим», а другая – клялась «Волосом (Велесом), скотским богом». Первая часть посольства состояла из дружинников, поклонявшихся богу грозы Перуну, другая – из купцов, для которых важнейшим был бог богатства Велес. Если культ Перуна у восточных славян был введён князем Владимиром незадолго до принятия христианства, то Велес является одним из древнейших славянских богов, культ которого начал формироваться ещё во времена первобытных охотников. «Один из древнерусских авторов в XII веке всё ещё называл русичей «дажьбожьими» или «велесовыми» внуками. Для сохранения и проведения культовых обрядов были жрецы, которых у славян называли волхвами (иногда кудесниками). Они исполняли свои песни «кощуны» в сопровождении

¹ Род и две рожаницы (мать и дочь) – древние языческие божества плодородия. (Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987).

² Рушник – полотенце.

³ Этнограф – специалист по этнографии; этнография – 1) наука о духовной и материальной культуре, а также происхождении народов мира; 2) особенности быта различных народов.

гуслей. Судя по тому, что церковнослужители в проповедях негативно отзывались о кощунах, это были произведения, связанные с языческими мифами, противоречащие официально принятой религии. От «кощун» произошло современное слово кощунство – святотатство.»

Низшая мифология

В.М. Васнецов.
Водяной

В.М. Васнецов.
Домовой

И.Я. Билибин.
Кикимора

Отменив языческий пантеон богов, христианство тем не менее не смогло отменить почитание персонажей так называемой «низшей мифологии», вера в которых сохранялась у славянских народов вплоть до XX века. К существам «низшей мифологии» обычно относят различных демонов или духов, не имеющих божественного статуса. Во-первых, это *природные духи*: хозяин леса *леший*, хозяин вод *водяной*, обитающий в поле *полевик*, хозяин лугов *луговик* и т.д. С водной стихией связаны также *русалки* – девушки и женщины, умершие преждевременной смертью или утонувшие.

Второй крупной разновидностью персонажей низшей мифологии славян являются *духи жилищ и хозяйственных построек*. К подобным персонажам можно отнести *домового*, домашнего духа и покровителя семьи, *кикимору*, часто рассматриваемую как жену домового, *банника*, ответственного за банное пространство. В отличие от природных духов, обитающих в чужом для человека пространстве, духи жилищ и хозяйственных построек были покровителями «своего» места, часто помогая человеку и заставляя его выполнять предписанные обычаями нормы поведения. Так, домовый, охраняя благополучие в семье, помогает выполнять её членам хозяйственные работы, но сурово наказывает зачинщиков ссор, лентяев и нерях. Если

семья перебиралась в новый дом, необходимо было позвать с собой своего домового, соблюдая установленные правила.

Старое и новое

Эволюция религиозных представлений не была полной сменой одних форм другими: существует множество примеров наслаивания нового на старое. Древние верования не исчезли полностью, но изменилась их значимость и место в мифологии и в жизни людей. В период распространения христианства всем языческим богам и духам придавались злые, демонические черты, уродливость внешнего вида и характера, дурные намерения. Так, Баба-яга, в волшебной сказке помогавшая герою советами и чудесными дарами, превращается в ведьму, похищающую детей. *Русалка*, когда-то направлявшая плывущего человека к берегу, стала существом, увлекающим на дно. Хозяин леса *леший* заводит в чащу, *водяной* заманивает в трясину, *домовой* путает косы и т.д.

Но и язычество, в свою очередь, повлияло на некоторые христианские праздники и обряды. Например, Пасха – главный

Б.М. Кустодиев. Масленица

христианский праздник воскресения – соединилась с языческой Радуницей – днём памяти предков и всех умерших (отмечается на 9-й день после «светлого» воскресения). Но, если в христианстве было не принято помянуть умерших едой, то у язычников трапеза была обязательным элементом поминального обряда. И именно языческая традиция взяла верх.

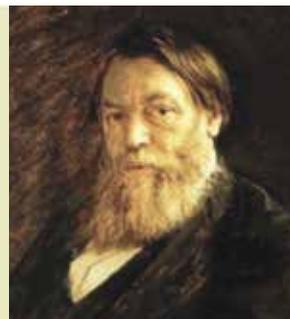
Через тысячелетия христианства благополучно прошёл языческий праздник проводов зимы и встречи весны – Масленица. Язычники пекли блины – символ жаркого весеннего солнца – и съедали их горячими, наполняя себя солнечной энергией жизни, силой и здоровьем. Ежегодные праздничные костры всех славян на Масленицу (весеннее равноденствие) и на Ивана Купалу (летнее солнцестояние) – это отклики поклонения небесному богу Сварогу. Прыжки через костёр – языческий обряд очищения огнём. От языческих традиций сохранились новогодние звериные маскарады (ряженые) и гадания.

1. Что такое язычество и как вы понимаете термин «многобожие»?
2. Составьте несколько пар античных и славянских богов, близких по своим функциям.
3. Перечислите известные вам образы низшей славянской мифологии.
4. Какую роль сыграла христианская религия в судьбе славянской мифологии?
5. Какие языческие праздники, обряды и суеверия дошли до наших дней?

Павел Иванович МЕЛЬНИКОВ-ПЕЧЕРСКИЙ

(1818–1883)

Русский писатель-прозаик, который в своих произведениях использовал богатый этнографический и фольклорный материал, воссоздавал мотивы славянской языческой мифологии. Многолетняя дружба связывала П.И. Мельникова-Печерского с В.И. Далем – автором «Толкового словаря живого великорусского языка».

НАРОДНЫЙ МИФ О СОЛНЦЕ

(Из романа П. И. Мельникова-Печерского «В лесах»)

Лежала Мать-Сыра Земля во мраке и стуже. Мертва была – ни света, ни тепла, ни звуков, никакого движения. И сказал вечно юный, вечно радостный светлый Яр: «Взглянем сквозь тьму кромешную на Мать-Сыру Землю, хороша ль, пригожа ль она?» И пламень взора светлого Яра в одно мгновение пронизал неизмеримые слои мрака, что лежали над спавшею Землёю, и где Ярилин взор прорезал тьму, там воссияло солнце красное. И попились через солнце жаркие волны лучезарного Ярилина света.

Мать-Сыра Земля от сна проснулась и в юной красе раскинулась. Жадно пила она золотые лучи живоносного света, и от того света палящая жизнь и томящая нега разлились по недрам её... Любы Земле Ярилены речи, возлюбила она бога светлого, и от жарких его поцелуев разукрасилась злаками, цветами, тёмными лесами, синими морями, голубыми реками, серебристыми озёрами...

Пила она жаркие поцелуи Ярилены, и из недр её вылетали поднебесные птицы, из вертепов¹ выбегали лесные и полевые звери, в реках и морях заплывала рыба, в воздухе затолклись мелкие насекомые, мушки да мошки.

И всё жило, и всё любило, и всё пело хвалебные песни Отцу-Яриле, Матери-Сырой Земле. Потом Земля породила человека. И когда вышел он из недр земных, ударил его Ярило по голове золотой вожжой – яркой молнией, и от той молнии ум в человеке зародился. Здравствовал Ярило любимого земнородного сына небесными громами, потоками молний, и от тех громов, от той молнии вся живая тварь в ужасе встrepенулась: разлетелись поднебесные птицы, попрятались в пещеры дубравные звери, один человек поднял к небу разумную голову и на речь отца громовую отвечал вещим словом, речью крылатою... И услыша то слово и узрев царя своего и владыку, все древа, все цветы и злаки перед ним преклонились.

Потом стала слабеть сила Ярилы, Мать-Сыра Земля стала тосковать, боясь, что всё замёрзнет. Ярило утешил её, сказав, что опять вернётся, а пока для поддержания тепла на земле послал Огонь.

¹ *Вертён* – пещера.

«Солнцем нашей поэзии» назвал Пушкина другой русский писатель – В.Ф. Одоевский. Для Ф.М. Достоевского Пушкин был недостижимой вершиной, на которую должна ориентироваться вся русская литература. Но Александр Сергеевич Пушкин был не только поэтом – в зрелые годы жизни и творчества он создал ряд выдающихся драматических и прозаических произведений. Осенью 1830 года поэт был вынужден в течение трёх месяцев оставаться в имении своего отца Болдине. И именно этому времени суждено было стать вершиной творчества Пушкина, когда из-под его пера «вылилась целая библиотека произведений». Само понятие Болдинская осень стало метафорическим и означает наивысший творческий подъём для любого писателя.

В числе поэтических произведений, написанных в Болдине, стихотворение «Бесы» (7 сентября), а в числе прозаических – цикл «Повести Белкина», куда входит «Метель» (19–20 октября). Оба произведения описывают одно и то же стихийное явление, и делают это при помощи тождественных пейзажных образов и слов. Имеющиеся отличия объясняются разностью литературных родов и жанров, а также разностью задач, поставленных автором в этих произведениях. В «Бесах» – это описание переживаний путника, застигнутого непогодой в чистом поле. В повести «Метель» изображение разных версий одной и той же стихийной силы выполняет служебную функцию. Метель разводит тех, кому быть вместе не суждено, и сводит тех, кто предназначен друг для друга.

А. С. Пушкин

ДОВОМОВУ

Поместья мирного незримый покровитель,
 Тебя молю, мой добрый домовой,
 Храни селенье, лес и дикий садик мой,
 И скромную семьи моей обитель!
 Да не вредят полям опасный хлад дождей
 И ветра позднего осенние набеги;
 Да в пору благотворны снеги
 Покроют влажный тук¹ полей!

¹ Тук – перегной, чистый чернозём, удобряющий землю и составляющий почву.

Останься, тайный страж, в наследственной сени¹,
 Постигни робостью полунощного вора
 И от недружеского взора
 Счастливый домик охрани!
 Ходи вокруг его заботливым дозором,
 Люби мой малый сад, и берег сонных вод,
 И сей укромный огород
 С калиткой ветхою, с обрушенным забором!
 Люби зелёный скат холмов,
 Луга, измятые моей бродящей ленью,
 Прохладу лип и клёнов шумный кров –
 Они знакомы вдохновенью.

1. Кто такой домовый? Какими функциями был наделён этот представитель низшей мифологии?
2. Прочитайте в хрестоматии статью А.Н. Афанасьева «Дедушка домовый». Составьте простой план.
3. Расскажите о привычках домового и обязанностях, которые он сам устанавливает для себя в «своём» доме. Как домовый заботится о «своём доме» и «своей семье»?

4. Определите главную идею статьи А.Н. Афанасьева и объясните её название.
5. Хранителем чего, по мнению поэта, является домовый, и как велики его силы?
6. Почему А.С. Пушкин, расширяя сферу влияния домового, просит его охранить не только домик, но и окружающий мир?

7. Составьте сравнительную таблицу к характеристике домового у А.Н. Афанасьева и А.С. Пушкина. (Работа в парах.)

Название произведения	Общее	Отличие
«Дедушка домовый»		
«Домовому»		

8. Выразительно прочитайте и выучите наизусть стихотворение А.С. Пушкина «Домовому».

¹ Сень – кров, защита от зноя, убежище.

А.С. Пушкин

БЕСЫ

Мчатся тучи, вьются тучи;
 Невидимкою луна
 Освещает снег летучий;
 Мутно небо, ночь мутна.
 Еду, еду в чистом поле;
 Колокольчик дин-дин-дин...
 Страшно, страшно поневоле
 Средь неведомых равнин!

«Эй, пошёл, ямщик!»
 – «Нет мочи:
 Коням, барин, тяжело;
 Вьюга мне слипает очи;
 Все дороги занесло;
 Хоть убей, следа не видно;
 Сбились мы. Что делать нам!
 В поле бес нас водит, видно,
 Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон, вон играет,
 Дует, плюет на меня;
 Вон – теперь в овраг толкает
 Одичалого коня;
 Там верстою небывалой
 Он торчал передо мной;
 Там сверкнул он искрой малой
 И пропал во тьме пустой».

Мчатся тучи, вьются тучи;
 Невидимкою луна
 Освещает снег летучий;
 Мутно небо, ночь мутна.
 Сил нам нет кружиться доле;
 Колокольчик вдруг умолк;
 Кони стали... «Что там в поле?» –
 «Кто их знает? пень иль волк?»

Ритм – равномерное чередование ускорения и замедления, напряжения и ослабления, долготы и краткости речи в произведении.

И. Волков. Бесы.

Лирический герой – это образ автора в лирике. Лирический герой не имеет имени и внешнего портрета.

Безымянность лирического героя позволяет читателю отождествлять себя с ним, сопереживать и присваивать себе содержание лирического стихотворения.

Вьюга злится, вьюга плачет;
 Кони чуткие храпят;
 Вот уж он далече скачет;
 Лишь глаза во мгле горят;
 Кони снова понеслись;
 Колокольчик дин-дин-дин...
 Вижу: духи собрались
 Среди белеющих равнин.
 Бесконечны, безобразны,
 В мутной месяца игре
 Закружились бесы разны,
 Будто листья в ноябре...
 Сколько их! куда их гонят?
 Что так жалобно поют?
 Домового ли хоронят,
 Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, вьются тучи;
 Невидимкою луна
 Освещает снег летучий;
 Мутно небо, ночь мутна.
 Мчатся бесы рой за роем
 В беспредельной вышине,
 Визгом жалобным и воем
 Надрывая сердце мне...

1. Прочитайте стихотворение А. С. Пушкина «Бесы».
2. Чем отличается стихотворение «Бесы» от стихотворения «Домовому»? Какие чувства испытывает лирический герой этих произведений: благосклонность, беззащитность, безысходность, доверие, отчаяние, подавленность, почтение, страх, ужас, уважение?
3. Почему лирический герой в стихотворении «Бесы» испытывает страх перед мифической силой?
4. Сравните ритмический рисунок стихов.
5. Через какие слова (часть речи) автор передаёт динамику природного явления?
6. Выпишите все глаголы. Какую роль они играют?
7. Определите размер и вид рифмовки стихотворения «Бесы».

8. Выучите стихотворение «Бесы» наизусть или подготовьте его выразительное чтение.
9. Прочитайте в хрестоматии повесть А.С. Пушкина «Метель».
10. Какая стихия вторгается в жизнь героев и как она повлияла на их судьбы?
11. Сравните описание метели в прозаическом произведении и стихотворении «Бесы». Заполните концептуальную таблицу.

Критерии для сравнения	«Бесы»	«Метель»
Место действия		
Время суток		
Стихийные силы		
Пейзажные образы		
Цвета		
Действия человека		
Результат действия стихийных сил		
Предполагаемая причина		

12. Прочитайте в хрестоматии стихотворение Е.В. Курдакова «Леший».
13. Выделите в тексте слова, характеризующие внешность и поведение лешего, место его обитания. Выпишите в тетрадь все эпитеты, сравнения, метафоры, олицетворения.
14. Почему лирический герой с особым трепетом и чувством входит в лес? Почему ему кажется, что он видит лешего?
15. Какие облики лешего представлены в стихотворении?
16. Почему лирический герой спешит «от всех зазывов беса», бормоча «тихонько – чур меня...»? Что означает эта просьба?
17. Почему человек по-разному относится к домовому и лешему?
18. Каких ещё представителей низшей мифологии вы знаете?
19. Заполните кластер:

ТЮРКСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Тенгрианство – древнейшая религия тюрков

Чтение с остановками

I. Древнетюркская мифология сложилась из совокупности древнейших мифологических представлений о мире и человеке у народов, говорящих на тюркских языках (турок, туркменов, казахов, кыргызов, узбеков, уйгуров, татар и других). Тюрки в древности поклонялись «человеку-небу», «человеку-солнцу» – Тенгри. Само имя бога неба Тенгри разные тюркские народы произносили по-разному, но у всех оно обозначало «Верховного мужа», или «Отца», восседающего на небе. Китайские историки отмечают появление у тюрков культа Тенгри самое позднее в V–III веках до нашей эры. И по мнению известного французского исследователя религий Жан-Поля Ру, тюрки, жившие на Алтае задолго до нашей эры, поклонялись «человеку-небу», «человеку-солнцу» – Тенгри. Наскальные рисунки с религиозными сюжетами полностью подтверждают сведения французского учёного и китайских хронографов¹.

Древнетюркская мифология, как и славянская, не сохранилась как целостная система, поскольку тщательно искоренялась пришедшим позже на эту территорию исламом. Известны лишь мифы орхоно-енисейских надписей на скалах (VII–IX вв.). Отголоски древних мифологий в народном эпосе и фрагменты мифов, собранных этнографами и историками XIX века, записи фольклористов в основном представляют так называемую «низшую» мифологию, или демонологию. И всё же тенгрианство как вероучение оказало огромное влияние на культуру, обычаи и традиции казахов. Тенгрианство – это совокупность представлений о мире, о жизни, существовавших у казахов и у других тюркских народов задолго до принятия ими мусульманской веры.

¹ *Хронóграф* – памятник древней письменности, содержащий историческую хронику какой-нибудь страны.

Рис. 1

Рис. 2

Согласно сохранившимся мифам, верховный бог Тенгри остановил хаос во Вселенной и установил известный людям порядок. Золотой кол (Алтынтаяқ) бога закрепил Небо и Землю на их местах, стал осью мира, вокруг которой держат свой путь Солнце, Луна, звёзды и кометы. Светящийся конец посоха в центре мира можно увидеть ночью на тёмном небе, люди назвали его Полярной звездой. Странники держат по ней свой путь и на морях, и в пустыне. А пояс Тенгри на небе превратился в небесную дорогу для птиц, улетающих осенью на юг, а весной возвращающихся обратно. Күс-жолы (Дорога птиц) зовётся он у казахов. Млечным Путём называют его другие народы.

1. Найдите Полярную звезду на рисунке 2.
2. Какое поверье, связанное с Полярной звездой, бытует у казахов?

II. Владыка неба Тенгри установил миропорядок не только для небесных светил и всех стихий (огня, воды, ветра), действующих на земле, но и для людей. Так как Небо имеет вид купола, то и жильё (юрты) люди стали строить куполообразным. Иногда Тенгри является людям в виде огромного великана в сияющих доспехах. Ногами он попирает землю, а головой поддерживает небо. У Тенгри есть два посланника – два всадника, предвещающих счастливую

или несчастливую жизнь. Если путник в начале дороги (жизни) встретит белого всадника, то всё у него будет хорошо. Но не будет удачи тому, кто увидит чёрного посланника на чёрном коне.

3. Прочитайте фрагмент мифа «Зевс на Олимпе»: «С Олимпа рассылают людям Зевс свои дары и утверждает на земле порядок и законы. В руках Зевса судьба людей: счастье и несчастье, добро и зло, жизнь и смерть. Два больших сосуда стоят у ворот дворца Зевса. В одном сосуде дары добра, в другом – зла. Зевс черпает из сосудов добро и зло и посылает людям. Горе тому человеку, которому громовержец черпает дары только из сосуда со злом».

4. Сравните с фрагментом из мифа «Тенгри и Умай»: «Два посланника Тенгри, два божества пути, счастья и несчастья, беды и радости являются иногда людям, один на белом, другой на чёрном коне. Хорошо, если встретится путнику в начале дороги всадник на белом коне. Но не будет дорога удачной увидевшему посланца на чёрном коне».

5. Что объединяет эти два фрагмента?
6. Нарисуйте психорисунок: «Добро» и «Зло».

III. Тенгри вездесущ. Поэтому для проведения обрядов и ритуалов не требовалось какого-то определённого места. Примечательно, что у тюркских народов было принято называть высокую гору или дерево Тенгри. Местом коллективных молений или жертвоприношений могло стать высокое одинокое дерево. И в наши дни сохранилась традиция повязывания ленточек на ветвях деревьев, стоящих одиноко или растущих около источника, у входа в пещеру. Это своеобразная дань почитания, знак святости места.

7. Прочитайте казахский миф о мировом дереве. Почему местом коллективных молений или жертвоприношений могло стать высокое одинокое дерево?
8. В каких мифах вы уже встречали трёхуровневую организацию пространства?

IV. Вторым важнейшим божеством у древних тюрков была мать-Умай, прекрасная супруга Тенгри, благодаря которой всё растёт на земле: весной поднимаются густые травы, осенью плодоносят деревья, плодятся скот. Да и сами люди рождаются по воле богини, хранительницы домашнего очага, покровительницы детей и рожениц.

Тенгри и Умай

В то же время слово «умай» имеет ещё одно значение: «умме» – утроба матери, место, где располагается плод, то есть Умай является Матерью, а люди – это рождённые ею дети. Тенгри распоряжается в мире и предопределяет судьбы людей, «распределяя сроки их жизни», но рождением «сынов человеческих» ведаёт Умай. Вот почему Умай любит людей искренне, невзирая на их недостатки и несовершенство.

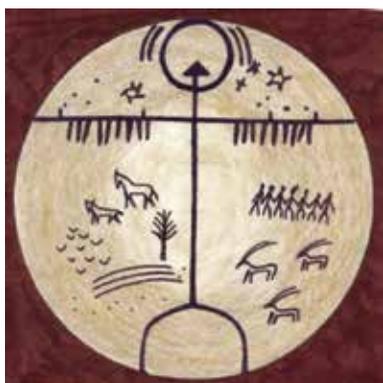
9. Заполните концептуальную таблицу «Тенгри – Зевс, Умай – Гера».

Боги, богини	Общее	Различие	Комментарий
Тенгри			
Зевс			
Умай			
Гера			

V. В древнетюркской мифологии также присутствуют мифы о небесных телах, великанах и страшных чудовищах или прекрасных золотоволосых девах – пэри, обитающих на небе, земле и в воде. Пери наделены способностью ясновидения и превращения в животных и птиц. Водяные пери служат подводному владыке Уббе, одному из прекраснейших богов. Подобно античным сиренам, пери очаровывают путников своим сладким пением и, подобно славянским русалкам, увлекают их на дно, чтобы принести души утопленников в дар подводному богу. Иногда пери влюблялись в земных мужчин, и от этих недолгих союзов рождались великие сыновья – герои, чьи имена бережно хранили народные песни и предания.

10. Прочитайте все тюркские мифы в хрестоматии. Какими способностями наделены пери?
11. Какой древнегреческий бог соответствует подводному владыке Уббе?

Символическое изображение мира Тенгри

VI. В тенгрианстве, в отличие от многих религий, сохранялась вера в бессмертие не только души, но и физического тела. Смерть воспринималась и объяснялась как сон, и поэтому рядом с покойником в могилу помещали вещи, которые могли понадобиться человеку в его новой жизни, когда он очнётся ото сна. Важной частью тенгрианства являлась традиция почитания духа предков, которая обязывала казахов знать свою родословную до седьмого колена (поколения). Каждый мужчина понимал, что и его поступки будут также оценивать семь будущих поколений.

Считается, что в том месте, где жил и творил свои добрые дела достойный почитания человек, и после смерти его дух может оказывать защиту своим сородичам.

Ещё одним важным моментом в тенгрианстве являлось признание того, что всё в мире имеет пару: люди делятся на мужчин и женщин, у неба есть земля, у горы есть низина, у тьмы есть свет. Не забыто и самое главное, что всегда ценилось в тенгрианстве

и дошло до наших дней, – это любовь и уважительное отношение к природе, уважение к предкам, живым и мёртвым, сохранение культурных ценностей, обычаев и традиций.

КАЗАХСКИЙ МИФ О МИРОВОМ ДЕРЕВЕ

(По книге О. Жанайдарова «Мифы Древнего Казахстана»)

Каждый из народов, имеющих древнюю историю, примерно одинаково объясняет мир, окружающую природу, человека и богов. Одно из таких мифологических представлений – убеждение в том, что космос человеческой жизни состоит из трёх частей, из трёх миров: Верхнего мира (неба), Среднего мира (земли) и Нижнего мира (подземного). Кочевые народы считали, что в каждом из этих миров есть жизнь и что эта жизнь похожа на жизнь Среднего мира, в котором живут сами люди. Об этом сказано в казахских сказках: «Под землёй есть жизнь, там тоже живут люди и народы, но только там не так, как на поверхности: мало света, мало воздуха, солнца там не видно, но люди там делают то же, что творят люди на поверхности земли». А в Верхнем мире, напротив, очень много света и солнца, и из тел обитателей Верхнего мира струится яркий свет.

В мифологических представлениях древних закрепилось символическое понятие об обитателях этих трёх миров. В Среднем мире живут четвероногие и двуногие животные, в том числе люди. Символами Верхнего мира являются крылатые существа, птицы. А символами подземного и подводного миров являются лягушки, змеи, черепахи, рыбы. Поэтому в казахских волшебных сказках существа, живущие в Верхнем мире, прибывают на землю в облике птиц, а из Нижнего мира выходят на поверхность

*Монумент «Казак ели».
г. Астана*

земли в облике змей. В своих же привычных мирах они пребывают в человеческом облике.

Одним из важнейших элементов мифологии древних народов земли является понятие о *мировом дереве*, произрастающем из центра планеты, и пронизывающем три мира от основания до небес. Это огромное чудесное дерево объединяет все три мира: Верхний, Средний, Нижний, делает его единым целым. Для сказочного восприятия древних людей казалось закономерным, что есть такое великое дерево, которое своими корнями уходит в глубь земли, а вершиной достигает высоких небес. У всех народов в сказках присутствует описание такого огромного Древа Жизни. В мифологии кочевого народа это священное мировое древо связывают в реальности чаще всего с большими тополями и называют такой тополь *байтерек*, где *бай* – обозначает «большой, гигантский».

Птица, которая сидит на вершине мирового дерева, называется Самурык или Симиург – волшебная птица, считающаяся царём всех птиц. Птица Самурык, как правило, помогает батырам совершать их подвиги. Но прежде чем волшебная птица Самурык доверится батыру, он должен победить злого подземного змея, который каждый год подползает вверх по дереву к гнезду и съедает её птенцов. Батыр убивает змея и тем заслуживает помощь птицы в своих нелёгких ратных делах. Так, в сказках о вечном мировом дереве главным смыслом и содержанием является борьба и единство всех трёх миров, их представителей, вечная борьба добра и зла, и, лишь победив в ней, человек обретает счастье. Этот известный сюжет является одним из главных в мифологической философии кочевников.

Три мира – Верхний, Средний, Нижний – объединены гигантским мировым деревом. На вершине мирового дерева находится царь Верхнего мира – птица Самурык (Симиург). В корнях мирового дерева, обхватив его кольцами, лежит дракон-змей – олицетворение зла. У подножия дерева стоит человек, направивший лук и стрелы на дракона. В гнезде птицы, находящемся на вершине дерева, – неоперившиеся птенцы, олицетворяющие будущее. Таков глубокий философский смысл мифа о мировом дереве.

1. О какой важной традиции казахов вы узнали? Почему нужно знать свою родословную до седьмого колена?
2. Почему важным моментом в тенгрианстве являлось признание того, что всё в мире имеет пару? Продолжите ряд пар, которые даны в тексте: солнце – луна, сын – дочь, камень – пух ...
3. Что всегда ценилось в тенгрианстве и дошло до наших дней?
- 4. Прочитайте в хрестоматии легенду «Как Асан Кайгы искал Жер Уюк».
- 5. Почему Асана прозвали печальным? О ком он печалился? Почему отправился искать Жер Уюк?
6. Через какие города, земли проезжал Асан Кайгы? Какие вам известны и что вы о них знаете?
7. Отметьте на географической карте Казахстана города, реки, земли, которые посетил Асан Кайгы, или создайте свою карту.
8. Укажите признаки легенды в этом произведении.
- 9. Продолжите заполнять двухчастный дневник (групповая работа, разделить текст на части):

Цитата	Комментарии
– О, если бы мой народ поселить в такой стране! – Зачем построили её (крепость Сауран) на пустыре в глубине безводной пустыни?	Мне эта цитата напоминает миф о золотом веке. Он прав. Людям будет очень трудно выживать в такой местности.

10. Почему Асан Кайгы не нашёл счастливую землю Жер Уюк?
- 11. Подготовьте устную монологическую речь (3–5 минут) о своём родном городе, селе; расскажите о природном мире, полезных ископаемых. В своём выступлении ответьте на вопрос: почему вы любите, гордитесь своей родиной, городом, селом. Приведите примеры.
- 12. Напишите эссе «Моя родословная» (можно в виде схемы, генеалогического древа, генеалогической карточки, нисходящей горизонтальной схемы).

БИБЛЕЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Во многих религиях мира имеются книги, которые для верующих людей являются священными. В них содержатся сказания о боге или богах, их вестниках, посланниках и пророках, определены правила поведения для верующих. Слово «библия» восходит к греческому слову «книги». В этой форме оно было заимствовано христианами и проникло в латинский язык. Начиная с XIII века слово «библия» стало употребляться в единственном числе (книга) и вошло в различные языки через латинскую христианскую литературу.

Иудейская и христианская Библии не совпадают. Священное писание евреев сложилось до нашей эры на основе культов Древнего Израиля и Древней Иудеи, в то время как христианское учение возникло в эпоху разложения рабовладельческого строя. Иудеи не признали священными книги, созданные в христианскую эпоху, в то время как христиане почитают написанные евреями книги как священное писание. Библия состоит из двух частей: еврейской Библии, обычно называемой христианами Ветхим Заветом¹, и исключительно христианских книг, объединённых под названием Новый Завет.

Ветхий Завет включает памятники древней еврейской литературы, создававшиеся на протяжении длительного периода – с XII по II век до новой эры. Написаны они на древнееврейском и отчасти арамейском языках. В Ветхом Завете повествуется о сотворении мира и человека, об изгнании из рая и жизни на земле первых людей, о Всемирном потопе, Вавилонском столпотворении, о таких царях и героях, как Моисей, Давид, Соломон, Самсон и многих других.

Новый Завет состоит из памятников ранней христианской литературы второй половины I и начала II века новой эры, написанных в основном на греческом языке. Новый Завет – это рассказ о жизни и учении Иисуса Христа, воссозданный его учениками и последователями – апостолами.

В отличие от греческой мифологии в библейском рассказе о сотворении мира нет соперничества, нет вражды и битв, нет крови.

¹ *Завёт* – договор, заключённый Богом с людьми сначала в лице одного народа – еврейского, затем – со всеми народами.

Ю.-Ш. Карольсфальд. Сотворение мира

Мир творится свободным актом воли, выраженным в словесной формуле – «Да будет так!». Сотворение мира представлено как тот же переход от хаоса к космосу, то есть упорядочивающее разделение его частей: «И отделил Бог свет от тьмы», «И отделил воды, которые под твердь, от вод, которые над твердь» и т.д. Мир был создан за шесть дней десятью речениями Бога, создан для человека. Библейский Бог – это не глава большой патриархальной семьи, вовлечённый в сложные родовые отношения, каким рисует Зевса греческий эпос. Иудаизм, христианство и ислам признают только одного Бога.

Олимпийские боги только иногда обращали внимание на человека или принимали участие в земных делах. Исключением был титан Прометей, похитивший для людей огонь и научивший их многим ремёслам. В библейской мифологии Бог создаёт человека по своему образу и подобию для того, чтобы тот стал владыкой

на земле. Бог дал человеку заповеди – правила веры и поведения в обществе людей, где нет места убийству, воровству, клевете, зависти, неуважению к родителям. Библейские образы и сюжеты, темы и мотивы обнаруживаются во многих произведениях мировой и русской литературы.

БАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ

Вначале населяющие землю люди говорили на одном языке, и все друг друга понимали. И захотелось людям оставить память о себе навеки веков: они решили построить такую высокую башню, чтобы верхушка её доставала до самого неба. Вместо камней они использовали обожжённый кирпич, а вместо извести – глину. Вокруг башни постепенно возникал город, который был назван Вавилоном. Башня росла всё выше и выше, пока Бог не встревожился и не решил посмотреть, что она собой представляет. Не понравилась ему затея, не захотел он, чтобы люди добрались до

П. Брейгель. Вавилонская башня

неба. И наслал Бог на землю великую бурю. Пока буря бушевала, ветер унёс все слова, которые люди привыкли говорить друг другу. Во всём городе Вавилоне люди перестали понимать друг друга. Среди строителей башни возникло по этой причине такое замешательство, что они вынуждены были отказаться от своего дерзкого замысла и рассеялись по всему свету, побросав груды материала и орудия, которыми они пользовались. А башня стала мало-помалу разваливаться. Но говорят, что до сих пор в каждом городе можно найти обломки кирпичей от вавилонской башни, потому что многие уносили их с собой на память о тех временах, когда на земле существовал один народ и все люди понимали друг друга.

1. Как миф о Вавилонской башне объясняет, что люди, живущие на земле, говорят на разных языках?
2. Почему люди решили построить башню?
3. Почему Богу не понравилась затея людей?
4. Найдите в Интернете или других источниках и прочитайте 5-ю главу книги Дж. Фрейзера «Фольклор в Ветхом Завете». Сравните библейский миф «Вавилонская башня» с приведёнными африканскими мифами о таком же строительстве.
5. С какой целью и каким образом в африканских мифах люди хотели добраться до Бога? Удалось ли им это? Почему?
6. В чём сходство этих мифов и легенды о Вавилонской башне?

Чтение с остановками

СОЛОМОН¹

I. Много грубостей и огорчений терпел Давид от своего непослушного сына Авессалома. Зато утешал и радовал его другой сын – Соломон. Это был добрый и благочестивый юноша, который любил и слушался своего отца Давида.

Когда Давид состарился, то объявил народу, что царём над ними будет Соломон. Он велел (священнику Садоку и пророку Нафану)

¹ Соломон – с еврейского «мирный, благодатный».

помазать¹ Соломона на царство. Народу новый царь понравился, и он кричал: «Да здравствует царь Соломон!»

Наконец Давид почувствовал, что он очень ослабел и скоро умрёт. Он позвал к своей постели Соломона и сказал ему: «Сын мой! Скоро я умру. Надейся всегда на Бога, старайся угождать Ему и управляй народом, как велит тебе Бог». С этими словами Давид умер и был погребён в Иерусалиме.

И Соломон исполнил волю отца своего Давида. Он любил Бога, исполнял Его святые заповеди и был благочестив. За то и Бог любил Соломона и наградил его.

Однажды, когда Соломон спал, ему во сне явился сам Бог и сказал: «Проси у меня, чего хочешь; что попросишь, то и дам тебе».

 Подумайте: что мог попросить Соломон у Бога? Дайте предполагаемый ответ.

II. Желают иногда люди и просят у Бога, чтобы дал им подольше пожить на свете и дожить до старости. Другой любит деньги и хочет быть богатым. Иные добиваются высоких должностей, хотят сделаться знатными. Не просил у Бога Соломон ни долгой жизни, ни богатства, ни славы, а просил мудрости, т. е. большого, большого ума. Он сказал Богу: «Господи, Ты сделал меня царём над большим народом. Дай мне мудрость, чтобы я мог различать, что хорошо и что худо, чтобы мне как следует управлять моим народом».

 Прав ли Соломон? Аргументируйте ответ.

III. Богу понравилось, что Соломон просил мудрости, и Он сказал Соломону: «За то, что ты не просил ни долгой жизни, ни богатства, ни смерти твоих врагов, а просил мудрости, я и дам тебе мудрость. Тебя за мудрость будут хвалить не только при жизни, но и умрёшь ты, а люди всегда будут говорить, что Соломон был мудрейший из всех людей. К мудрости я прибавлю тебе и богатство, и счастье». И Соломон, в самом деле, сделался мудрым.

¹ *Помазать* – совершить над кем-то помазание. *Помазание* – религиозный обряд, состоявший в смазывании освещённым маслом (миром) лба монарха, вступающего на трон.

1. Кто такой царь Соломон и почему он является библейским символом высочайшей мудрости?
2. Какой совет дал Соломону его отец царь Давид?

СУД СОЛОМОНА

В Иерусалиме в одном доме, даже в одной комнате жили две женщины. У той и другой было по маленькому грудному ребёнку. ...Одна из них положила однажды своего ребёнка слишком близко к себе, неосторожно прижала его к груди, так, что ребёночек не мог и дышать, и – бедняжка задохнулся. Ночью проснулась эта женщина и поглядела на своего ребёнка. И как же она испугалась, когда увидела, что он не шевелится, и даже не дышит; пощупала, а он холодный. Тут догадалась она, что ребёнок умер, что она его задушила.

Видит она, что другая женщина, её соседка, спит. «Постой, – думает она себе, – никто и не узнает, что я задушила ребёнка. Я подменю его». Потихоньку подкралась она к спящей своей соседке, осторожно взяла у неё живого ребёнка, а к ней сунула своего мёртвого. И как ни в чём не бывало, легла спать в свою постель с чужим живым ребёнком.

Просыпается утром и другая женщина. Берёт ребёнка, хочет покормить его грудью и не верит своим глазам – он мёртвый. Начинает всматриваться и видит, что это не её ребёнок...

«Поддай мне моего ребёнка, – говорит она, – зачем ты подменила ребёнка? У меня украли живого, а мне подсунули мёртвого». «Что ты? Опомнись! – говорит задушившая своего ребёнка, – это мой ребёнок, и я ни за что не отдам его тебе».

Спорили, спорили они, поссорились, побрались, а укравшая не отдаёт ребёнка настоящей матери.

Что делать? Пойдём к молодому царю Соломону; пусть он рассудит, кому отдать ребёнка. Приходят к царю. Начинают говорить. Одна говорит: «Вот эта женщина нынешнюю ночь нечаянно задушила своего ребёнка и, когда я спала, взяла моего ребёнка живого, а мне положила своего мёртвого. Государь! Вели ей отдать мне моего ребёнка». «Нет, – говорит другая, – это она

Н.Н. Ге. Суд царя Соломона

задушила своего ребёнка, а теперь хочет, чтобы я отдала ей своего живого. Государь! Прикажи ей отстать от меня. Я не отдам ей ребёнка». «Мой ребёнок живой!» – говорит одна. «Нет, не твой, а мой!» – спорит другая. «Ты задушила ребёнка», – говорит одна. «Нет, ты!» – отвечает другая.

Сколько ни говорили женщины, а добиться толку, чей ребёнок, было невозможно. Нам с вами так никогда бы и не решить этого трудного дела. А Соломон решил: «Принеси-ка сюда меч», – сказал он слуге. Слуга принёс большой острый меч. «Возьмите живого ребёнка, – сказал Соломон, – разрубите его пополам и дайте и той, и другой женщине по половине: пусть не спорят».

...Женщина, которая своего ребёнка задушила и утащила чужого, сказала: «Пусть ребёнка разрубят; не доставайся он ни мне, ни тебе» ... А настоящая мать ребёнка, у которой ребёнок был подменён, просила, чтобы его не убивали. «Государь, – со слезами

просила она, – лучше отдайте ребёнка этой женщине, только не убивайте его. Пусть он останется жив». И узнал Соломон, которая из женщин настоящая мать ребёнка. Ей и велел он отдать дитя. Как она радовалась и как благодарила царя!

Когда израильтяне узнали, как судит их молодой царь, то стали уважать его. Добрые радовались и любили царя, а злым он не нравился, и они боялись его.

-
- 1. Рассмотрите репродукцию картины художника Н.Н. Ге «Суд царя Соломона». Вспомните и перескажите эпизод, который вдохновил художника на создание этого произведения изобразительного искусства.
  - 2. Прочитайте в хрестоматии три казахские народные сказки о царе Сулеймане (**групповая работа**; каждая группа читает одну сказку).
  - 3. Заполните диаграмму Венна «Царь Соломон и царь Сулейман».

ИТОГОВЫЕ ЗАДАНИЯ К РАЗДЕЛУ I

- 1. Подготовьте презентации «Зевс и его изображение в искусстве», «Человек и природа в славянской мифологии».
- 2. Расскажите, о каких традициях и обычаях казахского народа вы узнали.
- 3. Прочитайте библейский миф о сотворении мира. Сравните с древнегреческим, славянским, тюркским мифами о сотворении мира, составьте концептуальную таблицу.
- 4. **Работа по группам.** Научный проект: 1-я группа: «Языческие праздники в жизни современных людей». 2-я группа: «Языческие обряды в моей семье». 3-я группа: «Языческие суеверия в быту». 4-я группа: «Языческие праздники и их отражение в традициях казахского народа». 5-я группа: «Общность языческих обрядов русского и казахского народов» (на примере обрядов, связанных с огнём, сватовством, переездом в новый дом и т.д.).
- 5. Творческая работа (**по группам**). Тема: «Мифологема в искусстве». 1-я группа – «Мифологема в музыке» (в опере, балете); 2-я – «Мифологема в живописи»; 3-я – «Мифологема в скульптуре»; 4-я группа – «Мифологема в кино и анимации».

РАЗДЕЛ II

ТЕМА РОЖДЕСТВА В ЛИТЕРАТУРЕ

? Задание: заполните «Корзину идей»: что вы знаете о Рождестве?
Чтение с заполнением таблицы ЗХУ.

Жанр рождественского рассказа

Зимние праздники издавна включали в себя и старинные народные святки (языческие по своему происхождению), и церковный праздник Рождества Христова, и мирской праздник Нового года. Святки – это «вечера народного веселья». Веселье, смех, озорство объяснялись стремлением человека воздействовать на будущее: считалось, что чем веселее человек встречает начало года, тем благополучнее будет год.

Рождество Христово – один из самых светлых и радостных дней в году. Как отдельный праздник его начали отмечать только в конце V века. По григорианскому календарю Рождество выпадает на 25 декабря. Именно в этот день праздник отмечают представители римско-католической и протестантской церкви. Православная церковь григорианский календарь до сих пор не признаёт, поэтому Рождество Христово отмечается по юлианскому календарю, на две недели позже, в ночь с 6 на 7 января.

О рождении нового Пророка и царя Иудейского возвестила всему миру Вифлеемская звезда, которая и указала волхвам дорогу к маленькому Иисусу. Некоторые исследователи утверждают, что Вифлеемская звезда – это комета Галлея, которая пронеслась по небу в ночь, когда родился Иисус Христос. Именно поэтому Вифлеемская звезда является одним из главных символов праздника и её часто можно увидеть на иконах, где изображены младенец Иисус и Дева Мария.

Ещё один важный символ праздника Рождества – ёлка. Почему? Как это дерево связано с младенцем Иисусом? Когда иудейский царь Ирод узнал о рождении Иисуса, в котором он видел соперника в борьбе за царскую власть, он приказал убить всех младенцев мужского пола, рождённых в тот же день. Мать Иисуса Мария вместе с мужем вынуждена была бежать в Египет. По дороге супруги спрятались на ночлег в пещере, закрыв вход в неё еловыми ветками. Так еловые веточки помогли защитить младенца от холода и недобрых глаз. Рождество Христово – один из важнейших христианских праздников, является государственным более чем в ста странах мира.

В русской литературе святочная тема появляется в середине XVIII века в небольших по размеру произведениях, авторы которых верили в усиление власти «нечистой силы» (чертей, ведьм, леших и др.) именно в период святок. Широкое распространение в народной среде получили гадания, подблюдные¹ песни и колядование ряженных.

Что такое колядование? Традиция хождения от дома к дому во время религиозных праздников существовала во многих странах. К примеру, в канун Рождества по домам и дворам ходили толпы «ряженных» – детей и молодых парней с девушками, переодетых в костюмы сказочных персонажей и зверей, и исполняли колядки – обрядовые песни славян на святки. Во главе весёлой компании шёл «звездарь», несущий большую восьмиконечную звезду – символ Рождения Иисуса Христа. Затем следовал «звонарь», в обязанность которого входило нести колокольчик, а замыкал шествие «мехоноша» с большим мешком для сбора подарков. Как правило, на Рождество разучивались короткие, «со смыслом», тексты, которые легко запоминались.

Аналогичное обрядовое действие проводилось и в казахских аулах во время священного для мусульман месяца Рамадан. Дети и подростки вечером, не входя в дом, исполняли песни «жарапазан» с добрыми пожеланиями семье и дому, например, чтобы колыбель украсил здоровый сын. Люди выносили исполнителям угощение: курт, масло, творог, отрез на платье и пр. Знатоки старины

¹ Подблюдный – подблюдная песня – обрядовая песня при святочном гадании.

утверждают, что жарапазан нужно исполнить, по меньшей мере, в семи домах. Жарапазан обычно исполняют два человека: один начинает, второй подпевает.

Рождественский (святочный) рассказ в русской литературе появился лишь в 40-х годах XIX века. Этот жанр создавался под влиянием творчества европейских авторов: Э.-Т.-А. Гофмана и Ф. Рюккерта, Ч. Диккенса, Х.-К. Андерсена и некоторых других. Повести, написанные Диккенсом в 1840-х годах, выходили отдельными книгами к концу декабря, почему и получили название «Рождественских книг». Диккенс облачал свои рождественские повести в форму сказки, щедро черпая из народного творчества образы призраков, эльфов, фей, духов умерших и дополняя фольклор своей неистощимой фантазией.

Сказка Ханса Кристиана Андерсена «Девочка со спичками» совсем не похожа на привычный рождественский рассказ, в котором истории бедных людей должны иметь счастливую развязку. Причина, погнавшая ребёнка на улицу, – это необходимость заработать хоть какие-то деньги для семьи. За весь день девочка не заработала ни гроша и поэтому не могла вернуться домой, опасаясь побоев отца. Замёрзший и голодный ребёнок в пламени горящих спичек, которые она всё-таки решает зажечь, начинает видеть чудесные картины: большую железную печь, стол с жареным гусем, великолепнейшую ёлку, горевшую тысячами огоньков. Последнее, что чудится замерзающему ребёнку, – это её покойная бабушка, единственное в мире существо, любившее её. Счастье приходит к маленькой героине Андерсена только в предсмертном сне.

Сюжет рассказа Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на ёлке» не может не напомнить эту историю девочки со спичками, замёрзшей в праздничную ночь. Правда, герой рассказа русского писателя ничего не продаёт, он ходит с «ручкой», то есть просит милостыню. Таких «мальчишек тьма-тьмуца: их высылают «с ручкой» хотя бы в самый страшный мороз, и если ничего не наберут, то, наверно, их ждут побои». Достоевский «максимально, насколько это допускалось каноном святочного рассказа, постарался сохранить очевидный для читателя с первых строк «петербургский» колорит. Санкт-Петербург – это большой город

с его широкими улицами, светом и музыкой, стуком и громом, лошадьми и каретами, огромными стеклянными окнами и витринами. Но в этом огромном и богатом городе нет крова и хлеба для детей бедных родителей. На ёлке у Христа в рассказе Достоевского собраны именно такие дети.

Угасание интереса к жанру рождественского рассказа происходило постепенно в течение всего XX века, и началом этого спада считают 1910-е годы – время первых революционных выступлений и войн. Возрождение традиций жанра начинается в конце 1980-х годов, когда в печати появляются перепечатки святочных рассказов XIX и начала XX веков, а также новые произведения с подзаголовком «святочный рассказ». В современном обществе Рождество вновь стало одним из самых почитаемых праздников, а святочные и рождественские рассказы, согласно календарю, возвращаются на страницы современных газет и журналов.

Почему ёлка и звезда стали обязательными атрибутами Рождественских праздников? Кто такие ряженые? Чем они занимались на святки? Из кого состояла группа ряженых?

Борис Леонидович ПАСТЕРНАК

(1890–1960)

Поэт родился в Москве. В 1912 году поступил в Маргбургский университет, но вскоре увлечение философией проходит, и Пастернак возвращается в Москву. Здесь он становится участником сразу нескольких литературных кружков, где читает свои стихи, но не примыкает ни к каким творческим объединениям, предпочитая независимую позицию. Пастернак был известен не только как поэт, но и как переводчик с английского и немецкого языков. Переводы трагедий Шекспира, сделанные Борисом Леонидовичем, стали

классикой. Последние годы жизни он работал над переводом «Фауста» Гёте и завершил свой роман «Доктор Живаго», за который ему была присуждена Нобелевская премия (1958).

Б. Л. Пастернак

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЗВЕЗДА

Стояла зима.
 Дул ветер из степи.
 И холодно было младенцу в вертепе
 На склоне холма.
 Его согревало дыханье вола.
 Домашние звери
 Стояли в пещере,
 Над яслями тёплая дымка плыла.
 Доху отряхнув от постельной трухи
 И зёрнышек проса,
 Смотрели с утёса
 Спросонья в полночную даль пастухи.
 Вдали было поле в снегу и погост¹,
 Ограды, надгробья,
 Оглобля в сугробе,
 И небо над кладбищем, полное звёзд.
 А рядом, неведомая перед тем,
 Застенчивей площадки²
 В оконце сторожки³
 Мерцала звезда по пути в Вифлеем.
 Она пламенела, как стог, в стороне
 От неба и бога,
 Как отблеск поджога,
 Как хутор⁴ в огне и пожар на гумне⁵.

¹ *Погóст* – сельское кладбище (в старину – церковь).

² *Плóшка* – плоский сосуд с фитилём для освещения.

³ *Сторожка* – небольшой домик для сторожа.

⁴ *Ху́тор* – отдельная крестьянская усадьба с обособленным хозяйством.

⁵ *Гумно́* – в крестьянском хозяйстве огороженный участок земли, предназначенный для хранения и обработки зерна.

Она возвышалась горячей скирдой¹
 Соломы и сена
 Среди целой вселенной,
 Встревоженной этою новой звездой.
 Растущее зарево рдело² над ней
 И значило что-то,
 И три звездочёта
 Спешили на зов небывалых огней.
 За ними везли на верблюдах дары.
 И ослики в сбруе, один малорослей
 Другого, шажками спускались с горы.
 И странным виденьем грядущей поры
 Вставало вдали всё пришедшее после.
 Все мысли веков, все мечты, все миры,
 Всё будущее галерей и музеев,
 Все шалости фей, все дела чародеев,
 Все ёлки на свете, все сны детворы.
 Весь трепет затепленных свечек, все цепи,
 Всё великолепые цветной мишуры...

**Града́ция – по-
 следовательность,
 постепенность в
 расположении
 чего-нибудь при
 переходе от одного
 к другому.**

Морозная ночь походила на сказку,
 И кто-то с навьюженной снежной гряды
 Всё время незримо входил в их ряды.
 Собаки брели, озираясь с опаской,
 И жались к подпаску, и ждали беды.
 По той же дороге, чрез эту же местность
 Шло несколько ангелов в гуще толпы.
 Незримыми делала их бестелесность,
 Но шаг оставлял отпечаток стопы.

У камня толпилась орава народу.
 Светало. Означились кедров стволы.

¹ *Скирдá* – плотно сложенная масса сена или соломы, которой придавалась продолговатая форма.

² *Рдеть* – отливать красным светом, краснеть.

В.К. Шебуев. Рождество
Христово

- А кто вы такие? – спросила Мария.
- Мы племя пастушье и неба послы,
Пришли вознести вам обоим хвалы.
- Всем вместе нельзя. Подождите у входа.

Средь серой, как пепел, предутренней мглы
Топтались погонщики и овцеводы,
У выдолбленной водопойной колоды
Ревели верблюды, лягались ослы.

Светало. Рассвет, как пылинки золы
Последние звёзды сметал с небосвода.
И только волхвов из несметного сброда
Впустила Мария в отверстие скалы.

Он спал, весь сияющий, в яслях из дуба,
Как месяца луч в углубленье дупла.
Ему заменяли овчинную шубу
Ослиные губы и ноздри вола.

Стояли в тени, словно в сумраке хлева,
Шептались, едва подбирая слова.
Вдруг кто-то в потёмках, немного налево
От яслей рукой отодвинул волхва,
И тот оглянулся: с порога на деву,
Как гостья, смотрела звезда рождества.

1. Прочитайте в хрестоматии библейскую легенду «Рождение Иисуса Христа».

2. Сравните библейскую легенду и стихотворение Б.Л. Пастернака «Рождественская звезда». (Можете использовать диаграмму Венна или концептуальную таблицу.)

3. Чьё изложение истории рождения Христа вам больше понравилось и почему?

4. Найдите в стихотворении описание рождественской звезды. Какие сравнения использует автор?

5. Составьте градационную карту использованных сравнений при описании звезды (от «застенчивой площадки» до «небывалых огней»).
6. Придумайте психорисунок на тему: «Что такое чудо?».
7. Выучите наизусть понравившийся отрывок стихотворения.

Николай Васильевич ГОГОЛЬ

(1809–1852)

Н.В. Гоголь – русский писатель, современник А.С. Пушкина, прозаик и драматург. Прозаические произведения Гоголя появились вскоре после «Повестей Белкина» и сразу же получили одобрение не только читателей, но и многих критиков. Повесть «Ночь перед Рождеством» открывает вторую часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Сам Гоголь, украинец по происхождению, успех этого цикла повестей объяснял искренним интересом русского общества ко всему украинскому: быту, образу жизни, народному творчеству. Созданный автором рассказчик пасечник Рудый Панько, как и Иван Петрович Белкин, ничего не сочиняет, он только пересказывает ту «болтовню», которой наслушался у себя в Диканьке по вечерам. А здесь «Чего только не расскажут! Откуда старины не выкопают! Каких страхов не нанесут!». Поэтому и соединились в повестях совершенно естественным образом фольклорные и мифологические образы, народные предания и быт украинского хутора, смешное и трагическое, ирония и лиризм. Солоха, которую автор называет ведьмой, привычно летает на метле, скрадывая звёзды, и так же исправно посещает церковь по праздникам. Она умеет угодить всякому – и чёрту, и дьяку, и сварливому голове. Во внешности чёрта, «совершенного немца» (иностранца), сочетаются черты свиньи (мордочка с кругленьким пяточком) и козла (рожки, борода и копытца). В портрете капризной красавицы Оксаны отразились народные представления об идеальной женской красоте. «Ночь перед Рождеством» относится к повестям со счастливым концом.

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

Последний день перед Рождеством прошёл. Зимняя, ясная ночь наступила. Глянули звёзды. Месяц величаво поднялся на небо посветить добрым людям и всему миру, чтобы всем было весело колядовать и славить Христа¹. Морозило сильнее, чем с утра; но зато так было тихо, что скрип мороза под сапогом слышался за полверсты. Ещё ни одна толпа парубков² не показывалась под окнами хат; месяц один только заглядывал в них украдкой, как бы вызывая принаряживавшихся девушек выбежать скорее на скрипучий снег. Тут через трубу одной хаты клубами повалился дым и пошёл тучею по небу, и вместе с дымом поднялась ведьма верхом на метле.

Если бы в это время проезжал сорочинский заседатель на тройке обывательских лошадей, в шапке с барашковым околышком, сделанной по манеру уланскому, в синем тулупе, подбитом чёрными смушками³, с дьявольски сплетённой плетью, которую имеет он обыкновение подгонять своего ямщика, то он бы, верно, заметил её, потому что от сорочинского заседателя ни одна ведьма на свете не ускользнёт. Он знает наперечёт, сколько у каждой бабы свинья мечет поросёнков, и сколько в сундуке лежит полотна, и что именно из своего платья и хозяйства заложит добрый человек в воскресный день в шинке⁴. Но сорочинский заседатель не проезжал, да и какое ему дело до чужих, у него своя волость. А ведьма между тем поднялась так высоко, что одним только чёрным пятнышком мелькала вверх. Но где ни показывалось пятнышко, там звёзды, одна за другою, пропадали на небе. Скоро ведьма набрала их полный

---

¹ *Колядовать* у нас называется петь под окнами накануне Рождества песни, которые называются *колядками*. Тому, кто колядует, всегда кинет в мешок хозяйка, или хозяин, или кто остаётся дома колбасу, или хлеб, или медный грош, чем кто богат. Говорят, что был когда-то болван Коляда, которого принимали за бога, и что будто от того пошли и колядки. Кто его знает? Не нам, простым людям, об этом толковать. Прошлый год отец Осип запретил было колядовать по хуторам, говоря, что будто сим народ угрождает сатане. Однако ж если сказать правду, то в колядках и слова нет про коляду. Поют часто про Рождество Христа, а при конце желают здоровья хозяину, хозяйке, детям и всему дому. Замечание пасичника. (Прим. Н.В. Гоголя.)

² *Пáрубок* – парень.

³ *Смúшки* – бараний мех.

⁴ *Шинóк* – кабак, питейный дом.

рукав. Три или четыре ещё блестели. Вдруг, с противной стороны, показалось другое пятнышко, увеличилось, стало растягиваться, и уже было не пятнышко. Близорукий, хотя бы надел на нос вместо очков колёса с комиссаровой брички, и тогда бы не распознал, что это такое. Спереди совершенно немец¹: узенькая, беспрестанно вертевшаяся и нюхавшая всё, что ни попадалось, мордочка оканчивалась, как и у наших свиней, кругленьким пяточком, ноги были так тонки, что если бы такие имел яресковский голова, то он переломал бы их в первом козачке. Но зато сзади он был настоящий губернский стряпчий в мундире, потому что у него висел хвост, такой острый и длинный, как теперешние мундирные фалды; только разве по козлиной бороде под мордой, по небольшим рожкам, торчавшим на голове, и что весь был не белее трубочиста, можно было догадаться, что он не немец и не губернский стряпчий, а просто чёрт, которому последняя ночь осталась шататься по белому свету и выучивать грехам добрых людей. Завтра же, с первыми колоколами к заутрене, побежит он без оглядки, поджавши хвост, в свою берлогу.

Между тем чёрт крался потихоньку к месяцу и уже протянул было руку схватить его, но вдруг отдернул её назад, как бы

¹ Немцем называют у нас всякого, кто только из чужой земли, хоть будь он француз, или цесарец, или швед – всё немец. (Прим. Н.В. Гоголя.)

обжѣгшись, пососал пальцы, заболтал ногою и забежал с другой стороны, и снова отскочил и отдернул руку. Однако ж, несмотря на все неудачи, хитрый чѣрт не оставил своих проказ. Подбежавши, вдруг схватил он обеими руками месяц, кривляясь и дуя, перекидывал его из одной руки в другую, как мужик, доставший голыми руками огонь для своей люльки¹; наконец поспешно спрятал в карман и, как будто ни в чём не бывал, побежал далее.

В Диканьке никто не слышал, как чѣрт украл месяц. Правда, волостной писарь, выходя на четвереньках из шинка́, видел, что месяц ни с сего ни с того танцевал на небе, и уверял с божбою в том всё село; но миряне качали головами и даже подымали его на смех. Но какая же была причина решиться чѣрту на такое беззаконное дело? А вот какая: он знал, что богатый козак Чуб приглашён дьяком на кутью², где будут: голова; приехавший из архиерейской певческой родич дьяка в синем сюртуке, бравший самого низкого баса; козак Свербыгуз и ещё кое-кто; где, кроме кутьи, будет варенуха³, перегонная на шафран водка и много всякого съестного. А между тем его дочка, красавица на всём селе, останется дома, а к дочке, наверное, придёт кузнец, силач и детина хоть куда, который чѣрту был противнее проповедей отца Кондрата. В досужее от дел время кузнец занимался малеванием и слыл лучшим живописцем во всём околотке. Сам ещё тогда здравствовавший сотник Л...ко вызывал его нарочно в Полтаву выкрасить дощатый забор около его дома. Все миски, из которых диканьские козаки хлебали борщ, были размалѣваны кузнецом. Кузнец был богобоязливый человек и писал часто образа святых: и теперь ещё можно найти в Т...церкви его евангелиста Луку. Но торжеством его искусства была одна картина, намалѣванная на стене церковной в правом притворе, в которой изобразил он святого Петра в день Страшного суда, с ключами в руках, изгонявшего из ада злого духа; испуганный чѣрт метался во все стороны, предчувствуя свою гибель, а заключённые прежде грешники били и гоняли его кнутами, поленами и всем чем ни попало. В то время, когда живописец трудился над этою картиною и писал её на большой деревянной доске, чѣрт всеми силами

¹ *Люлька* – трубка.

² *Кутья* – каша, обычно рисовая, с мѣдом, изюмом, которую едят в сочельник.

³ *Варенуха* – варѣная водка с пряностями.

старался мешать ему: толкал невидимо под руку, подымал из горнила в кузнице золу и обсыпал ею картину; но, несмотря на всё, работа была кончена, доска внесена в церковь и вделана в стену притвора, и с той поры чёрт поклялся мстить кузнецу.

Одна только ночь оставалась ему шататься на белом свете; но и в эту ночь он выискивал чем-нибудь выместить на кузнеце свою злобу. И для этого решился украсть месяц, в той надежде, что старый Чуб ленив и не лёгок на подъём, к дьяку же от избы не так близко: дорога шла по-за селом, мимо мельниц, мимо кладбища, огибала овраг. Ещё при месячной ночи варенуха и водка, настоящая на шафране, могла бы заманить Чуба, но в такую темноту вряд ли бы удалось кому стащить его с печки и вызвать из хаты. А кузнец, который был издавна не в ладах с ним, при нём ни за что не отважится идти к дочке, несмотря на свою силу. <...>

Теперь посмотрим, что делает, оставшись одна, красавица дочка. Оксане не минуло ещё и семнадцати лет, как во всём почти свете, и по ту сторону Диканьки, и по эту сторону Диканьки, только и речей было, что про неё. Парубки гуртом провозгласили, что лучшей девки и не было ещё никогда и не будет никогда на селе. Оксана знала и слышала всё, что про неё говорили, и была капризна, как красавица. Если бы она ходила не в плахте¹ и запаске², а в каком-нибудь капоте, то разогнала бы всех своих девок. Парубки гонялись за нею толпами, но, потерявши терпение, оставляли малопомалу и обращались к другим, не так избалованным. Один только кузнец был упрям и не оставлял своего волокитства, несмотря на то, что и с ним поступаемо было ничуть не лучше, как с другими.

По выходе отца своего она долго ещё принаряживалась и жеманилась перед небольшим в оловянных рамках зеркалом и не могла налюбоваться собою. «Что людям вздумалось расславлять, будто я хороша? – говорила она, как бы рассеянно, для того только, чтобы об чём-нибудь поболтать с собою. – Лгут люди, я совсем не хороша». Но мелькнувшее в зеркале свежее, живое в детской юности лицо с блестящими чёрными очами и невыразимо приятной усмешкой, прожигавшей душу, вдруг доказало противное. «Разве чёрные

¹ *Плахта* – нижняя одежда женщин из шерстяной клетчатой материи.

² *Запаска* – род шерстяного передника у женщин.

брови и очи мои, – продолжала красавица, не выпуская зеркала, – так хороши, что уже равных им нет и на свете? Что тут хорошего в этом вздёрнутом кверху носе? и в щеках? и в губах? Будто хороши мои чёрные косы? Ух! их можно испугаться вечером: они, как длинные змеи, перевились и обвились вокруг моей головы. Я вижу теперь, что я совсем не хороша! – и, отдвигая несколько подалее от себя зеркало, вскрикнула: – Нет, хороша я! Ах, как хороша! Чудо! Какую радость принесу я тому, кого

буду женою! Как будет любоваться мною мой муж! Он не вспомнит себя. Он зацелует меня насмерть».

– Чудная девка! – прошептал вошедший тихо кузнец, – и хвастовства у неё мало! С час стоит, глядясь в зеркало, и не наглядит-ся, и ещё хвалит себя вслух!

«Да, парубки, вам ли чета я? вы поглядите на меня, – продолжала хорошенькая кокетка, – как я плавно выступаю; у меня сорочка шита красным шёлком. А какие ленты на голове! Вам век не увидеть богаче галуна! Всё это накупил мне отец мой для того, чтобы на мне женился самый лучший молодец на свете!» И, усмехнувшись, поворотилась она в другую сторону и увидела кузнеца...

Вскрикнула и сурово остановилась перед ним.

Кузнец и руки опустил.

Трудно рассказать, что выражало смугловатое лицо чудной девушки: и суровость в нём была видна, и сквозь суровость какая-то издёвка над смутившимся кузнецом, и едва заметная краска досады тонко разливалась по лицу; и всё это так смешалось и так было неизобразимо хорошо, что расцеловать её миллион раз – вот всё, что можно было сделать тогда наилучшего.

– Зачем ты пришёл сюда? – так начала говорить Оксана. – Разве хочется, чтобы выгнала за дверь лопатую? Вы все мастера подъезжать к нам. Вмиг пронюхаете, когда отцов нет дома. О, я знаю вас! Что, сундук мой готов?

– Будет готов, моё серденько, после праздника будет готов. Если бы ты знала, сколько возился около него: две ночи не выходил из кузницы; зато ни у одной поповны не будет такого сундука. Железо на оковку положил такое, какого не клал на сотникову таратайку, когда ходил на работу в Полтаву. А как будет расписан! Хоть весь околоток выходи своими беленькими ножками, не найдёшь такого! По всему полю будут раскиданы красные и синие цветы. Гореть будет, как жар. Не сердись же на меня! Позволь хоть поговорить, хоть поглядеть на тебя!

– Кто ж тебе запрещает, говори и гляди!

Тут села она на лавку и снова взглянула в зеркало и стала поправлять на голове свои косы. Взглянула на шею, на новую сорочку, вышитую шёлком, и тонкое чувство самодовольствия выразилось на устах, на свежих ланитах и осветилось в очах.

– Позволь и мне сесть возле тебя! – сказал кузнец.

– Садись, – проговорила Оксана, сохраняя в устах и в довольных очах то же самое чувство.

– Чудная, ненаглядная Оксана, позволь поцеловать тебя! – произнёс ободрённый кузнец и прижал её к себе, в намерении схватить поцелуй; но Оксана отклонила свои щёки, находившиеся уже на не приметном расстоянии от губ кузнеца, и оттолкнула его.

– Чего тебе ещё хочется? Ему когда мёд, так и ложка нужна! Поди прочь, у тебя руки жёстче железа. Да и сам ты пахнешь дымом. Я думаю, меня всю обмарал сажею.

Тут она поднесла зеркало и снова начала перед ним охорашиваться.

«Не любит она меня, – думал про себя, повеся голову, кузнец. – Ей всё игрушки; а я стою перед нею как дурак и очей не свожу с неё. И всё бы стоял перед нею, и век бы не сводил с неё очей! Чудная девка! чего бы я не дал, чтобы узнать, что у неё на сердце, кого она любит! Но нет, ей и нужды нет ни до кого. Она любит сама собою; мучит меня, бедного; а я за грустью не вижу света; а я её так люблю, как ни один человек на свете не любил и не будет никогда любить».

– Правда ли, что твоя мать ведьма? – произнесла Оксана и засмеялась; и кузнец почувствовал, что внутри его всё засмеялось. Смех этот как будто разом отозвался в сердце и в тихо вострепёнувшихся

жилах, и со всем тем досада запала в его душу, что он не во власти расцеловать так приятно засмеявшееся лицо.

– Что мне до матери? ты у меня мать, и отец, и всё, что ни есть дорогого на свете. Если б меня призвал царь и сказал: «Кузнец Вакула, проси у меня всего, что ни есть лучшего в моём царстве, всё отдам тебе. Прикажу тебе сделать золотую кузницу, и станешь ты ковать серебряными молотами». – «Не хочу, – сказал бы я царю, – ни каменьев дорогих, ни золотой кузницы, ни всего твоего царства: дай мне лучше мою Оксану!»

– Видишь, какой ты! Только отец мой сам не промах. Увидишь, когда он не женится на твоей матери, – проговорила, лукаво усмехнувшись, Оксана. – Однако ж дивчата не приходят... Что б это значило? Давно уже пора колядовать. Мне становится скучно.

– Бог с ними, моя красавица!

– Как бы не так! с ними, верно, придут парубки. Тут-то пойдут балы. Воображаю, каких наговорят смешных историй!

– Так тебе весело с ними?

– Да уж веселее, чем с тобою. А! кто-то стукнул; верно, дивчата с парубками.

«Чего мне больше ждать? – говорил сам с собою кузнец. – Она издевается надо мною. Ей я столько же дорог, как перержавевшая подкова. Но если ж так, не достанется, по крайней мере, другому посмеяться надо мною. Пусть только я наверное замечу, кто ей нравится более моего; я отучу...»

Стук в двери и резко зазвучавший на морозе голос: «Отвори!» – прервал его размышления.

– Постой, я сам отворю, – сказал кузнец и вышел в сени, в намерении отломать с досады бока первому попавшемуся человеку. <...>

* * *

В самом деле, едва только поднялась метель и ветер стал резать прямо в глаза, как Чуб уже изъявил раскаяние и, нахлобучивая глубже на голову капелюхи¹, угощал побранками себя, чёрта и кума. Впрочем, эта досада была притворная. Чуб очень рад был поднявшейся метели. До дьяка ещё оставалось в восемь раз больше

¹ *Капелюха* – шапка с наушниками.

того расстояния, которое они прошли. Путешественники повернулись назад. Ветер дул в затылок; но сквозь метущий снег ничего не было видно.

– Стой, кум! мы, кажется, не туда идём, – сказал, немного отошедши, Чуб, – я не вижу ни одной хаты. Эх, какая метель! Свороти-ка ты, кум, немного в сторону, не найдёшь ли дороги; а я тем временем поищу здесь. Дёрнет же нечистая сила потаскаться по такой вьюге! Не забудь закричать, когда найдёшь дорогу. Эх, какую кучу снега напустил в очи сатана!

Дороги, однако ж, не было видно. Кум, отошедши в сторону, бродил в длинных сапогах взад и вперёд и, наконец, набрёл прямо на шинок. Эта находка так его обрадовала, что он позабыл всё и, стряхнувши с себя снег, вошёл в сени, нимало не беспокоясь об оставшемся на улице куме. Чубу показалось между тем, что он нашёл дорогу; остановившись, принялся он кричать во всё горло, но, видя, что кум не является, решил идти сам. Немного пройдя, увидел он свою хату. Сугробы снега лежали около неё и на крыше. Хлопая намёрзнувшими на холоде руками, принялся он стучать в дверь и кричать повелительно своей дочери отпереть её.

– Чего тебе тут нужно? – сурово закричал вышедший кузнец.

Чуб, узнавши голос кузнеца, отступил несколько назад. «Э, нет, это не моя хата, – говорил он про себя, – в мою хату не забредёт кузнец».

[Поверив, что он ошибся хатой, Чуб решил навестить Солоху.]

* * *

В то время, когда проворный франт с хвостом и козлиною бородою летал из трубы и потом снова в трубу, висевшая у него на перевязи при боку ладунка, в которую он спрятал украденный месяц, как-то нечаянно зацепившись в печке, растворилась, и месяц, пользуясь этим случаем, вылетел через трубу Солохиной хаты и плавно поднялся по небу. Всё осветилось. Метели как не бывало. Снег загорелся широким серебряным полем и весь обсыпался хрустальными звёздами. Мороз как бы потеплел. Толпы парубков и девушек показались с мешками. Песни зазвенели, и под редкою хатю не толпились колядующие.

Чудно блещет месяц! Трудно рассказать, как хорошо потолкаться в такую ночь между кучею хохочущих и поющих девушек и между парубками, готовыми на все шутки и выдумки, какие может только внушить весело смеющаяся ночь. Под плотным кожухом тепло; от мороза ещё живее горят щёки; а на шалости сам лукавый подталкивает сзади.

Кучи девушек с мешками вломились в хату Чуба, окружили Оксану. Крик, хохот, рассказы оглушили кузнеца. Все наперерыв спешили рассказать красавице что-нибудь новое, выгружали мешки и хвастались паляницами, колбасами, варениками, которых успели уже набрать довольно за свои колядки. Оксана, казалось, была в совершенном удовольствии и радости, болтала то с той, то с другою и хохотала без умолку. С какой-то досадою и завистью глядел кузнец на такую весёлость и на этот раз проклинал колядки, хотя сам бывал от них без ума.

– Э, Одарка! – сказала весёлая красавица, оборотившись к одной из девушек, – у тебя новые черевики¹! Ах, какие хорошие! и с золотом! Хорошо тебе, Одарка, у тебя есть такой человек, который всё тебе покупает; а мне некому достать такие славные черевики.

– Не тужи, моя ненаглядная Оксана! – подхватил кузнец, – я тебе достану такие черевики, какие редкая панночка носит.

– Ты? – сказала, скоро и надменно поглядев на него, Оксана. – Посмотрю я, где ты достанешь черевики, которые могла бы я надеть на свою ногу. Разве принесёшь те самые, которые носит царица.

– Видишь, каких захотела! – закричала со смехом девичья толпа.

– Да, – продолжала гордо красавица, – будьте все вы свидетельницы: если кузнец Вакула принесёт те самые черевики, которые носит царица, то вот моё слово, что выйду тот же час за него замуж.

Девушки увели с собою капризную красавицу.

– Смейся, смейся! – говорил кузнец, выходя вслед за ними. – Я сам смеюсь над собою! Думаю, и не могу вздумать, куда девался ум мой. Она меня не любит, – ну, бог с ней! будто только на всём свете одна Оксана. Слава богу, дивчат много хороших и без неё на

¹ Череві́ки – башмаки.

селе. Да что Оксана? с неё никогда не будет доброй хозяйки; она только мастерица рядиться. Нет, полно, пора перестать дурачиться.

Но в самое то время, когда кузнец готовился быть решительным, какой-то злой дух проносил пред ним смеющийся образ Оксаны, говорившей насмешливо: «Достань, кузнец, царицыны черевки, выйду за тебя замуж!». Всё в нём волновалось, и он думал только об одной Оксане.

Толпы колядующих, парубки особо, девушки особо, спешили из одной улицы в другую. Но кузнец шёл и ничего не видал и не участвовал в тех веселостях, которые когда-то любил более всех.

Чёрт между тем не на шутку разнежился у Солохи: целовал её руку с такими ужимками, как заседатель у поповны, брался за сердце, охал и сказал напрямик, что если она не согласится удовлетворить его страсти и, как водится, наградить, то он готов на всё: кинется в воду, а душу отправит прямо в пекло. Солоха была не так жестока, притом же чёрт, как известно, действовал с нею заодно. Она таки любила видеть волочившуюся за собою толпу и редко бывала без компании; этот вечер, однако ж, думала провести одна, потому что все именитые обитатели села званы были на кутью к дьяку. Но всё пошло иначе: чёрт только что представил своё требование, как вдруг послышался голос дюжего головы. Солоха побежала отворить дверь, а проворный чёрт влез в лежавший мешок.

Голова, стряхнув с своих капелюх снег и выпивши из рук Солохи чарку водки, рассказал, что он не пошёл к дьяку, потому что поднялась метель; а увидевши свет в её хате, завернул к ней, в намерении провести вечер с нею.

Не успел голова это сказать, как в дверь послышался стук и голос дьяка.

– Спрячь меня куда-нибудь, – шептал голова. – Мне не хочется теперь встретиться с дьяком.

Солоха думала долго, куда спрятать такого плотного гостя; наконец выбрала самый большой мешок с углём; уголь высыпала в кадку, и дюжий голова влез с усами, с головою и капелюхами в мешок.

Дьяк вошёл, побряхтывая и потирая руки, и рассказал, что у него не был никто и что он сердечно рад этому случаю погулять

немного у неё и не испугался метели. Тут он подошёл к ней ближе, кашлянул, усмехнулся, дотронулся своими длинными пальцами её обнажённой полной руки и произнёс с таким видом, в котором выказывалось и лукавство, и самодовольствие:

– А что это у вас, великолепная Солоха? – И, сказавши это, отскочил он несколько назад.

– Как что? Рука, Осип Никифорович! – отвечала Солоха.

– Гм! рука! хе! хе! хе! – произнёс сердечно довольный своим началом дьяк и прошёлся по комнате.

– А это что у вас, дражайшая Солоха? – произнёс он с таким же видом, приступив к ней снова и схватив её слегка рукою за шею и таким же порядком отскочив назад.

– Будто не видите, Осип Никифорович! – отвечала Солоха. – Шея, а на шее монисто.

– Гм! на шее монисто! хе! хе! хе! – и дьяк снова прошёлся по комнате, потирая руки. – А это что у вас, несравненная Солоха?.. – Неизвестно, к чему бы теперь притронулся дьяк своими длинными пальцами, как вдруг послышался в дверь стук и голос козака Чуба.

– Ах, боже мой, стороннее лицо! – закричал в испуге дьяк. – Что теперь, если застанут особу моего звания?.. Дойдёт до отца Кондрата!..

Но опасения дьяка были другого рода: он боялся более того, чтобы не узнала его половина, которая и без того страшною рукою своею сделала из его толстой косы самую узенькую.

– Ради бога, добродетельная Солоха, – говорил он, дрожа всем телом. – Ваша доброта, как говорит писание Луки глава трин... трин... Стучатся, ей-богу стучатся! Ох, спрячьте меня куда-нибудь!

Солоха высыпала уголь в кадку из другого мешка, и не слишком объёмистый телом дьяк влез в него и сел на самое дно, так что сверх его можно было насыпать ещё с полмешка угля.

– Здравствуй, Солоха! – сказал, входя в хату, Чуб. – Ты, может быть, не ожидала меня, а? правда, не ожидала? может быть, я помешал?.. – продолжал Чуб, показав на лице своём весёлую и значительную мину, которая заранее давала знать, что неповоротливая голова его трудилась и готовилась отпустить какую-нибудь колкую и затейливую шутку. – Может быть, вы тут

забавлялись с кем-нибудь?.. может быть, ты кого-нибудь спрятала уже, а? – И, восхищённый таким своим замечанием, Чуб засмеялся, внутренне торжествуя, что он один только пользуется благосклонностью Солохи. – Ну, Солоха, дай теперь выпить водки. Я думаю, у меня горло замёрзло от проклятого морозу. Послал же бог такую ночь перед Рождеством! Как схватилась, слышишь, Солоха, как схватилась... эх окостенели руки: не расстегну кожуха! как схватилась вьюга...

– Отвори! – раздался на улице голос, сопровождаемый толчком в дверь.

– Стучит кто-то, – сказал остановившийся Чуб.

– Отвори! – закричали сильнее прежнего.

– Это кузнец! – произнёс, схватясь за капелюхи, Чуб. – Слышишь, Солоха, куда хочешь девай меня; я ни за что на свете не захочу показаться этому выродку проклятому, чтоб ему набежало, дьявольскому сыну, под обоими глазами по пузырю в копну величиною!

Солоха, испугавшись сама, металась как угорелая и, позабывшись, дала знак Чубу лезть в тот самый мешок, в котором сидел уже дьяк. Бедный дьяк не смел даже изъявить кашлем и кряхтением боли, когда сел ему почти на голову тяжёлый мужик и поместил свои намёрзнувшие на морозе сапоги по обеим сторонам его висков.

Кузнец вошёл, не говоря ни слова, не снимая шапки, и почти повалился на лавку. Заметно, что он был весьма не в духе.

В то самое время, когда Солоха затворяла за ним дверь, кто-то постучался снова. Это был козак Свербыгуз. Этого уже нельзя было спрятать в мешок, потому что и мешка такого нельзя было найти. Он был погрузнее телом самого головы и повыше ростом Чубова кума. И потому Солоха вывела его в огород, чтобы выслушать от него всё то, что он хотел ей объявить.

Кузнец рассеянно оглядывал углы своей хаты, вслушиваясь по временам в далеко разносившиеся песни колядующих; наконец остановил глаза на мешках: «Зачем тут лежат эти мешки? их давно бы пора убрать отсюда. Через эту глупую любовь я одурел совсем. Завтра праздник, а в хате до сих пор лежит всякая дрянь. Отнести их в кузницу!».

Тут кузнец присел к огромным мешкам, перевязал их крепче и готовился взвалить себе на плечи. Но заметно было, что его мысли гуляли бог знает где, иначе он бы услышал, как зашипел Чуб, когда волоса на голове его прикрутила завязавшая мешок верёвка, и дюжий голова начал было икать довольно явственно.

– Неужели не выбьется из ума моего эта негодная Оксана? – говорил кузнец, – не хочу думать о ней; а всё думается, и, как нарочно, о ней одной только. Отчего это так, что дума против воли лезет в голову? Кой чёрт, мешки стали как будто тяжелее прежнего! Тут, верно, положено ещё что-нибудь, кроме угля. Дурень я! я и позабыл, что теперь мне всё кажется тяжелее. Прежде, бывало, я мог согнуть и разогнуть в одной руке медный пятак и лошадиную подкову; а теперь мешков с углём не подыму. Скоро буду от ветра валиться. Нет, – вскричал он, помолчав и ободрившись, – что я за баба! Не дам никому смеяться над собою! Хоть десять таких мешков, все подыму. – И бодро взвалил себе на плечи мешки, которых не понесли бы два дюжих человека. – Взять и этот, – продолжал он, подымая маленький, на дне которого лежал, свернувшись, чёрт. – Тут, кажется, я положил струмент свой. – Сказав это, он вышел вон из хаты, насвистывая песню:

Мені с жінкой не возиться.

Шумнее и шумнее раздавались по улицам песни и крики. Толпы толкавшегося народа были увеличены ещё пришедшими из соседних деревень. Парубки шалили и бесились вволю. Часто между колядками слышалась какая-нибудь весёлая песня, которую тут же успел сложить кто-нибудь из молодых козаков. То вдруг один из толпы вместо колядки отпускал щедровку¹ и ревел во всё горло:

Щедрик, ведрик!
Дайте вареник,
Грудочку кашки,
Кільце ковбаски!

Хохот награждал затейника. Маленькие окна подымались, и сухощавая рука старухи, которые одни только вместе с степенными отцами оставались в избах, высывалась из окошка с колбасою

¹ *Щедрівка* – песенка, распевавшаяся молодёжью в канун Нового года.

в руках или куском пирога. Парубки и девушки наперерыв подставляли мешки и ловили свою добычу. В одном месте парубки, зашедши со всех сторон, окружали толпу девушек: шум, крик, один бросал комом снега, другой вырывал мешок со всякой всячиной. В другом месте девушки ловили парубка, подставляли ему ногу, и он летел вместе с мешком стремглав на землю. Казалось, всю ночь напролёт готовы были повеселиться. И ночь, как нарочно, так роскошно теплилась! и ещё белее казался свет месяца от блеска снега.

Кузнец остановился с своими мешками. Ему почудился в толпе девушек голос и тоненький смех Оксаны. Все жилки в нём вздрогнули; бросивши на землю мешки так, что находившийся на дне дьяк заохал от ушибу и голова икнул во всё горло, побрёл он с маленьким мешком на плечах вместе с толпой парубков, шедших следом за девичьей толпой, между которою ему послышался голос Оксаны.

«Так, это она! стоит, как царица, и блестит чёрными очами! Ей рассказывает что-то видный парубок; верно, забавное, потому что она смеётся. Но она всегда смеётся». Как будто невольно, сам не понимая как, протёрся кузнец сквозь толпу и стал около неё.

– А, Вакула, ты тут! здравствуй! – сказала красавица с той же самой усмешкой, которая чуть не сводила Вакулу с ума. – Ну, много наколядовал? Э, какой маленький мешок! А черевики, которые носит царица, достал? достань черевики, выйду замуж! – И, засмеявшись, убежала с толпой.

Как вкопанный стоял кузнец на одном месте. «Нет, не могу; нет сил больше... – произнёс он наконец. – Но боже ты мой, отчего она так чертовски хороша? Её взгляд, и речи, и всё, ну вот так и жжёт, так и жжёт... Нет, невмочь уже пересилить себя! Пора положить конец всему: пропадай душа, пойду утоплюсь в пролубе, и поминай как звали!»

Тут решительным шагом пошёл он вперёд, догнал толпу, поравнялся с Оксаною и сказал твёрдым голосом:

– Прощай, Оксана! Ищи себе какого хочешь жениха, дурачь кого хочешь; а меня не увидишь уже больше на этом свете.

Красавица казалась удивлённою, хотела что-то сказать, но кузнец махнул рукою и убежал.

– Куда, Вакула? – кричали парубки, видя бегущего кузнеца.

– Прощайте, братцы! – кричал в ответ кузнец. – Даст бог, увидимся на том свете; а на этом уже не гулять нам вместе. Прощайте, не поминайте лихом! Скажите отцу Кондрату, чтобы сотворил панихиду по моей грешной душе. Свечей к иконам чудотворца и божией матери, грешен, не обмалевал за мирскими делами. Всё добро, какое найдётся в моей скрыне, на церковь! Прощайте!

Проговоривши это, кузнец принялся снова бежать с мешком на спине.

– Он повредился! – говорили парубки.

– Пропадшая душа! – набожно пробормотала проходившая мимо старуха. – Пойти рассказать, как кузнец повесился!

Вакула между тем, пробежавши несколько улиц, остановился перевести дух. «Куда я, в самом деле, бегу? – подумал он, – как будто уже всё пропало. Попробую ещё средство: пойду к запорожцу Пузатому Пацюку. Он, говорят, знает всех чертей и всё сделает, что захочет. Пойду, ведь душе всё же придётся пропадать!»

При этом чёрт, который долго лежал без всякого движения, запрыгал в мешке от радости; но кузнец, подумав, что он как-нибудь

зацепил мешок рукою и произвёл сам это движение, ударил по мешку дюжим кулаком и, встряхнув его на плечах, отправился к Пузатому Пацюку. <...>

Пацюк, верно, крепко занят был галушками, потому что, казалось, совсем не заметил прихода кузнеца, который, едва ступивши на порог, отвесил ему пренизкий поклон.

– Я к твоей милости пришёл, Пацюк! – сказал Вакула, кланяясь снова.

Толстый Пацюк поднял голову и снова начал хлебать галушки.

– Ты, говорят, не во гнев будь сказано... – сказал, собираясь с духом, кузнец, – я веду об этом речь не для того, чтобы тебе нанести какую обиду, – приходишься немного сродни чёрту.

Проговоря эти слова, Вакула испугался, подумав, что выразился всё ещё напрямик и мало смягчил крепкие слова, и, ожидая, что Пацюк, схвативши кадушку вместе с мискою, пошлёт ему прямо в голову, отсторонился немного и закрылся рукавом, чтобы горячая жижа с галушек не обрызгала ему лица.

Но Пацюк взглянул и снова начал хлебать галушки. Ободрённый кузнец решил продолжить:

– К тебе пришёл, Пацюк, дай боже тебе всего, добра всякого в довольствии, хлеба в пропорции! – Кузнец иногда умел вернуть модное слово; в том он понаторел в бытность ещё в Полтаве, когда размалёвывал сотнику дощатый забор. – Пропадать приходится мне, грешному! ничто не помогает на свете! Что будет, то будет, приходится просить помощи у самого чёрта. Что ж, Пацюк? – произнёс кузнец, видя неизменное его молчание, – как мне быть?

– Когда нужно чёрта, то и ступай к чёрту! – отвечал Пацюк, не подымая на него глаз и продолжая убирать галушки.

– Для того-то я и пришёл к тебе, – отвечал кузнец, отведывая поклон, – кроме тебя, думаю, никто на свете не знает к нему дороги.

Пацюк ни слова и доедал остальные галушки.

– Сделай милость, человек добрый, не откажи! – наступал кузнец, – свинины ли, колбас, муки гречневой, ну, полотна, пшеницы или иного прочего, в случае потребности... как обыкновенно между добрыми людьми водится... не поскупимся. Расскажи хоть, как, примерно сказать, попасть к нему на дорогу?

– Тому не нужно далеко ходить, у кого чёрт за плечами, – произнёс равнодушно Пацюк, не изменяя своего положения.

Вакула уставил на него глаза, как будто бы на лбу его написано было изъяснение этих слов. «Что он говорит?» – безмолвно спрашивала его мина; а полуотверстый рот готовился проглотить, как галушку, первое слово. Но Пацюк молчал.

Тут заметил Вакула, что ни галушек, ни кадушки перед ним не было; но вместо того на полу стояли две деревянные миски: одна была наполнена варениками, другая сметаной. Мысли его и глаза невольно устремились на эти кушанья. «Посмотрим, – говорил он сам себе, – как будет есть Пацюк вареники. Наклоняться он, верно, не захочет, чтобы хлебать, как галушки, да и нельзя: нужно вареник сперва обмакнуть в сметану».

Только что он успел это подумать, Пацюк разинул рот, поглядел на вареники и ещё сильнее разинул рот. В это время вареник выплеснул из миски, шлёпнул в сметану, перевернулся на другую сторону, подскочил вверх и как раз попал ему в рот. Пацюк съел и снова разинул рот, и вареник таким же порядком отправился снова. На себя только принимал он труд жевать и проглатывать.

«Вишь, какое диво!» – подумал кузнец, разинув от удивления рот, и тот же час заметил, что вареник лезет и к нему в рот и уже вымазал губы сметаной. Оттолкнувши вареник и вытерши губы, кузнец начал размышлять о том, какие чудеса бывают на свете и до каких мудростей доводит человека нечистая сила, заметя притом, что один только Пацюк может помочь ему. «Поклонюсь ему ещё, пусть растолкует хорошенько... Однако что за чёрт! ведь сегодня голодная кутья¹, а он ест вареники, вареники скоромные! Что я, в самом деле, за дурак, стою тут и греха набираюсь! Назад!» И набожный кузнец опрометью выбежал из хаты.

Однако ж чёрт, сидевший в мешке и заранее уже радовавшийся, не мог вытерпеть, чтобы ушла из рук его такая славная добыча. Как только кузнец опустил мешок, он выскочил из него и сел верхом ему на шею.

Мороз подрал по коже кузнеца; испугавшись и побледнев, не

¹ *Голо́дная кутья́* – сочельник.

знал он, что делать; уже хотел перекреститься... Но чёрт, наклонив своё собачье рыльце ему на правое ухо, сказал:

– Это я – твой друг, всё сделаю для товарища и друга! Денег дам сколько хочешь, – пискнул он ему в левое ухо. – Оксана будет сегодня же наша, – шепнул он, заворотивши свою морду снова на правое ухо.

Кузнец стоял, размышляя.

– Изволь, – сказал он наконец, – за такую цену готов быть твоим!

Чёрт всплеснул руками и начал от радости галопировать на шее кузнеца. «Теперь-то попался кузнец! – думал он про себя, – теперь-то я вымещу на тебе, голубчик, все твои малеванья и небылицы, взводимые на чертей! Что теперь скажут мои товарищи, когда узнают, что самый набожнейший из всего села человек в моих руках?» Тут чёрт засмеялся от радости, вспомнив, как будет дразнить в аду всё хвостатое племя, как будет беситься хромым чёрт, считавшийся между ними первым на выдумки.

– Ну, Вакула! – пропищал чёрт, всё так же не слезая с шеи, как бы опасаясь, чтобы он не убежал, – ты знаешь, что без контракта¹ ничего не делают.

– Я готов! – сказал кузнец. – У вас, я слышал, расписываются кровью; постой же, я достану в кармане гвоздь! – Тут он заложил назад руку – и хватъ чёрта за хвост.

– Вишь, какой шутник! – закричал, смеясь, чёрт. – Ну, полно, довольно уже шалить!

– Постой, голубчик! – закричал кузнец, – а вот это как тебе покажется? – При сем слове он сотворил крест, и чёрт сделался так тих, как ягнёнок. – Постой же, – сказал он, стаскивая его за хвост на землю, – будешь ты у меня знать подучивать на грехи добрых людей и честных христиан! – Тут кузнец, не выпуская хвоста, вскочил на него верхом и поднял руку для крестного знамения.

– Помилуй, Вакула! – жалобно простонал чёрт, – всё, что для тебя нужно, всё сделаю, отпусти только душу на покаяние: не клади на меня страшного креста!

¹ *Контра́кт* – письменный договор, соглашение.

– А, вот каким голосом запел, немец проклятый! Теперь я знаю, что делать. Вези меня сей же час на себе! слышишь, неси, как птица!
 – Куда? – произнёс печальный чёрт.
 – В Петембург, прямо к царице!

И кузнец обомлел от страха, чувствуя себя подымающимся на воздух. <...>

[О том, как кузнец Вакула добрался до Петербурга, попал во дворец к царице и добыл желанные черевички, прочитайте в хрестоматии. А пока наш герой летал на чёрте, по селу поползли слухи, что кузнец не то утонул в проруби, не то повесился.]

<...> Оксана смутилась, когда до неё дошли такие вести. Она мало верила глазам Переперчихи и толкам баб; она знала, что кузнец довольно набожен, чтобы решиться погубить свою душу. Но что, если он в самом деле ушёл с намерением никогда не возвращаться в село? А вряд ли и в другом месте где найдётся такой молодец, как кузнец! Он же так любил её! Он долее всех выносил её капризы! Красавица всю ночь под своим одеялом поворачивалась с правого бока на левый, с левого на правый – и не могла заснуть. То, разметавшись в обворожительной нагоде, которую ночной мрак скрывал даже от неё самой, она почти вслух бранила себя; то, приутихнув, решалась ни о чём не думать – и всё думала. И вся горела; и к утру влюбилась по уши в кузнеца.

Чуб не изъявил ни радости, ни печали об участи Вакулы. Его мысли заняты были одним: он никак не мог позабыть вероломства Солохи и сонный не переставал бранить её.

Настало утро. Вся церковь ещё до света была полна народа. Пожилые женщины в белых намитках¹, в белых суконных свитках² набожно крестились у самого входа церковного. Дворянки в зелёных и жёлтых кофтах, а иные даже в синих кунтушах³ с золотыми назади усами, стояли впереди их. Дивчата, у которых на головах намотана была целая лавка лент, а на шее монист, крестов и дукатов⁴, старались пробраться ещё ближе к иконостасу.

¹ *Намитка* – белое покрывало из полотна, носимое на голове женщинами, с откинутыми назад концами.

² *Свитка* – верхняя длинная одежда у украинцев.

³ *Кунтуш* – род верхней мужской одежды.

⁴ *Дукат* – род медали, носится на шее.

Но впереди всех стояли дворяне и простые мужики с усами, с чубами, с толстыми шеями и только что выбритыми подбородками, всё большею частью в кобеняках, из-под которых выказывалась белая, а у иных и синяя свитка. На всех лицах, куда ни взглянь, виден был праздник. Голова облизывался, воображая, как он разговееется колбасою; дивчата помышляли о том, как они будут ковзаться с хлопцами на льду; старухи усерднее, нежели когда-либо, шептали молитвы. По всей церкви слышно было, как козак Свербыгуз клал поклоны. Одна только Оксана стояла как будто не своя: молилась и не молилась. На сердце у неё столпилось столько разных чувств, одно другого досаднее, одно другого печальнее, что лицо её выражало одно только сильное смущение; слёзы дрожали на глазах. Дивчата не могли понять этому причины и не подозревали, чтобы виною был кузнец. Однако ж не одна Оксана была занята кузнецом. Все миряне заметили, что праздник – как будто не праздник; что как будто всё чего-то недостаёт. Как на беду, дьяк после путешествия в мешке охрип и дребезжал едва слышным голосом; правда, приезжий певчий славно брал баса, но куда бы лучше, если бы и кузнец был, который всегда, бывало, как только пели «Отче наш» или «Иже херувимы», всходил на крылос¹ и выводил оттуда тем же самым напевом, каким поют и в Полтаве. К тому же он один исправлял должность церковного титара². Уже отошла заутреня; после заутрени отошла обедня... куда ж это, в самом деле, запропастился кузнец?

Ещё быстрее в остальное время ночи нёсся чёрт с кузнецом назад. И мигом очутился Вакула около своей хаты. В это время пропел петух. «Куда? – закричал он, ухватя за хвост хотевшего убежать чёрта, – постой, приятель, ещё не всё: я ещё не поблагодарил тебя». Тут, схвативши хворостину, отвесил он ему три удара, и бедный чёрт припустил бежать, как мужик, которого только что выпарил заседатель. Итак, вместо того чтобы провесть, соблазнить и одурачить других, враг человеческого рода был сам одурачен. После сего Вакула вошёл в сени, зарылся в сено и проспал до обеда. Проснувшись, он испугался, когда увидел, что солнце уже высоко: «Я проспал заутреню и обедню!» Тут благочестивый кузнец

¹ *Кры́лос (кلیрос)* – место в церкви для певцов.

² *Ті́тар (кті́тор)* – церковный староста.

погрузился в уныние, рассуждая, что это, верно, бог нарочно, в наказание за грешное его намерение погубить свою душу, наслал сон, который не дал даже ему побывать в такой торжественный праздник в церкви. Но, однако ж, успокоив себя тем, что в следующую неделю исповедается в этом попу и с сегодняшнего же дня начнёт бить по пятидесяти поклонов через весь год, заглянул он в хату; но в ней не было никого. Видно, Солоха ещё не возвращалась. Бережно вынул он из пазухи башмаки и снова изумился дорогой работе и чудному происшествию минувшей ночи; умылся, оделся как можно лучше, надел то самое платье, которое достал от запорожцев, вынул из сундука новую шапку из решетиловских смушек с синим верхом, которой не надевал ещё ни разу с того времени, как купил её ещё в бытность в Полтаве; вынул также новый всех цветов пояс; положил всё это вместе с нагайкою в платок и отправился прямо к Чубу.

Чуб выпучил глаза, когда вошёл к нему кузнец, и не знал, чему дивиться: тому ли, что кузнец воскрес, тому ли, что кузнец смел к нему прийти, или тому, что он нарядился таким щёголем и запорожцем. Но ещё больше изумился он, когда Вакула развязал платок и положил перед ним новёхонькую шапку и пояс, какого не видано было на селе, а сам повалился ему в ноги и проговорил умоляющим голосом:

– Помилуй, батько! не гневись! вот тебе и нагайка: бей, сколько душа пожелает, отдаюсь сам; во всём каюсь; бей, да не гневись только! Ты ж когда-то братался с покойным батьком, вместе хлеб-соль ели и магарыч пили.

Чуб не без тайного удовольствия видел, как кузнец, который никому на селе в ус не дул, сгибал в руке пятаки и подковы, как гречневые блины, тот самый кузнец лежал у ног его. Чтоб ещё больше не уронить себя, Чуб взял нагайку и ударил его три раза по спине.

– Ну, будет с тебя, вставай! старых людей всегда слушай! Забудем всё, что было меж нами! Ну, теперь говори, чего тебе хочется?

– Отдай, батько, за меня Оксану!

Чуб немного подумал, поглядел на шапку и пояс: шапка была чудная, пояс также не уступал ей; вспомнил о вероломной Солохе и сказал решительно:

– Добре! присылай сватов!

– Ай! – вскрикнула Оксана, переступив через порог и увидев кузнеца, и вперила с изумлением и радостью в него очи.

– Погляди, какие я тебе принёс черевички! – сказал Вакула, – те самые, которые носит царица.

– Нет! нет! мне не нужно черевичков! – говорила она, махая руками и не сводя с него очей, – я и без черевичков...

Далее она не договорила и покраснела.

Кузнец подошёл ближе, взял её за руку; красавица и очи потупила. Ещё никогда не была она так чудно хороша. Восхищённый кузнец тихо поцеловал её, и лицо её пуще загорелось, и она стала ещё лучше.

Проезжал через Диканьку блаженной памяти архиерей, хвалил место, на котором стоит село, и, проезжая по улице, остановился перед новою хатою.

– А чья это такая размалёванная хата? – спросил преосвященный у стоявшей близ дверей красивой женщины с дитятей на руках.

– Кузнеца Вакулы! – сказала ему, кланяясь, Оксана, потому что это именно была она.

– Славно! славная работа! – сказал преосвященный, разглядывая двери и окна. А окна все были обведены кругом красною краскою; на дверях же везде были козаки на лошадях, с трубками в зубах.

Но ещё больше похвалил преосвященный Вакулу, когда узнал, что он выдержал церковное покаяние и выкрасил даром весь левый крылос зелёною краскою с красными цветами. Это, однако ж, не всё: на стене сбоку, как войдёшь в церковь, намалевал Вакула чёрта в аду, такого гадкого, что все плевали, когда проходили мимо; а бабы, как только, расплакивалось у них на руках дитя, подносили его к картине и говорили: «Ось бачь, яка така намалёвана!» – и дитя, удерживая слезёнки, косилось на картину и жалось к груди своей матери.

1. Найдите в повести описание чёрта и выделите те черты, которые характерны для этого мифологического персонажа, и черты, добавленные автором.
2. За что чёрт ненавидел кузнеца Вакулу?
3. Опишите мать кузнеца Вакулы. Почему Солоху автор называет ведьмой? Составьте её характеристику.
4. Найдите описание внешности красавицы Оксаны. Как отразились в её изображении народные представления о женской красоте?
5. При исполнении какого условия Оксана пообещала выйти замуж за кузнеца?
6. Кто такой запорожец Пузатый Пацюк? Опишите его. Почему его можно отнести к так называемой «нечистой силе»? Кто ещё подходит под это определение?
7. Прочитайте отрывок «Полёт Вакулы на чёрте». Какие ещё мифические существа описываются в повести?
8. Прочитайте описание города Санкт-Петербурга и Зимнего дворца. Какое впечатление они произвели на Вакулу – кузнеца и художника?
9. Прошёл ли Вакула испытание, назначенное капризной красавицей?
10. Почему Оксана и без черевичек согласилась бы выйти за него замуж?
11. Заполните таблицу «Роль чёрта в жизни кузнеца Вакулы». На основании предложенных «толстых» вопросов задайте свои «тонкие» вопросы. Ответьте на те и другие.

«Тонкие» вопросы	«Толстые» вопросы
Чёрт – мифическое существо?	Почему чёрта считают мифическим существом?
	Почему чёрт появился именно перед Рождеством?
	С какой целью чёрт украл месяц?
	Зачем чёрт стал помогать Вакуле?
	Как Вакула отблагодарил чёрта?

12. Проведите групповую исследовательскую работу на следующие темы:
  - 1) «Колядка и жарпазан. Идейная близость песен-частушек»;
  - 2) «Мифологема в повести Н.В. Гоголя “Ночь перед Рождеством”»;
  - 3) «Пейзаж в повести Н.В. Гоголя “Ночь перед Рождеством”»;
  - 4) «Быт и уклад жизни украинского народа в повести Н.В. Гоголя “Ночь перед Рождеством”»;
  - 5) «Реальное и фантастическое в повести Н.В. Гоголя “Ночь перед Рождеством”».

13. Составьте Словарь народных слов, используемых в повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством».

Эрнст Теодор Амадей ГОФМАН

(1776–1822)

Немецкий писатель и композитор Э.-Т.-А. Гофман обладал универсальными способностями в различных видах искусства. Он был музыкантом, дирижёром, автором опер, профессиональным музыкальным критиком, театральным декоратором, писателем и блестящим юристом. Кёнигсберг, Варшава, Лейпциг, Дрезден и Берлин – города, в которых в разные годы Гофман жил, учился, работал юристом и создавал музыкальные и литературные произведения. В своих новеллах и повестях автор представлял окружающий мир в двух планах: реальном и фантастическом, граница между которыми весьма условна и легко преодолевается. Фантастический мир постоянно вторгается в мир реальный, где феи пьют кофе, а колдуньи торгуют пирожками. Именно такое совмещение реальности и фантастики Гофман использует и в своей повести-сказке «Щелкунчик и Мышиный король».

В конце XIX века русский композитор Пётр Ильич Чайковский создал на основе этой рождественской сказки Гофмана своё произведение, известное сейчас всем любителям классической музыки. Это балет «Щелкунчик», премьера которого состоялась в 1892 году в Мариинском театре (г. Санкт-Петербург). Балет понравился не только русским зрителям: во многих странах мира стало традицией начинать рождественские праздники с исполнения этого произведения П.И. Чайковского. И в наши дни «Щелкунчик» с успехом идёт на всех известных сценах театров оперы и балета. Современные хореографы с удовольствием используют балет, принося в него новшества, изменяя сюжет, место действия, вводя элементы современных танцев, но не позволяя себе экспериментов с «удивительно прекрасной, завораживающей слушателей с первых волшебных звуков» музыкой Чайковского.

Э.-Т.-А. Гофман

ЩЕЛКУНЧИК И МЫШИНЫЙ КОРОЛЬ

Повесть-сказка

(В сокращении)

Сочельник

Целый день двадцать четвёртого декабря детям советника медицины Штальбаума было запрещено входить в гостиную, а также в соседнюю с нею комнату. С наступлением сумерек дети, Мари и Фриц, сидели в тёмном уголке детской и, по правде сказать, немного боялись окружавшей их темноты, так как в этот день в комнату не внесли лампы, как это и полагалось в сочельник. Фриц под величайшим секретом рассказал своей маленькой семилетней сестре, что уже с самого утра слышал он в запертых комнатах беготню, шум и тихие разговоры. Он видел также, как с наступлением сумерек туда потихоньку прокрался маленький закутанный человек с ящиком в руках, но что он, впрочем, наверное знает, что это был их крёстный Дроссельмейер. Услышав это, маленькая Мари радостно захлопала ручонками и воскликнула:

– Ах, я думаю, что крёстный подарит нам что-нибудь очень интересное.

Друг дома советник Дроссельмейер был очень некрасив собой; это был маленький, сухощавый старичок, с множеством морщин на лице; вместо правого глаза был у него наклеен большой чёрный пластырь; волос у крёстного не было, и он носил маленький белый парик, удивительно хорошо сделанный. Но, несмотря на это, все очень любили крёстного за то, что он был великий искусник, и не только умел чинить часы, но даже сам их делал. Когда какие-нибудь из прекрасных часов в доме Штальбаума ломались и не хотели идти, крёстный приходил, снимал свой парик и жёлтый сюртук, надевал синий передник и начинал копать в часах какими-то острыми палочками, так что маленькой Мари даже становилось их жалко. Но крёстный знал, что вреда он часам не причинит, а наоборот, – и часы через некоторое время оживали

и начинали опять весело ходить, бить и постукивать, так что все окружающие, глядя на них, только радовались. Крёстный каждый раз, когда приходил в гости, непременно приносил в кармане какой-нибудь подарок детям: то куколку, которая кланялась и мигала глазками, то коробочку, из которой выскакивала птичка, словом, что-нибудь в этом роде. Но к Рождеству приготавливал он всегда какую-нибудь большую, особенно затейливую игрушку, над которой очень долго трудился, так что родители, показав её детям, потом всегда бережно прятали её в шкаф.

– Ах, как бы узнать, что смастерит нам на этот раз крёстный? – повторила маленькая Мари.

Фриц уверял, что крёстный, наверно, подарит в этот раз большую крепость с прекрасными солдатами, которые будут маршировать, обучаться, а потом придут неприятельские солдаты и захотят её взять, но солдаты в крепости станут храбро защищаться и начнут громко стрелять из пушек.

– Нет, нет, – сказала Мари, – крёстный обещал мне сделать большой сад с прудом, на котором будут плавать белые лебеди с золотыми ленточками на шейках и петь песенки, а потом придёт к пруду маленькая девочка и станет кормить лебедей конфетами.

– Лебеди конфет не едят, – перебил Фриц, – да и как может крёстный сделать целый сад? Да и какой толк нам от его игрушек, если у нас их сейчас же отбирают; то ли дело игрушки, которые дарят папа и мама! Они остаются у нас, и мы можем делать с ними, что хотим.

Тут дети начали рассуждать и придумывать, что бы могли подарить им сегодня. Мари говорила, что любимая её кукла, мамзель Трудхен, стала с некоторого времени совсем неуклюжей, беспрестанно валится на пол, так что у неё теперь всё лицо в противных отметинах, а о чистоте её платья нечего было и говорить; как ни выговаривала ей Мари, ничего не помогало. Зато Мари весело припомнила, что мама очень лукаво улыбнулась, когда Мари поправился маленький зонтик у её подруги Гретхен. Фриц жаловался, что в конюшне его недостаёт хорошей гнедой лошади, да и вообще у него мало осталось кавалерии, что папе было очень хорошо известно.

Дети отлично понимали, что родители в это время расставляли купленные для них игрушки; знали и то, что сам младенец Христос весело смотрел в эту минуту с облаков на их ёлку и что нет праздника, который бы приносил детям столько радости, сколько Рождество. Тут вошла в комнату их старшая сестра Луиза и напомнила детям, которые всё ещё шушукались об ожидаемых подарках, что руку родителей, когда они что-нибудь им дарят, направляет сам Христос и что Он лучше знает, что может доставить им истинную радость и удовольствие, а потому умным детям не следует громко высказывать свои желания, а, напротив, терпеливо дожидаться приготовленных подарков. Маленькая Мари призадумалась над словами сестры, а Фриц не мог всё-таки удержаться, чтобы не пробормотать: «А гнедого рысака да гусаров очень бы мне хотелось получить!»

Между тем совершенно стемнело. Мари и Фриц сидели, прижавшись друг к другу, и боялись вымолвить слово, им казалось, что будто над ними веют тихие крылья и издалека доносится прекрасная музыка. По стене скользнула яркая полоса света; дети знали, что это младенец Христос отлетел на светлых облаках к другим счастливым детям. Вдруг зазвенел серебряный колокольчик: «Динь-динь-динь-динь!» Двери шумно распахнулись, и широкий поток света ворвался из гостиной в комнату, где были Мари и Фриц. Ахнув от восторга, остановились они на пороге, но тут родители подхватили их за руки и повели вперёд со словами:

– Ну, детки, пойдёмте смотреть, чем одарил вас младенец Христос!

Подарки

Обращаюсь к тебе, мой маленький читатель или слушатель, – Фриц, Теодор, Эрнст, всё равно, как бы тебя ни звали, – и прошу припомнить, с каким удовольствием останавливался ты перед рождественским столом, заваленным прекрасными подарками, – и тогда ты хорошо поймёшь радость Мари и Фрица, когда они увидели подарки и ярко сиявшую ёлку! Мари только воскликнула:

– Ах, как хорошо! Как чудно!

А Фриц начал прыгать и скакать, как козлёнок. Должно быть, дети очень хорошо себя вели весь этот год, потому что ещё ни разу

не было им подарено так много прекрасных игрушек.

Золотые и серебряные яблочки, конфеты, обсахаренный миндаль, и великое множество разных лакомств унизывали ветви стоявшей посередине ёлки. Но всего лучше и красивее горели между ветвями маленькие свечи, точно разноцветные звездочки, и, казалось, приглашали детей скорее полакомиться висевшими на ней цветами и плодами. А какие прекрасные подарки были разложены под ёлкой – трудно и описать! Для Мари были приготовлены нарядные куколки, ящички с полным кукольным хозяйством, но больше всего её обрадовало шёлковое платице с бантами из разноцветных лент, висевшее на одной из ветвей, так что Мари могла любоваться им со всех сторон.

– Ах, моё милое платице! – в восторге воскликнула Мари. – Ведь оно точно моё? Ведь я его надену?

Фриц между тем уже успел трижды обскакать вокруг ёлки на своей новой лошади, которую он нашёл привязанной к столу за поводья. Слезая, он потрепал её по холке и сказал, что конь – лютей зверь, ну да ничего: уж он его вышколит! Потом он занялся эскадром новых гусар в ярко красных, с золотом мундирах, которые размахивали серебряными сабелями и сидели на таких чудесных белоснежных конях, что можно было подумать, что и кони были сделаны из чистого серебра.

Успокоившись немного, дети хотели взяться за рассматривание книжек с картинками, которые лежали тут же, и где были нарисованы ярко раскрашенные люди и прекрасные цветы, а также милые играющие детки, так натурально изображённые, что, казалось, они были живые и в самом деле играли и бегали. Но едва дети принялись за картинки, как вдруг опять зазвенел колокольчик. Они знали, что это, значит, пришёл черёд подаркам крёстного Дроссельмейера, и они с любопытством подбежали к стоявшему

возле стены столу. Ширмы, закрывавшие стол, раздвинулись, – и что же увидели дети! На свежем, зелёном, усеянном множеством цветов лугу стоял маленький замок с зеркальными окнами и золотыми башенками. Вдруг послышалась музыка, двери и окна замка отворились, и через них можно было увидеть, как множество маленьких кавалеров с перьями на шляпах и дам в платьях со шлейфами гуляли по залам. В центральном зале, ярко освещённом множеством маленьких свечек в серебряных канделябрах, танцевали дети в коротких камзолчиках и платьицах. Какой-то маленький господин, очень похожий на крёстного Дроссельмейера, в зелёном плаще изумрудного цвета, беспрестанно выглядывал из окна замка и опять исчезал, выходил из дверей и снова прятался. Только ростом этот крёстный был не больше папиного мизинца. Фриц, облокотясь на стол руками, долго рассматривал чудесный замок с танцующими фигурками, а потом сказал:

– Крёстный, крёстный! Позволь мне войти в этот замок!

Крёстный объяснил ему, что этого никак нельзя, и он был прав, потому что глупенький Фриц не подумал, как же можно было ему войти в замок, который со всеми его золотыми башенками, был гораздо ниже его ростом. Фриц это понял и замолчал.

Посмотрев ещё некоторое время, как куколки гуляли и танцевали в замке, как зелёный человечек всё выглядывал в окошко и высовывался из дверей, Фриц сказал с нетерпением:

– Крёстный, сделай, чтобы этот зелёный человечек выглянул из других дверей!

– Этого тоже нельзя, мой милый Фриц, – возразил крёстный.

– Ну так вели ему, – продолжал Фриц, – гулять и танцевать с прочими, а не высовываться.

– И этого нельзя, – был ответ.

– Ну так пусть дети, которые танцуют, сойдут вниз; я хочу их рассмотреть поближе.

– Ничего этого нельзя, – ответил немного обиженный крёстный, – в механизме всё сделано раз и навсегда.

– Во-о-т как, – протяжно сказал Фриц. – Ну, если твои фигурки в замке умеют делать только одно и то же, так мне их не надо! Мои гусары лучше! Они умеют ездить вперёд и назад, как я захочу, а не заперты в доме.

С этими словами Фриц в два прыжка очутился возле своего столика с подарками и мигом заставил свой эскадрон на серебряных лошадях скакать, стрелять, маршировать, словом, делать всё, что только приходило ему в голову. Мари также потихоньку отошла от подарка крёстного, потому что и ей, по правде сказать, немного наскучило смотреть, как куколки выделывали всё одно и то же; она только не хотела показать этого так явно, как Фриц, чтобы не огорчить крёстного. Советник, видя это, не мог удержаться, чтобы не сказать родителям недовольным тоном:

– Такая замысловатая игрушка не для неразумных детей. Я заберу свой замок!

Но мать остановила крёстного и просила показать ей искусный механизм, с помощью которого двигались куколки. Советник разобрал игрушку, с удовольствием всё показал и собрал снова, после чего он опять повеселел и подарил детям ещё несколько человечков с золотыми головками, ручками и ножками из вкусного, душистого пряничного теста. Фриц и Мари очень были им рады. Старшая сестра Луиза, по желанию матери, надела новое подаренное ей платье и стала в нём такой нарядной и хорошенькой, что и Мари, глядя на неё, захотелось непременно надеть своё, в котором, ей казалось, она будет ещё лучше. Ей это охотно позволили.

Любимец

Мари никак не могла расстаться со своим столиком, находя на нём всё время новые вещицы. А когда Фриц взял своих гусаров и стал делать под ёлкой парад, Мари увидела, что за гусарами скромно стоял маленький человечек-куполка, точно дожидаясь, когда очередь дойдёт до него. Правда, он был не очень складный: невысокого роста, с большим животом, маленькими тонкими ножками и огромной головой. Но человечек был очень мило и со вкусом одет, что доказывало, что он был умный и благовоспитанный молодой человек. На нём была лиловая гусарская курточка с множеством пуговиц и шнурков, такие же рейтузы и высокие лакированные сапоги, точь-в-точь такие, как носят студенты и офицеры. Они так ловко сидели на его ногах, что, казалось, были выточены вместе с ними. Только вот немножко нелепо выглядел при таком костюме

прицепленный к спине деревянный плащ и надетая на голову шапочка рудокопа. Но Мари знала, что крёстный Дроссельмейер носил такой же плащ и такую же смешную шапочку, что вовсе не мешало ему быть милым и добрым крёстным. Мари отметила про себя также то, что во всей прочей своей одежде крёстный никогда не бывал одет так чисто и опрятно, как этот деревянный человечек. Рассмотрев его поближе, Мари сейчас же увидела, какое добродушие светилось на его лице, и не могла не полюбить его с первого взгляда. В его светлых зелёных глазах сияли приветливость и дружелюбие. Подбородок человечка окаймляла белая завитая борода из бумажной штопки, что делало ещё милее улыбку его больших красных губ.

– Ах, – воскликнула Мари, – кому, милый папа, подарили вы этого хорошенького человечка, что стоит там за ёлкой?

– Это вам всем, милые дети, – отвечал папа, – и тебе, и Луизе, и Фрицу; он будет для всех вас щёлкать орехи.

С этими словами папа взял человечка со стола, приподнял его деревянный плащ, и дети вдруг увидели, что человечек широко разинул рот, показав два ряда острых, белых зубов. Мари положила ему в рот орех; человечек вдруг сделал – щёлк! – и скорлупки упали на пол, а в руку Мари скатилось белое, вкусное ядрышко. Папа объяснил детям, что куколка эта зовётся Щелкунчик. Мари была в восторге.

– Ну, Мари, – сказал папа, – так как Щелкунчик очень тебе понравился, то я дарю его тебе; береги его и защищай; хотя, впрочем, в его обязанность входит щёлкать орехи и для Фрица с Луизой.

Мари тотчас же взяла Щелкунчика на руки и заставила его щёлкать орехи, выбирая самые маленькие, чтобы у Щелкунчика не испортились зубы.

Луиза под села к ней, и добрый Щелкунчик стал щёлкать орехи для них обеих, что, кажется, ему самому доставляло большое удовольствие, если судить по улыбке, не сходявшей с его губ.

Между тем Фриц, порядочно устав от верховой езды и обучения своих гусар, а также услышав, как весело щёлкались орехи, подбежал к сёстрам и от всей души расхохотался, увидев маленькую уродливую фигуру Щелкунчика, который переходил из рук в руки и успевал щёлкать орехи решительно для всех. Фриц стал выбирать

самые большие орехи и так неосторожно заталкивал их Щелкунчику в рот, что вдруг раздалось – крак-крак! – и три белых зуба Щелкунчика упали на пол, да и челюсть, сломавшись, свесилась на одну сторону.

– Ах, мой бедный Щелкунчик! – заплакала Мари, отобрав его у Фрица.

– Э, да какой он глупый! – закричал Фриц. – Хочет щёлкать орехи, а у самого нет крепких зубов! На что же он го-ден? Давай его мне, я заставлю его щёлкать, пока у него не выпадут последние зубы и не отвалится совсем подбородок!

– Нет, нет, оставь, – со слезами сказала Мари, – я тебе не дам моего милого Щелкунчика, посмотри, как он на меня жалобно смотрит и показывает свой больной ротик! Ты злой мальчик: ты бьёшь своих лошадей и стреляешь в своих солдат.

– Потому что так надо, – возразил Фриц, – и ты в этом ничего не смыслишь; а Щелкунчика всё-таки дай мне; его подарили нам обоим!

Тут Мари уже совсем горько расплакалась и поскорее завернула Щелкунчика в свой платок. В это время подошли их родители с крёстным. Крёстный, к величайшему горю Мари, вступился за Фрица, но папа сказал:

– Я поручил Щелкунчика беречь Мари, а так как он теперь болен и больше всего нуждается в её заботах, то никто не имеет права его отнимать. А ты, Фриц, разве не знаешь, что раненых солдат никогда не оставляют в строю? Ты, как хороший военный, должен это понимать!

Фриц очень сконфузился и потихоньку, позабыв и Щелкунчика, и орехи, отошёл на другой конец комнаты, где и занялся устройством ночлега для своих гусар, закончивших на сегодня службу. Мари между тем собрала выпавшие у Щелкунчика зубы, подвязала его подбородок чистым белым платком, вынутым из своего кармана, и ещё осторожнее, чем прежде, завернула бледного перепуганного человечка в тёплое одеяло. Взяв его затем на руки,

как маленького больного ребёнка, она занялась рассматриванием картинок в новой книге, лежавшей тут же, между прочими подарками. Мари очень не понравилось, когда крёстный стал смеяться над тем, что она так нянчится со своим уродцем. Вспомнив, что при первом взгляде на Щелкунчика ей показалось, что он очень похож на самого крёстного Дроссельмейера, Мари не могла удержаться, чтобы не ответить ему на его насмешки:

– Как знать, крёстный, был бы ты таким красивым, как Щелкунчик, если бы тебя пришлось даже одеть точно так, как его, в чистое платье и щёгольские сапожки.

Родители громко засмеялись, а крёстный, напротив, замолчал. Мари никак не могла понять, отчего у крёстного вдруг так покраснел нос, но уж, верно, была какая-нибудь на то своя причина.

Чудеса

В одной из комнат квартиры советника медицины, как раз со стороны входа и налево, у широкой стены, стоял большой шкаф со стеклянными дверцами, в котором прятались игрушки, подаренные детям. Луиза была ещё очень маленькой девочкой, когда её папа заказал этот шкаф одному искусному столяру, который вставил в него такие чистые стёкла и вообще так хорошо всё устроил, что стоявшие в шкафу вещи казались ещё лучше, чем когда их держали в руках. На верхней полке, до которой Фриц и Мари не могли дотянуться, стояли самые дорогие и красивые игрушки, сделанные крёстным Дроссельмейером. На полке под ней были расставлены всякие книжки с картинками, а на две нижние Мари и Фриц могли ставить всё, что хотели. На самой нижней Мари обычно устраивала комнатки для своих кукол, а на верхней Фриц расквартировывал своих солдат. Так и сегодня Фриц поставил наверх своих гусар, а Мари, отложив в сторону старую куклу Трудхен, устроила премиленькую комнатку для новой подаренной ей куклки и пришла сама к ней на новоселье. Комнатка была так мило меблирована, что я даже не знаю, был ли у тебя, моя маленькая читательница Мари (ведь ты знаешь, что маленькую Штальбаум звали также Мари), – итак, я не знаю, был ли даже у тебя такой прекрасный диванчик, такие прелестные стульчики, такой чайный столик, а главное, такая мягкая, чистая кровать, на которой легла

спать куколка Мари. Всё это стояло в углу шкафа, стены которого были увешаны прекрасными картинками, и можно было себе представить, с каким удовольствием поселилась тут новая куколка, названная Мари Клерхен.

Между тем наступил поздний вечер; стрелка часов показывала двенадцатый; крёстный Дроссельмейер давно ушёл домой, а дети всё ещё не могли расстаться со стеклянным шкафом, так что матери пришлось им напомнить, что пора идти спать.

– Правда, правда, – сказал Фриц, – надо дать покой моим гусям, а то ведь ни один из этих бедняг не посмеет лечь, пока я тут, я это знаю хорошо.

С этими словами он ушёл. Мари же упрашивала маму позволить ей остаться ещё хоть одну минутку, говоря, что ей ещё надо успеть закончить свои дела, а потом она сейчас же пойдёт спать. Мари была очень разумная и послушная девочка, а потому мама могла, несколько не боясь, оставить её одну с игрушками. Но для того, чтобы она, занявшись новыми куклами и игрушками, не забыла погасить свет, мама сама задула все свечи, оставив гореть одну лампу, висевшую в комнате и освещавшую её бледным, мерцающим полусветом.

– Приходи же скорей, Мари, – сказала мама, уходя в свою комнату, – если ты поздно ляжешь, завтра тебе трудно будет вставать.

Оставшись одна, Мари поспешила заняться делом, которое её очень тревожило, и для чего именно она и просила позволить ей остаться. Больной Щелкунчик всё ещё был у неё на руках, завернутый в её носовой платок. Положив бедняжку осторожно на стол и бережно развернув платок, Мари стала осматривать его раны. Щелкунчик был очень бледен, но при этом он, казалось, так ласково улыбался Мари, что тронул её до глубины души.

– Ах, мой милый Щелкунчик! – сказала она. – Ты не сердись на брата Фрица за то, что он тебя ранил; Фриц немного огрубел от суровой солдатской службы, и всё же он очень добрый мальчик, я тебя уверяю. Теперь я буду за тобой ухаживать, пока ты не выздоровеешь совсем. Крёстный Дроссельмейер вставит тебе твои зубы и поправит плечо; он на такие штуки мастер...

Но как же удивилась и испугалась Мари, когда увидела, что при имени Дроссельмейера Щелкунчик вдруг скривил лицо и в глазах

его мелькнули колючие зелёные огоньки. Не успела Мари хорошенько прийти в себя, как увидела, что лицо Щелкунчика уже опять приняло своё доброе, ласковое выражение.

– Ах, какая же я глупенькая девочка, что так испугалась! Разве может корчить гримасы деревянная куколка? Но я всё-таки люблю Щелкунчика за то, что он такой добрый, хотя и смешной, и буду за ним ухаживать как следует.

Тут Мари взяла бедняжку на руки, подошла с ним к шкафу и сказала своей новой кукле:

– Будь умницей, Клерхен, уступи свою постель бедному больному Щелкунчику, а тебя я уложу на диван; ведь ты здорова; посмотри, какие у тебя красные щёки, да и не у всякой куклы есть такой прекрасный диван.

Клерхен, сидя в своём великолепном платье, как показалось Мари, надула при её предложении немножко губки.

– И чего я церемонюсь! – сказала Мари и, взяв кроватку, уложила на неё своего больного друга, перевязав ему раненое плечо ленточкой, снятой с собственного платья, и прикрыла одеялом до самого носа.

«Незачем ему оставаться с недоброй Клерхен», – подумала Мари и кровать вместе с лежавшим на ней Щелкунчиком переставила на верхнюю полку, как раз возле красивой деревни, где квартировали гусары Фрица. Сделав это, она заперла шкаф и хотела идти спать, но тут – слушайте внимательно, дети! – тут за печкой, за стульями, за шкафами – словом, всюду, вдруг послышались тихий, тихий шорох, беготня и царапанье. Стенные часы захрипели, но так и не смогли пробить. Мари заметила, что сидевшая на них большая золотая сова распустила крылья, накрыла ими часы и, вытянув вперёд свою гадкую, кошачью голову с горбатым носом, забормотала хриплым голосом:

– Хррр...р! Часики идите! – тише, тише не шумите! – король мышинный к вам идёт! – войско своё ведёт! – хрр...р – хрр-р! бим-бом! – бейте, часики, бим – бом!

И затем, мерно и ровно, часы пробили двенадцать. Мари стало вдруг так страшно, что она только и думала, как бы убежать, но вдруг, взглянув ещё раз на часы, увидела, что на них сидела уже не сова, а сам крёстный Дроссельмейер и, распустив руками

полы своего жёлтого кафтана, махал ими, точно сова крыльями. Тут Мари не выдержала и закричала в слезах:

– Крёстный! Крёстный! Что ты там делаешь? Не пугай меня! Сойди вниз, гадкий крёстный!

Но тут шорох и беготня поднялись уже со всех сторон, точно тысячи маленьких лапок забегали по полу, а из щелей, под картинами, выглянули множество блестящих, маленьких огоньков. Но это были не огоньки, а, напротив, крошечные сверкавшие глазки, и Мари увидела, что в комнату со всех сторон повалили мыши. Трот-трот! Хлоп-хлоп! – так и раздавалось по комнате.

Мыши толкались, суетились, бегали целыми толпами, и наконец, к величайшему изумлению Мари, начали становиться в правильные ряды в таком же порядке, в каком Фриц расставлял своих солдат, когда они готовились к сражению. Мари это показалось очень забавным, потому что она вовсе не боялась мышей, как это делают иные дети, и прежний страх её уже начал было проходить совсем, как вдруг раздался резкий и громкий писк, от которого холод пробежал у Мари по жилам. Ах! Что она увидела! Нет, любезный читатель Фриц! Хотя я и уверен, что у тебя, так же как и у храброго Фрица Штальбаума, мужественное сердце, всё же, если бы ты увидел, что увидела Мари, то, наверно, убежал бы со всех ног, прыгнул в свою постель и зарылся с головой в одеяло. Но бедная Мари не могла сделать даже этого! Вы только послушайте, дети! Как раз возле неё из большой щели в полу вдруг вылетело несколько кусочков извёстки, песка и камешков, словно от подземного толчка, и вслед затем выглянуло целых семь мышиных голов с золотыми коронами, и – представьте – все эти семь голов сидели на одном туловище! Большая семиголовая мышь с золотыми коронами выбралась наконец из щели вся и сразу же поскакала вокруг выстроившегося мышиного войска, которое встречало её с громким, торжественным писком, после чего всё воинство двинулось к шкафу, как раз туда, где стояла Мари. Мари и так уже была очень напугана – сердечко её почти готово было выпрыгнуть из груди,

и она ежеминутно думала, что вот-вот сейчас умрёт, но тут Мари совсем растерялась и почувствовала, что кровь стынет в её жилах. Невольно попятилась она к шкафу, но вдруг раздалось: клик-клак-хрр!... – и стекло в шкафу, которое она нечаянно толкнула локтем, разлетелось вдребезги. Мари почувствовала сильную боль в левой руке, но вместе с тем у неё сразу отлегло от сердца: она не слышала больше ужасного визга, так что Мари, хотя и не могла увидеть, что делалось на полу, но предположила, что мыши испугались шума разбитого стекла и спрятались в свои норы.

Но что же это опять? В шкафу, за спиной Мари, поднялась новая возня. Множество тоненьких голосов явственно кричали:

– В бой, в бой! Бей тревогу! Ночью в бой, ночью в бой! Бей тревогу!

И вместе с этим раздался удивительно приятный звон мелодичных колокольчиков.

– Ах, это колокольчики в игрушке крёстного, – радостно воскликнула Мари и, обернувшись к шкафу, увидела, что внутренность его была освещена каким-то странным светом, а игрушки шевелились и двигались как живые. Куклы стали беспорядочно бегать, размахивая руками, а Щелкунчик вдруг поднялся с постели, сбросив с себя одеяло, и закричал во всю мочь: «Крак, крак! Мышиный король дурак! Крак, крак! Дурак! Дурак!»

При этом он размахивал по воздуху своей шпагой и продолжал кричать:

– Эй вы, друзья, братья, вассалы¹! Постоите ли вы за меня в тяжком бою?

Тут подбежали к нему три паяца, Полишинель, трубочист, два тирольца с гитарами, барабанщик и хором воскликнули:

– Да, принц! Клянёмся тебе в верности! Веди нас на смерть или победу!

С этими словами они все, вместе со Щелкунчиком, спрыгнули с верхней полки шкафа на пол комнаты. Но им-то было хорошо! На них были толстые шёлковые платья, а сами они были набиты ватой и опилками и упали на пол, как мешочки с шерстью, нисколько не ушибившись, а каково было спрыгнуть, почти на два фута вниз,

¹ *Вассал* – перен. Подчинённое зависимое лицо или государство.

бедному Щелкунчику, сделанному из дерева? Бедняга, наверно, переломал бы себе руки и ноги, если бы в ту самую минуту, как он прыгал, кукла Клерхен, быстро вскочив со своего дивана, не приняла героя с обнажённым мечом в свои нежные объятия.

– Ах, моя милая, добрая Клерхен! – воскликнула Мари. – Как я тебя обидела, подумав, что ты неохотно уступила свою постель Щелкунчику.

Клерхен же, прижимая героя к своей шёлковой груди, говорила:

– О принц! Неужели вы хотите идти в бой такой раненый и больной? Оставайтесь! Лучше смотрите отсюда, как будут драться и вернуться с победой ваши храбрые вассалы! Паяц, Полишинель, трубочист, тиролоец и барабанщик уже внизу, а прочие войска вооружаются на верхней полке. Умоляю вас, принц, оставайтесь со мной!

Так говорила Клерхен, но Щелкунчик вёл себя весьма странным образом и так барахтался и болтал ножками у неё на руках, что она вынуждена была опустить его на пол. В ту же минуту он ловко упал перед ней на одно колено и сказал:

– О сударыня! Верьте, что ни на одну минуту не забуду я в битве вашего ко мне участия и милости!

Клерхен нагнулась, взяла его за руку, сняла свой украшенный блёстками пояс и хотела повязать им стоявшего на коленях Щелкунчика, но он, быстро отпрыгнув, положил руку на сердце и сказал торжественным тоном:

– Нет, сударыня, нет, не этим! – и, сорвав ленту, которой Мари перевязала его рану, прижал её к губам, а затем, надев ленту себе на руку, как рыцарскую перевязь, спрыгнул, словно птичка, с края полки на пол, размахивая своей блестящей шпагой.

Вы, конечно, давно заметили, мои маленькие читатели, что Щелкунчик ещё до того, как по-настоящему ожил, чрезвычайно глубоко ценил внимание и любовь к нему Мари и только потому не хотел надеть перевязь Клерхен, несмотря на то, что та была очень красива и сверкала. Доброму, верному Щелкунчику была гораздо дороже простенькая ленточка Мари!

Однако что-то будет, что-то будет!

Едва Щелкунчик спрыгнул на пол, как писк и беготня мышей возобновились с новой силой. Вся их жадная, густая толпа собралась под большим круглым столом, и впереди всех бегала и прыгала противная мышь с семью головами!

Что-то будет! Что-то будет!

(Продолжение сказки читайте в хрестоматии.)

1. Понравилась ли вам повесть-сказка «Щелкунчик и Мышиный король»?

2. Какие элементы рождественского рассказа вы можете в ней отметить?

3. Какова роль «Сказки о крепком орехе» в повествовании? Почему советник Дроссельмейер разделил сказку на три части? (**Групповая работа.**)

4. Выделите основную информацию первой, второй и третьей частей сказки и озаглавьте их.

5. Почему Дроссельмейер заканчивает сказку словами: «Вот вам, дети, сказка о крепком орехе! Теперь вы знаете, почему люди говорят, что не всякий орех по зубам, а также, почему Щелкунчики бывают такие уроды!».

6. А что думает Мари о Щелкунчике и принцессе Пирлипат? Согласны ли вы с ней? Докажите.

7. Сравните героев сказки. Какими качествами обладают Мари и Пирлипат, Щелкунчик и Мышиный король? Для сравнения используйте любые приёмы, которые вам уже известны.

8. В большинстве сказок добро побеждает зло. Кто и что являются олицетворением добра и зла в сказочной повести Гофмана?

9. В чём смысл противоборства Кукольного и Мышиного королевств?

10. Как Мари помогла Щелкунчику одержать победу над Мышиным королём?

11. Как в сказке решается проблема красоты и уродства?

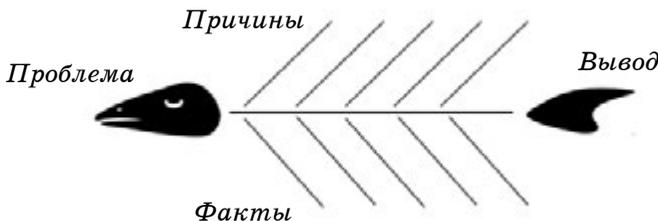
12. Составьте цитатный план двух глав «Кукольное царство» и «Столица» Например:

1) «Едва он её дёрнул, как по шубе вниз спустилась сквозь рукав изящная, сделанная из кедрового дерева лестница».

- 2) «Мы на Леденцовом лугу».
- 3) «...сами ворота назывались Миндально-Изюмными» и т.д.
13. Подготовьте подробный пересказ глав «Кукольное царство» и «Столица» по цитатному плану.
14. Чему учит сказка?
15. Нужно ли верить в волшебство нам, современным людям?
16. Происходили ли с вами чудеса и волшебство? Расскажите.
17. Что мы можем в наше время назвать чудом, волшебством?
- И** 18. Посмотрите мультфильм «Щелкунчик» или одноимённый балет. Чем они вам понравились? Удалось ли авторам передать атмосферу волшебства?
19. Послушайте «Вальс цветов» П.И. Чайковского. Какой отрывок из сказки он вам напомнил? Докажите.
20. Напишите эссе по сказке «Щелкунчик и Мышиный король»: «С кем из героев сказки я хотел бы подружиться и почему», «Что я считаю главным: красоту или доброту», «Моё рождественское чудо».
- Т** 21. Сравните эту рождественскую историю с другими, рассказанными писателями Х.К. Андерсеном («Девочка со спичками») и Ф.М. Достоевским («Мальчик у Христа на ёлке»). (Прочитайте их в хрестоматии.)
22. Кто заботится о бедных детях и что означает словосочетание «Христовы ёлка»?

ИТОГОВЫЕ ЗАДАНИЯ К РАЗДЕЛУ II

- Сочините свой рождественский рассказ.
- Какие современные обычаи и традиции встречи Рождества вы знаете?
- Нарисуйте символы Рождества и объясните их.
- Используя приём «Фишбоун», запишите причины и факты, которые помогут нам поверить в чудо:
  - Какова проблема? (Например, встречать или не встречать Рождество.)
  - Вывод (чудо).
  - Причины: весь мир встречает Рождество, это великий праздник и т.д.
  - Факты: Рождество объединяет людей, в этот день родился Иисус Христос и т.д.

Что такое нравственность?

В русском языке слово «нравственность» появилось в 1789 году в «Словаре Российской Академии» и объяснялось оно как система правил поведения человека, основанных на значимых для него ценностях и убеждениях. Нередко понятие нравственности используется в качестве синонима морали. Таким образом, нравственность и мораль – это ценности, принципы и нормы, которые определяют поведение человека. Призыв «Относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе!» является золотым правилом нравственности.

В русской литературе, как и в мировой в целом, всегда существовали нравоописательные и нравоучительные произведения, в которых читателям преподавались уроки достойного поведения человека в обществе других людей; давалось толкование понятий «добра» и «зла», приводились иллюстрации добрых и дурных поступков. Каково происхождение этих представлений? Когда и где они возникли и почему мы должны знать об этом?

Уже в древнейшей форме культуры – в мифологии были сформулированы правила поведения человека по отношению к окружающему миру, населённому многочисленными божествами, и к своим соплеменникам. Главным требованием было соблюдение всех установленных канонов и запретов. Любая волшебная сказка, которую называют «выродившимся мифом», рассказывает о наказании герою или героине, нарушившим какой-либо запрет, например, не оглядываться, не пить из придорожной лужицы, не сжигать раньше срока лягушачью кожу и т.д.

Религии, возникшие на рубеже новой эры, в своих священных книгах также установили обряды, обычаи и правила поведения для верующих. К таким книгам относятся Веды у индусов, Авеста у зороастрийцев, Библия у иудеев и христиан, Коран у мусульман.

Во всех этих книгах утверждается божественное происхождение данных заповедей, переданных через избранных людей (Моисея) или пророков (Магомета). В этих заповедях нет места убийству, воровству, доносам и клевете, зависти, разврату, а также неуважению к родителям и просто пожилым людям.

Конечно, свой вклад в формирование моральных правил внесла и светская культура. Так, средневековый кодекс чести требовал от рыцаря быть верным данному слову, долгу и чести на службе отечеству; защищать слабых, женщин и детей-сирот; быть снисходительным к поверженному врагу и щедрым по отношению к своим подданным.

В философских очерках французского гуманиста Мишеля Монтеня «Об искусстве жить достойно» (XVI век) есть не утратившие своего значения мысли о воспитании детей и родительской любви. Например: «Для матерей нередко бывает забавно смотреть, как их сыночек сворачивает шею цыплёнку и потешается, мучая кошку или собаку. <...> В действительности, однако, это не что иное, как семена и корни жестокости <...> И обыкновение извинять эти отвратительные наклонности легкомыслием, свойственным юности, и незначительностью поступков весьма и весьма опасно».

Ответы на вопросы морали и права искал в своих «Словах назидания» и великий казахский просветитель и акын Абай Кунанбаев (XIX век). Он создал свой сборник кратких притч и философских трактатов на склоне лет, уже познав искушение властью и тяготы земных дел, признание народа и потерю близких. Вот почему так убедительно звучат его наставления, данные в форме афоризмов:

– Будь в моих руках власть, я бы отрезал язык тому, кто твердит, будто человек неисправим.

– Человек – дитя своего времени. Если он плох, в том виноваты и его современники.

– Остаться одиноким – всё равно, что умереть. Все беды падут на голову одинокого.

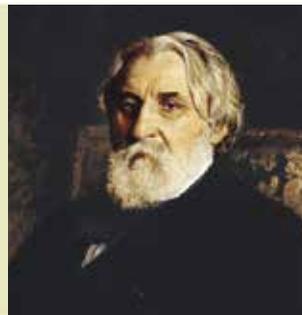
– Кому из нас не приходилось бывать в беде? Теряет надежду только слабый. Верно, что в мире нет ничего неизменного, но ведь и зло не вечно. Разве после суровой зимы не приходит полноводная цветущая весна?

– Плохой друг – всё равно, что тень: когда солнце над головой, от неё не избавиться, когда тучи сгущаются, её не сыщешь.

Это всего лишь несколько примеров. А сколько ещё мудрых и пронизательных мыслей найдёте вы в сборнике, состоящем из сорока пяти кратких притч и философских трактатов. «Слова назидания» Абая переведены на многие языки мира, но больше всего переводов сделано на русский язык.

1. Объясните своими словами, как вы понимаете «золотое правило» нравственности.
2. Приведите свои примеры фольклорных или литературных произведений, которые учат вас отличать добро и зло, нравственное и безнравственное.

**Иван Сергеевич
ТУРГЕНЕВ**
(1818–1883)

Прозаик, поэт, драматург, один из классиков русской литературы, внёсший наиболее значительный вклад в её развитие. Тургенев начал писать ещё в студенческие годы, но серьёзно стал заниматься литературой только в начале 1840-х годов, получив положительный отзыв критика В.Г. Белинского на свою поэму. Когда же критик высоко оценил первые прозаические опыты молодого писателя, Тургенев окончательно понял, каким жанрам отдаст предпочтение. Повести и романы писателя вошли в золотой фонд русской прозы.

Тургенев касался разных тем в своих произведениях, но особенно важной для него в 1850-е годы была тема крепостного права (государственные законы, прикреплявшие крестьянина к определённому участку земли и делавшие его лично зависимым от власти помещика).

В 1852 году был написан рассказ «Муму» о несправедливости и безнравственности помещичьего гнёта, о русском богатырстве и праведности,

воплощённых в образах крепостных крестьян. В основу сюжета рассказа легли личные впечатления и воспоминания о детстве и юности в родовом гнезде, о матери и её отношении к дворовым крестьянам и собственным детям. Века крепостного рабства, по убеждению Тургенева, пагубно повлияли на все сословия русского общества. Просуществовав более двухсот лет, крепостное право было отменено императорским манифестом 19 февраля 1861 года. Важную роль в принятии такого решения сыграли и произведения И.С. Тургенева.

МУМУ

(В сокращении)

В одной из отдалённых улиц Москвы, в сером доме с белыми колоннами, антресолю и покрывившимся балконом, жила некогда барыня, вдова, окружённая многочисленной дворней. Сыновья её служили в Петербурге, дочери вышли замуж; она выезжала редко и уединённо доживала последние годы своей скупой и скучающей старости. День её, нерадостный и ненастный, давно прошёл; но и вечер её был чернее ночи.

Из числа всей её челяди самым замечательным лицом был дворник Герасим, мужчина двенадцати вершков роста, сложенный богатырём и глухонемой от рождения. Барыня взяла его из деревни, где он жил один, в небольшой избушке, отдельно от братьев, и считался едва ли не самым исправным тягловым мужиком. Одарённый необычайной силой, он работал за четверых – дело спорилось в его руках, и весело было смотреть на него, когда он либо пахал и налегая огромными ладонями на соху, казалось, один, без помощи лошадёнки, взрезывал упругую грудь земли, либо о Петров день так сокрушительно действовал косой, что хоть бы молодой берёзовый лесок смахивать с корней долой, либо

Рассказ – один из жанров эпической, повествовательной литературы, малая её форма, – небольшое художественное произведение, посвящённое обычно отдельному событию в жизни человека, без детального изображения того, что с ним было до и после этого события. Хотя могут быть и более объёмные темы, охватывающие длительные отрезки времени, даже всю жизнь героя.

проворно и безостановочно молотил трёхаршинным цепом, и как рычаг опускались и поднимались продолговатые и твёрдые мышцы его плечей. Постоянное безмолвие придавало торжественную важность его неистомной работе. Славный он был мужик, и не будь его несчастье, всякая девка охотно пошла бы за него замуж... Но вот Герасима привезли в Москву, купили ему сапоги, сшили кафтан на лето, на зиму тулуп, дали ему в руки метлу и лопату и определили его дворником.

Крепко не полюбилось ему сначала его новое житьё. С детства привык он к полевым работам, к деревенскому быту. Отчуждённый несчастьем своим от сообщества людей, он вырос немой и могучий, как дерево растёт на плодородной земле... Переселённый в город, он не понимал, что с ним такое деется, – скучал и недоумевал, как недоумевает молодой, здоровый бык, которого только что взяли с нивы, где сочная трава росла ему по брюхо, – взяли, поставили на вагон железной дороги – и вот, отдавая его тучное тело то дымом с искрами, то волнистым паром, мчат его теперь, мчат со стуком и визгом, а куда мчат – бог весть! Занятия Герасима по новой его должности казались ему шуткой после тяжких крестьянских работ; в полчаса всё у него было готово, и он опять то останавливался посреди двора и глядел, разинув рот, на всех проходящих, как бы желая добиться от них решения загадочного своего положения, то вдруг уходил куда-нибудь в уголок и, далеко швырнув метлу и лопату, бросался на землю лицом и целые часы лежал на груди неподвижно, как пойманный зверь. Но ко всему привыкает человек, и Герасим привык наконец к городскому житью. Дела у него было немного; вся обязанность его состояла в том, чтобы двор содержать в чистоте, два раза в день привезти бочку с водой, натаскать и наколоть дров для кухни и дома, да чужих не пускать и по ночам караулить. И надо сказать, усердно исполнял он свою обязанность: на дворе у него никогда ни щепок не валялось, ни сору; застрянет ли в грязную пору где-нибудь с бочкой отданная под его начальство разбитая кляча-водовозка, он только двинет плечом – и не только телегу, самое лошадь спихнёт с места; дрова ли примется он колоть, топор так и звенит у него, как стекло, и летят во все стороны осколки поленья; а что насчёт чужих, так после того, как он однажды ночью, поймав двух воров, стукнул их друг о дружку

лбами, да так стукнул, что хоть в полицию их потом не води, все в околотке очень стали уважать его; даже днём проходившие, все уже не мошенники, а просто незнакомые люди при виде грозного дворника отмахивались и кричали на него, как будто он мог слышать их крики. Со всей остальной челядью Герасим находился в отношениях не то чтобы приятельских – они его побаивались, – а коротких: он считал их за своих. Они с ним объяснялись знаками, и он их понимал, в точности исполнял все приказания, но права свои тоже знал и уже никто не смел садиться на его место в застолье¹. Вообще Герасим был нрава строгого и серьёзного, любил во всём порядок; даже петухи при нём не смели драться, – а то беда! Увидит, тотчас схватит за ноги, повертит раз десять на воздухе колесом и бросит врозь. На дворе у барыни водились тоже гуси; но гусь, известно, птица важная и рассудительная; Герасим чувствовал к ним уважение, ходил за ними и кормил их; он сам смахивал на степенного гусака. Ему отвели над кухней каморку; он устроил её себе сам, по своему вкусу, соорудил в ней кровать из дубовых досок на четырёх чурбанах, – истинно богатырскую кровать; сто пудов можно было положить на неё – не погнулась бы; под кроватью находился дюжий сундук; в уголку стоял столик такого же крепкого свойства, а возле столика – стул на трёх ножках, да такой прочный и приземистый, что сам Герасим, бывало, поднимет его, уронит и ухмыльнётся. Каморка запиралась на замок, напоминавший своим видом калач, только чёрный; ключ от этого замка Герасим всегда носил с собой на пояске. Он не любил, чтобы к нему ходили.

Так прошёл год, по окончании которого с Герасимом случилось небольшое происшествие.

Старая барыня, у которой он жил в дворниках, во всём следовала древним обычаям и прислугу держала многочисленную; в доме у ней находились не только прачки, швеи, столяры, портные и портнихи, – был даже один шорник², он же считался ветеринарным врачом и лекарем для людей, был домашний лекарь для госпожи, был, наконец, один башмачник, по имени Капитон Климов,

¹ *Застóлица* – то же, что *застолье* – праздничный стол, угощение, а также сидящие за праздничным столом.

² *Шóрник* – специалист по шорным изделиям. *Шóрный* – относящийся к упряжи и другим техническим изделиям из кожи.

пьяница горький. Климов почитал себя существом обиженным и не оценённым по достоинству, человеком образованным и столичным, которому не в Москве бы жить, без дела, в каком-то захолустье, и если пил, как он сам выражался с расстановкой и стуча себя в грудь, то пил уже именно с горя. Вот зашла однажды о нём речь у барыни с её главным дворецким¹, Гаврилой, человеком, которому, судя по одним его жёлтым глазкам и утиному носу, сама судьба, казалось, определила быть начальствующим лицом. Барыня сожалела об испорченной нравственности Капитона, которого накануне только что отыскивали где-то на улице.

– А что, Гаврила, – заговорила вдруг она, – не женить ли нам его, как ты думаешь? Может, он остепенится.

– Отчего же не женить-с! Можно-с, – ответил Гаврила, – и очень даже будет хорошо-с.

– Да; только кто за него пойдёт?

– Конечно-с. А впрочем, как вам будет угодно-с. Всё же он, так сказать, на что-нибудь может быть потребен; из десятка его не выкинешь.

– Кажется, ему Татьяна нравится?

Гаврила хотел было что-то возразить, да сжал губы.

– Да!.. пусть посватает Татьяну, – решила барыня, с удовольствием понюхивая табачок, – слышишь?

– Слушаю-с, – произнёс Гаврила и удалился.

Возвратясь в свою комнату (она находилась во флигеле и была почти вся загромождена коваными сундуками), Гаврила сперва выслал вон свою жену, а потом подсел к окну и задумался. Неожиданное распоряжение барыни его, видимо, озадачило. Наконец он встал и велел кликнуть Капитона. Капитон явился... Но прежде чем мы передадим читателям их разговор, считаем нелишним рассказать в немногих словах, кто была эта Татьяна, на которой приходилось Капитону жениться, и почему повеление барыни смутило дворецкого.

Татьяна, состоявшая, как мы сказали выше, в должности прачки (впрочем, ей, как искусной и учёной прачке, поручалось одно тонкое бельё), была женщина лет двадцати осьми, маленькая, худая, белокурая, с родинками на левой щеке. Родинки на левой щеке почитаются на Руси худой приметой – предвещанием

¹ *Дворецкий* – старший слуга, ведающий столом и домашней прислугой.

несчастной жизни... Татьяна не могла похвалиться своей участью. С ранней молодости её держали в чёрном теле; работала она за двоих, а ласки никакой никогда не видала; одевали её плохо, жалованье она получала самое маленькое; родни у неё всё равно что не было: один какой-то старый ключник, оставленный за негодностью в деревне, доводился ей дядей, да другие дядья у неё в мужиках состояли, – вот и всё. Когда-то она слыла красавицей, но красота с неё очень скоро соскочила. Нрава она была весьма смиренного, или, лучше сказать, запуганного, к самой себе она чувствовала полное равнодушие, других боялась смертельно; думала только о том, как бы работу к сроку кончить, никогда ни с кем не говорила и трепетала при одном имени барыни, хотя та её почти в глаза не знала. Когда Герасима привезли из деревни, она чуть не обмерла от ужаса при виде его громадной фигуры, всячески старалась не встречаться с ним, даже жмурилась, бывало, когда ей случалось пробегать мимо него, спеша из дома в прачечную. Герасим сперва не обращал на неё особенного внимания, потом стал посмеиваться, когда она ему попадалась, потом и заглядываться на неё начал, наконец и вовсе глаз с неё не спускал. Полюбилась она ему; кротким ли выражением лица, робостью ли движений – бог его знает! Вот однажды пробиралась она по двору, осторожно поднимая на растопыренных пальцах накрахмаленную барынину кофту... кто-то вдруг сильно схватил её за локоть; она обернулась и так и вскрикнула: за ней

стоял Герасим. Глупо смеясь и ласково мыча, протягивал он ей пряничного петушка, с сусальным¹ золотом на хвосте и крыльях. Она было хотела отказаться, но он насильно впихнул его ей прямо в руку, покачал головой, пошёл прочь и, обернувшись, ещё раз промычал ей что-то очень дружелюбное. С того дня он уж ей не давал покоя: куда, бывало, она ни пойдёт, он уж тут как тут, идёт ей навстречу, улыбается, мычит, махает руками, ленту вдруг вытаскивает из-за пазухи и всучит ей, метлой перед ней пыль расчистит. Бедная девка просто не знала, как ей быть и что делать. Скоро весь дом узнал о проделках немого дворника; насмешки, прибауточки, колкие словечки посыпались на Татьяну. Над Герасимом, однако, глумиться не все решались; он шуток не любил; да и её при нём оставляли в покое. Рада не рада, а попала девка под его покровительство. Как все глухонемые, он очень был догадлив и очень хорошо понимал, когда над ним или над ней смеялись. Однажды за обедом кастелянша², начальница Татьяны, принялась её, как говорится, шпынять и до того её довела, что та, бедная, не знала куда глаза деть и чуть не плакала с досады. Герасим вдруг приподнялся, протянул свою огромную ручищу, наложил её на голову кастелянши и с такой угрюмой свирепостью посмотрел ей в лицо, что та так и пригнулась к столу. Все умолкли. Герасим снова взялся за ложку и продолжал хлебать щи. «Вишь, глухой чёрт, леший!» – пробормотали все вполголоса, а кастелянша встала да ушла в девичью. А то в другой раз, заметив, что Капитон, тот самый Капитон, о котором сейчас шла речь, как-то слишком любезно раскалякался с Татьяной, Герасим подозвал его к себе пальцем, отвёл в каретный сарай да, ухватив за конец стоявшее в углу дышло³, слегка, но многозначительно погрозил ему им. С тех пор уж никто не заговаривал с Татьяной. И всё это ему сходило с рук. Правда, кастелянша, как только прибежала в девичью, тотчас упала в обморок и вообще так искусно действовала, что в тот же день довела до сведения барыни грубый поступок Герасима; но причудливая старуха только рассмеялась, несколько раз, к крайнему оскорблению кастелянши,

¹ *Сусальный* – являющийся сусалью. *Сусаль* – тончайшие листы золота (серебра, олова, меди), служащие для отделки каких-либо изделий.

² *Кастелянша* – заведующая бельём.

³ *Дышло* – толстая оглобля, прикрепляемая к середине передней оси повозки при парной запряжке.

заставила её повторить, как, дескать, он принагнул тебя своей тяжёлой ручкой, и на другой день выслала Герасиму целковый. Она его жаловала как верного и сильного сторожа. Герасим порядком её побаивался, но всё-таки надеялся на её милость и собирался уже отправиться к ней.

[Но по воле барыни Татьяну выдали замуж за бездельника и пьяницу Капитона Климова.]

Прошёл ещё год, в течение которого Капитон окончательно спился с кругу и, как человек решительно никуда негодный, был отправлен с обозом в дальнюю деревню, вместе с своею женой. В день отъезда он сперва очень храбрился и уверял, что куда его ни пошли, хоть туда, где бабы рубахи моют да вальки¹ на небо кладут, он всё не пропадёт; но потом упал духом, стал жаловаться, что его везут к необразованным людям, и так ослабел наконец, что даже собственную шапку на себя надеть не мог; какая-то сострадательная душа надвинула её ему на лоб, поправила козырёк и сверху её прихлопнула. Когда же всё было готово и мужики уже держали вожжи в руках и ждали только слов: «С богом!», Герасим вышел из своей каморки, приблизился к Татьяне и подарил ей на память красный бумажный платок, купленный им для неё же с год тому назад. Татьяна, с великим равнодушием переносившая до того мгновения все превратности своей жизни, тут, однако, не вытерпела, прослезилась и, садясь в телегу, по-христиански три раза поцеловалась с Герасимом. Он хотел проводить её до заставы и пошёл сперва рядом с её телегой, но вдруг остановился на Крымском броду, махнул рукой и отправился вдоль реки.

Дело было к вечеру. Он шёл тихо и глядел на воду. Вдруг ему показалось, что что-то барахтается в тине у самого берега. Он нагнулся и увидел небольшого щенка, белого с чёрными пятнами, который, несмотря на все свои старания, никак не мог вылезть из воды, бился, скользил и дрожал всем своим мокреньким и худеньким телом. Герасим поглядел на несчастную собачонку, подхватил её одной рукой, сунул её к себе в пазуху и пустился большими шагами домой. Он вошёл в свою каморку, уложил спасённого щенка

¹ *Валёк* – плоский деревянный брусок с рукояткой для катания белья на скалке или для выколачивания его при полоскании.

на кровати, прикрыл его своим тяжёлым армяком, сбегал сперва в конюшню за соломой, потом в кухню за чашечкой молока. Осторожно откинув армяк и разостлав солому, поставил он молоко на кровать. Бедной собачонке было всего недели три, глаза у неё прорезались недавно; один глаз даже казался немножко больше другого; она ещё не умела пить из чашки и только дрожала и щурилась. Герасим взял её легонько двумя пальцами за голову и принагнул её мордочку к молоку. Собачка вдруг начала пить с жадностью, фыркающая, трясясь и захлёбываясь. Герасим глядел, глядел да как засмеётся вдруг... Всю ночь он возился с ней, укладывал её, обтирал и заснул наконец сам возле неё каким-то радостным и тихим сном.

Ни одна мать так не ухаживает за своим ребёнком, как ухаживал Герасим за своей питомицей. (Собака оказалась сучкой.) Первое время она была очень слаба, тщедушна и собой некрасива, но понемногу справилась и выровнялась, а месяцев через восемь, благодаря неусыпным попечениям своего спасителя, превратилась в очень ладную собачку испанской породы, с длинными ушами, пушистым хвостом в виде трубы и большими выразительными глазами. Она страстно привязалась к Герасиму и не отставала от него ни на шаг, всё ходила за ним, повилывая хвостиком. Он и кличку ей дал – немые знают, что мычанье их обращает на себя внимание других, – он назвал её Муму. Все люди в доме её полюбили и тоже кликали Мумуней. Она была чрезвычайно умна, ко всем

ласкалась, но любила одного Герасима. Герасим сам её любил без памяти... и ему было неприятно, когда другие её гладили: боялся он, что ли, за неё, ревновал ли он к ней – бог весть! Она его будила по утрам, дёргая его за полу, приводила к нему за повод старую водовозку, с которой жила в большой дружбе, с важностью на лице отправлялась вместе с ним на реку, караулила его мётлы и лопаты, никого не подпускала к его каморке. Он нарочно для неё прорезал отверстие в своей двери, и она как будто чувствовала, что только в Герасимовой каморке она была полная хозяйка, и потому, войдя в неё, тотчас с довольным видом вскакивала на кровать. Ночью она не спала вовсе, но не лаяла без разбору, как иная глупая дворняжка, которая, сидя на задних лапах и подняв морду и зажмурился глаза, лает просто от скуки, так, на звёзды, и обыкновенно три раза сряду, – нет! Тонкий голосок Муму никогда не раздавался даром: либо чужой близко подходил к забору, либо где-нибудь поднимался подозрительный шум или шорох... Словом, она сторожила отлично. Правда, был ещё, кроме её, на дворе старый пёс жёлтого цвета, с бурыми крапинами, по имени Волчок, но того никогда, даже ночью, не спускали с цепи, да и он сам, по дряхлости своей, вовсе не требовал свободы – лежал себе свернувшись в своей конуре и лишь изредка издавал сиплый, почти беззвучный лай, который тотчас же прекращал, как бы сам чувствуя всю его бесполезность. В господский дом Муму не ходила и, когда Герасим носил в комнаты дрова, всегда оставалась назади и нетерпеливо его выжидала у крыльца, наострив уши и поворачивая голову то направо, то вдруг налево, при малейшем стуке за дверями...

Так прошёл ещё год. Герасим продолжал свои дворнические занятия и очень был доволен своей судьбой, как вдруг произошло одно неожиданное обстоятельство... а именно.

В один прекрасный летний день барыня с своими приживалками¹ расхаживала по гостиной. Она была в духе, смеялась и шутила; приживалки смеялись и шутили тоже, но особенной радости они не чувствовали: в доме не очень-то любили, когда на барыню приходил весёлый час, потому что, во-первых, она тогда требовала от

¹ *Приживáлка* (приживал) – бедный человек, живший из милости в барском доме.

всех немедленного и полного сочувствия и сердилась, если у кого-нибудь лицо не сияло удовольствием, а во-вторых, эти вспышки у ней продолжались недолго и обыкновенно заменялись мрачным и кислым расположением духа. В тот день она как-то счастливо встала; на картах ей вышло четыре валета: исполнение желаний (она всегда гадала по утрам), – и чай ей показался особенно вкусным, за что горничная получила на словах похвалу и деньгами гривенник. С сладкой улыбкой на сморщенных губах гуляла барыня по гостиной и подошла к окну. Перед окном был разбит палисадник, и на самой средней клумбе, под розовым кусточком, лежала Муму и тщательно грызла кость. Барыня увидела её.

– Боже мой! – воскликнула она вдруг, – что это за собака?

Приживалка, к которой обратилась барыня, заметалась, бедненькая, с тем тоскливым беспокойством, которое обыкновенно овладевает подвластным человеком, когда он ещё не знает хорошенько, как ему понять восклицание начальника.

– Н... н...е знаю-с, – пробормотала она, – кажется, немного.

– Боже мой! – прервала барыня, – да она премиленькая собачка! Велите её привести. Давно она у него? Как же я это её не видала до сих пор?.. Велите её привести.

Приживалка тотчас порхнула в переднюю.

– Человек, человек! – закричала она, – приведите поскорей Муму! Она в палисаднике.

– А её Муму зовут, – промолвила барыня, – очень хорошее имя.

– Ах, очень-с! – возразила приживалка. – Скорей, Степан!

Степан, дюжий парень, состоявший в должности лакея, бросился сломя голову в палисадник и хотел было схватить Муму, но та ловко вывернулась из-под его пальцев и, подняв хвост, пустилась во все лопатки к Герасиму, который в то время у кухни выколачивал и вытряхивал бочку, перевёртывая её в руках, как детский барабан. Степан побежал за ней вслед, начал ловить её у самых ног её хозяина; но проворная собачка не давалась чужому в руки, прыгала и увёртывалась. Герасим смотрел с усмешкой на всю эту возню; наконец Степан с досадой приподнялся и поспешно растолковал ему знаками, что барыня, мол, требует твою собаку к себе. Герасим немного изумился, однако подозвал Муму, поднял

её с земли и передал Степану. Степан принёс её в гостиную и поставил на паркет. Барыня начала её ласковым голосом подзывать к себе. Муму, отроду ещё не бывавшая в таких великолепных покоях, очень испугалась и бросилась было к двери, но оттолкнутая услужливым Степаном, задрожала и прижалась к стене.

– Муму, Муму, подойди же ко мне, подойди к барыне, – говорила госпожа, – подойди, глупенькая... не бойся...

– Подойди, подойди, Муму, к барыне, – твердили приживалки, – подойди.

Но Муму тоскливо оглядывалась кругом и не трогалась с места.

– Принесите ей что-нибудь поесть, – сказала барыня. – Какая она глупая! к барыне не идёт. Чего боится?

– Оне не привыкли ещё, – произнесла робким и умильным голосом одна из приживалок.

Степан принёс блюдечко с молоком, поставил перед Муму, но Муму даже и не понюхала молока и всё дрожала и озиралась по-прежнему.

– Ах, какая же ты! – промолвила барыня, подходя к ней, нагнулась и хотела погладить её, но Муму судорожно повернула голову и оскалила зубы. Барыня проворно отдёрнула руку...

Произошло мгновенное молчание. Муму слабо визгнула, как бы жалуясь и извиняясь... Барыня отошла и нахмурилась. Внезапное движение собаки её испугало.

– Ах! – закричали разом все приживалки, – не укусила ли она вас, сохрани бог! (Муму в жизнь свою никого никогда не укусила.) Ах, ах!

– Отнести её вон, – проговорила изменившимся голосом старуха. – Скверная собачонка! Какая она злая!

И, медленно повернувшись, направилась она в свой кабинет. Приживалки робко переглянулись и пошли было за ней, но она остановилась, холодно посмотрела на них, промолвила: «Зачем это? Ведь я вас не зову», – и ушла.

Приживалки отчаянно замахали руками на Степана; тот подхватил Муму и выбросил её поскорей за дверь, прямо к ногам Герасима, – а через полчаса в доме уже царствовала глубокая тишина, и старая барыня сидела на своём диване мрачнее грозовой тучи.

Какие безделицы, подумаешь, могут иногда расстроить человека!

До самого вечера барыня была не в духе, ни с кем не разговаривала, не играла в карты и ночь дурно провела. Вздумала, что одеколон ей подали не тот, который обыкновенно подавали, что подушка у ней пахнет мылом, и заставила кастеляншу всё белье перенюхать, – словом, волновалась и «горячилась» очень. На другое утро она велела позвать Гаврилу часом ранее обыкновенного.

– Скажи, пожалуйста, – начала она, как только тот, не без некоторого внутреннего лепетания, переступил порог её кабинета, – что это за собака у нас на дворе всю ночь лаяла? Мне спать не дала!

– Собака-с... какая-с... может быть, немного собака-с, – произнёс он не совсем твёрдым голосом.

– Не знаю, немного ли, другого ли кого, только спать мне не дала. Да я и удивляюсь, на что такая пропасть собак! Желаю знать. Ведь есть у нас дворная собака?

– Как же-с, есть-с. Волчок-с.

– Ну чего ещё, на что нам ещё собака? Только один беспорядки заводит. Старшего нет в доме – вот что. И на что немому собака? Кто ему позволил собак у меня на дворе держать? Вчера я подошла к окну, а она в палисаднике лежит, какую-то мерзость притащила, грызёт, – а у меня там розы посажены...

Барыня помолчала.

– Чтоб её сегодня же здесь не было... слышишь?

– Слушаю-с.

– Сегодня же. А теперь ступай. К докладу я тебя потом позову. Гаврила вышел.

[Дворецкий Гаврила приказывает слуге Степану избавиться от Муму, и тот продаёт собаку на Охотном ряду. Герасим пытается найти Муму.]

Уже смеркалось, как он вернулся. По его истомлённому виду, по неверной походке, по запялённой одежде его можно было предполагать, что он успел обежать пол-Москвы. Он остановился против барских окон, окинул взором крыльцо, на котором столпилось человек семь дворовых, отвернулся и промычал ещё раз: «Муму!» – Муму не отозвалась. Он пошёл прочь. Все посмотрели ему вслед,

но никто не улыбнулся, не сказал слова... а любопытный фореитор¹ Антипка рассказывал на другое утро в кухне, что немой-де всю ночь охал.

Весь следующий день Герасим не показывался, так что вместо его за водой должен был съездить кучер Потап, чем кучер Потап очень остался недоволен. Барыня спросила Гаврилу, исполнено ли её приказание. Гаврила отвечал, что исполнено. На другое утро Герасим вышел из своей каморки на работу. К обеду он пришёл, поел и ушёл опять, никому не поклонившись. Его лицо, и без того безжизненное, как у всех глухонемых, теперь словно окаменело. После обеда он опять уходил со двора, но ненадолго, вернулся и тотчас отправился на сеновал. Настала ночь, лунная, ясная. Тяжело вздыхая и беспрестанно поворачиваясь, лежал Герасим и вдруг почувствовал, как будто его дёргают за полу; он весь затрепетал, однако не поднял головы, даже зажмурился; но вот опять его дёрнули, сильнее прежнего; он вскочил... Перед ним, с обрывком на шее, вертелась Муму. Протяжный крик радости вырвался из его безмолвной груди; он схватил Муму, стиснул её в своих объятьях; она в одно мгновенье облизала ему нос, глаза, усы и бороду... Он постоял, подумал, осторожно слез с сеника, оглянулся и, удостоверившись, что никто его не увидит, благополучно пробрался в свою каморку. Герасим уже прежде догадался, что собака пропала не сама собой, что её, должно быть, свели по приказанию барыни; люди-то ему объяснили знаками, как его Муму на неё окрысилась, – и он решился принять свои меры. Сперва он накормил Муму хлебушком, обласкал её, уложил, потом начал соображать, да всю ночь напролёт и соображал, как бы получше её спрятать. Наконец он придумал весь день оставлять её в каморке и только изредка к ней наведываться, а ночью выводить. Отверстие в двери он плотно заткнул старым своим армяком и чуть свет был уже на дворе, как ни в чём не бывало, сохраняя даже (невинная хитрость!) прежнюю унылость на лице. Бедному глухому в голову не могло прийти, что Муму себя визгом своим выдаст: действительно, все в доме скоро узнали, что собака немого воротилась и сидит у него

¹ *Фореитор* – кучер, сидящий на передней лошади при упряжке цугом (гуськом).

взаперти, но, из сожаления к нему и к ней, отчасти, может быть, и из страха перед ним, не давали ему понять, что проведали его тайну. Дворецкий один почесал у себя в затылке, да махнул рукой. «Ну, мол, бог с ним! Авось до барыни не дойдёт!» Зато никогда немой так не усердствовал, как в тот день: вычистил и выскреб весь двор, выполол все травки до единой, собственноручно повывёргивал все колышки в заборе палисадника, чтобы удостовериться, довольно ли они крепки, и сам же их потом вколотил, – словом, возился и хлопотал так, что даже барыня обратила внимание на его радение¹. В течение дня Герасим раза два украдкой ходил к своей затворнице; когда же наступила ночь, он лёг спать вместе с ней в каморке, а не на сеновале, и только во втором часу вышел погулять с ней на чистом воздухе. Походив с ней довольно долго по двору, он уже было собирался вернуться, как вдруг за забором, со стороны переулка, раздался шорох. Муму навострила уши, зарычала, подошла к забору, понюхала и залилась громким и пронзительным лаем. Какой-то пьяный человек вздумал там угнездиться на ночь. В это самое время барыня только что засыпала после продолжительного «нервического волнения»: эти волнения у ней всегда случались после слишком сытного ужина. Внезапный лай её разбудил; сердце у ней забилося и замерло. «Девки, девки! Проговорила она. – Девки!» Перепуганные девки вскочили к ней в спальню. «Ох, ох, умираю! – проговорила она, тоскливо разводя руками. – Опять, опять эта собака!.. Ох, пошлите за доктором. Они меня убить хотят... Собака, опять собака! Ох!» – и она закинула голову назад, что должно было означать обморок. Бросились за доктором, то есть за домашним лекарем Харитоном. Этот лекарь, которого всё искусство состояло в том, что он носил сапоги с мягкими подошвами, умел деликатно братья за пульс, спал четырнадцать часов в сутки, остальное время всё вздыхал да беспрестанно потчевал барыню лавровишнёвыми каплями, – этот лекарь тотчас прибежал, покурил жжёными перьями и, когда барыня открыла глаза, немедленно поднёс ей на серебряном подносике рюмку с заветными каплями. Барыня приняла их, но тотчас же слезливым голосом

¹ *Радеть* – проявлять усердие, старание.

стала опять жаловаться на собаку, на Гаврилу, на свою участь, на то, что её, бедную, старую женщину, все бросили, что никто о ней не сожалеет, что все хотят её смерти. Между тем несчастная Муму продолжала лаять, а Герасим напрасно старался отозвать её от забора. «Вот... вот... опять...» – пролепетала барыня и снова подкатила глаза под лоб. Лекарь шепнул девке, та бросилась в переднюю, растолкала Степана, тот побежал будить Гаврилу, Гаврила сгоряча велел поднять весь дом.

Герасим обернулся, увидел замелькавшие огни и тени в окнах и, почуввав сердцем беду, схватил Муму под мышку, вбежал в каморку и заперся. Через несколько мгновений пять человек ломились в его дверь, но, почувствовав сопротивление засова, остановились. Гаврила прибежал в страшных попыхах, приказал им всем оставаться тут до утра и караулить, а сам потом ринулся в девичью и через старшую компаньонку Любовь Любимовну, с которой вместе крал и учитывал чай, сахар и прочую бакалею, велел доложить барыне, что собака, к несчастью, опять откуда-то прибежала, но что завтра же её в живых не будет и чтобы барыня сделала милость не гневалась и успокоилась. Барыня, вероятно, не так-то бы скоро успокоилась, да лекарь второпях вместо двенадцати капель налил целых сорок; сила лавровишенья и подействовала – через четверть часа барыня уже почивала крепко и мирно; а Герасим лежал, весь бледный, на своей кровати и сильно сжимал пасть Муму.

На следующее утро барыня проснулась довольно поздно. Гаврила ожидал её пробуждения для того, чтобы дать приказ к решительному натиску на Герасимово убежище, а сам готовился выдерживать сильную грозу. Но грозы не приключилось. Лёжа в постели, барыня велела позвать к себе старшую приживалку.

– Любовь Любимовна, – начала она тихим и слабым голосом; она иногда любила прикинуться загнанной и сиротливой страдальцей; нечего и говорить, что всем людям в доме становилось тогда очень неловко, – Любовь Любимовна, вы видите, каково моё положение; подите, душа моя, к Гавриле Андреичу, поговорите с ним: неужели для него какая-нибудь собачонка дороже спокойствия, самой жизни его барыни? Я бы не желала этому верить, – прибавила она с выражением глубокого чувства, – подите, душа моя, будьте так добры, подите к Гавриле Андреичу.

Любовь Любимовна отправилась в Гаврилину комнату. Известно, о чём происходил у них разговор; но спустя некоторое время целая толпа людей подвигалась через двор в направлении каморки Герасима: впереди выступал Гаврила, придерживая рукою картуз, хотя ветру не было; около него шли лакеи и повара; из окна глядел дядя Хвост и распоряжался, то есть только так руками разводил; позади всех прыгали и кривлялись мальчишки, из которых половина набежала чужих. На узкой лестнице, ведущей к каморке, сидел один караульщик; у двери стояли два других, с палками. Стали взбираться по лестнице, заняли её во всю длину. Гаврила подошёл к двери, стукнул в неё кулаком, крикнул:

– Отвори.

Послышался сдавленный лай; но ответа не было.

– Говорят, отвори! – повторил он.

– Да Гаврила Андреич, – заметил снизу Степан, – ведь он глухой – не слышит.

Все рассмеялись.

– Как же быть? – возразил сверху Гаврила.

– А у него там дыра в двери, – отвечал Степан, – так вы палкой-то пошевелите.

Гаврила нагнулся.

– Он её армяком каким-то заткнул, дыру-то.

– А вы армяк пропихните внутрь.

Тут опять раздался глухой лай.

– Вишь, вишь, сама сказывается, – заметили в толпе и опять рассмеялись.

Гаврила почесал у себя за ухом.

– Нет, брат, – продолжал он наконец, – армяк-то ты пропихивай сам, коли хочешь.

– А что ж, извольте!

И Степан вскарабкался наверх, взял палку, просунул внутрь армяк и начал болтать в отверстии палкой, приговаривая: «Выходи, выходи!» Он ещё болтал палкой, как вдруг дверь каморки быстро распахнулась – вся челядь тотчас кубарем скатилась с лестницы, Гаврила прежде всех. Дядя Хвост запер окно.

– Ну, ну, ну, – кричал Гаврила со двора, – смотри у меня, смотри! Герасим неподвижно стоял на пороге. Толпа собралась у подножия лестницы. Герасим глядел на всех этих людишек в немецких кафтанах сверху, слегка упёрши руки в бока; в своей красной крестьянской рубашке он казался каким-то великаном перед ними. Гаврила сделал шаг вперёд.

– Смотри, брат, – промолвил он, – у меня не озорничай.

И он начал ему объяснять знаками, что барыня, мол, непременно требует твоей собаки: подавай, мол, её сейчас, а то беда будет.

Герасим посмотрел на него, указал на собаку, сделал знак рукою у своей шеи, как бы затягивая петлю, и с вопросительным лицом взглянул на дворецкого.

– Да, да, – возразил тот, кивая головой, – да, непременно.

Герасим опустил глаза, потом вдруг встряхнулся, опять указал на Муму, которая всё время стояла возле него, невинно помахивая хвостом и с любопытством поводя ушами, повторил знак удушения над своей шеей и значительно ударил себя в грудь, как бы объявляя, что он сам берёт на себя уничтожить Муму.

– Да ты обманешь, – замахал ему в ответ Гаврила.

Герасим поглядел на него, презрительно усмехнулся, опять ударил себя в грудь и захлопнул дверь.

Все молча переглянулись.

– Что ж это такое значит? – начал Гаврила. – Он заперся?

– Оставьте его, Гаврила Андреич, – промолвил Степан, – он сделает, коли обещал. Уж он такой... Уж коли он обещает, это наверное. Он на это не то, что наш брат. Что правда, то правда. Да.

– Да, – повторили все и трякнули головами. – Это так. Да.

Дядя Хвост отворил окно и тоже сказал: «Да».

– Ну, пожалуй, посмотрим, – возразил Гаврила, – а караул всё-таки не снимать. Эй ты, Ерошка! – прибавил он, обращаясь к какому-то бледному человеку, в жёлтом нанковом казакине, который считался садовником, – что тебе делать? Возьми палку да сиди тут, и чуть что, тотчас ко мне беги!

Ерошка взял палку и сел на последнюю ступеньку лестницы. Толпа разошлась, исключая немногих любопытных и мальчишек, а Гаврила вернулся домой и через Любовь Любимовну велел

доложить барыне, что всё исполнено, а сам на всякий случай послал форейтора к хозяину¹. Барыня завязала в носовом платке узелок, налила на него одеколону, понюхала, потёрла себе виски, накушалась чаю и, будучи ещё под влиянием лавровишнёвых капель, заснула опять.

Спустя час после всей этой тревоги дверь каморки растворилась и показался Герасим. На нём был праздничный кафтан; он вёл Муму на верёвочке. Ерошка посторонился и дал ему пройти. Герасим направился к воротам. Мальчишки и все бывшие на дворе проводили его глазами, молча. Он даже не обернулся; шапку надел только на улице. Гаврила послал вслед за ним того же Ерошку в качестве наблюдателя. Ерошка увидел издали, что он вошёл в трактир вместе с собакой, и стал дожидаться его выхода.

В трактире знали Герасима и понимали его знаки. Он спросил себе щей с мясом и сел, опершись руками на стол. Муму стояла подле его стула, спокойно поглядывая на него своими умными глазками. Шерсть на ней так и лоснилась: видно было, что её недавно вычесали. Принесли Герасиму щей. Он накрошил туда хлеба, мелко изрубил мясо и поставил тарелку на пол. Муму принялась есть с обычной своей вежливостью, едва прикасаясь мордочкой до кушанья. Герасим долго глядел на неё; две тяжёлые слезы выкатились вдруг из его глаз: одна упала на крутой лобик собачки, другая – во щи. Он заслонил лицо своё рукой. Муму съела полтарелки и отошла, облизываясь. Герасим встал, заплатил за щи и вышел вон, сопровождаемый несколько недоумевающим взглядом полового². Ерошка, увидав Герасима, заскочил за угол и, пропустив его мимо, опять отправился вслед за ним.

Герасим шёл не торопясь и не спускал Муму с верёвочки. Дойдя до угла улицы, он остановился, как бы в раздумье, и вдруг быстрыми шагами отправился прямо к Крымскому броду. На дороге он зашёл на двор дома, к которому пристраивался флигель, и вынес оттуда два кирпича под мышкой. От Крымского брода он повернул по берегу, дошёл до одного места, где стояли две лодочки с вёслами, привязанными к колышкам (он уже заметил их прежде),

¹ *Хожáлый* – рассыльный, служитель при полиции для разных поручений, полицейский.

² *Полово́й* – слуга в трактире.

и вскочил в одну из них вместе с Муму. Хромой старичишка вышел из-за шалаша, поставленного в углу огорода, и закричал на него. Но Герасим только закивал головой и так сильно принялся грести, хотя и против течения реки, что в одно мгновение умчался сажень¹ на сто. Старик постоял, постоял, почесал себе спину сперва левой, потом правой рукой и вернулся, хромя, в шалаш.

А Герасим всё грёб да грёб. Вот уже Москва осталась позади. Вот уже потянулись по берегам луга, огороды, поля, рощи, показались избы. Повеяло деревней. Он бросил вёсла, приник головой к Муму, которая сидела перед ним на сухой перекладинке – дно было залито водой – и остался неподвижным, скрестив могучие руки у ней на спине, между тем как лодку волной помаленьку относило назад к городу. Наконец Герасим выпрямился, поспешно, с каким-то болезненным озлоблением на лице, окутал верёвкой взятые им кирпичи, приделал петлю, надел её на шею Муму, поднял её над рекой, в последний раз посмотрел на неё ... Она доверчиво и без страха поглядывала на него и слегка махала хвостиком. Он отвернулся, зажмурился и разжал руки... Герасим ничего не слышал, ни быстрого визга падающей Муму, ни тяжкого всплеска воды; для него самый шумный день был безмолвен и беззвучен, как ни одна самая тихая ночь не беззвучна для нас, и когда он снова раскрыл глаза, по-прежнему спешили по реке, как бы гонясь друг за дружкой, маленькие волны, по-прежнему поплёскивали они о бока лодки, и только далеко позади к берегу разбегались какие-то широкие круги.

Ерошка, как только Герасим скрылся у него из виду, вернулся домой и донес всё, что видел.

– Ну, да, – заметил Степан, – он её утопит. Уж можно быть спокойным. Коли он что обещал...

В течение дня никто не видел Герасима. Он дома не обедал. Настал вечер; собрались к ужину все, кроме его.

– Этой чудной этот Герасим! – пропищала толстая прачка, – можно ли эдак из-за собаки прокляжаться!.. Право!

– Да Герасим был здесь, – воскликнул вдруг Степан, загребая себе ложкой каши.

¹ Сажень – русская мера длины, равная трём аршинам (2,13 м).

– Как? когда?

– Да вот часа два тому назад. Как же. Я с ним в воротах по-встречался; он уж опять отсюда шёл, со двора выходил. Я было хотел спросить его насчёт собаки-то, да он, видно, не в духе был. Ну, и толкнул меня; должно быть, он так только отсторонить меня хотел: дескать, не приставай, – да такого необыкновенного леца мне в становую жилу поднёс, важно так, что ой-ой-ой! – И Степан с невольной усмешкой пожался и потёр себе затылок. – Да, – прибавил он, – рука у него, благодатная рука, нечего сказать.

Все посмеялись над Степаном и после ужина разошлись спать.

А между тем в ту самую пору по Т...у шоссе усердно и безостановочно шагал какой-то великан, с мешком за плечами с длинной палкой в руках. Это был Герасим. Он спешил без оглядки, спешил домой, к себе в деревню, на родину. Утопив бедную Муму, он прибежал в свою каморку, проворно уложил кой-какие пожитки в старую попону, связал её узлом, взвалил на плечо да и был таков. Дорогу он хорошо заметил ещё тогда, когда его везли в Москву; деревня, из которой барыня его взяла, лежала всего в двадцати пяти верстах от шоссе. Он шёл по нём с какой-то несокрушимой отвагой, с отчаянной и вместе радостной решимостью. Он шёл; широко распахнулась его грудь; глаза жадно и прямо устремились вперёд. Он торопился, как будто мать-старушка ждала его на родине, как будто она звала его к себе после долгого странствования на чужой стороне, в чужих людях... Только что наступившая летняя ночь была тиха и тепла; с одной стороны, там, где солнце закатилось, край неба ещё белел и слабо румянился последним отблеском исчезавшего дня, – с другой стороны уже вздымался синий, седой сумрак. Ночь шла оттуда. Перепела сотнями гремели кругом, взапуски перекликивались коростели... Герасим не мог их слышать, не мог он слышать также чуткого ночного шушуканья деревьев, мимо которых его проносили сильные его ноги, но он чувствовал знакомый запах поспевающей ржи, которым так и веяло с тёмных полей, чувствовал, как ветер, летевший к нему навстречу – ветер с родины – ласково ударял в его лицо, играл в его волосах и бороде; видел перед собой белеющую дорогу – дорогу домой, прямую как стрела; видел в небе несчётные звёзды,

светившие его пути, и как лев выступал сильно и бодро, так что когда восходящее солнце озарило своими влажно-красными лучами только что расходившегося молодца, между Москвой и им легло уже тридцать пять вёрст...

Через два два он уже был дома, в своей избёнке, к великому изумлению солдатки, которую туда поселили. Помолясь перед образами, тотчас же отправился он к старосте. Староста сначала было удивился; но сенокос только что начинался: Герасиму, как отличному работнику, тут же дали косу в руки – и пошёл косить он по-старинному, косить так, что мужиков только пробирало, глядя на его размахи да загребы...

А в Москве, на другой день после побега Герасима, хватились его. Пошли в его каморку, обшарили её, сказали Гавриле. Тот пришёл, посмотрел, пожал плечами и решил, что немой либо бежал, либо утоп вместе с своей глупой собакой. Дали знать полиции, доложили барыне. Барыня разгневалась, расплакалась, велела отыскать его во что бы то ни стало, уверяла, что она никогда не приказывала уничтожать собаку, и, наконец, такой дала нагоняй Гавриле, что тот целый день только потряхивал головой да приговаривал: «Ну!», пока дядя Хвост его не урезонил, сказав ему: «Ну-у!». Наконец пришло известие из деревни о прибытии туда Герасима. Барыня несколько успокоилась; сперва было отдала приказание немедленно вытребовать его назад в Москву, потом, однако, объявила, что такой неблагодарный человек ей вовсе не нужен. Впрочем, она скоро сама после того умерла; а наследникам её было не до Герасима: они и остальных-то матушкиных людей распустили по оброку¹.

И живёт до сих Герасим бобылём² в своей одинокой избе; здоров и могуч по-прежнему, и работает за четырёх по-прежнему, и по-прежнему важен и степенен. Но соседи заметили, что со времени своего возвращения из Москвы он совсем перестал водиться с женщинами, даже не глядит на них, и ни одной собаки у себя не держит. «Впрочем, – толкуют мужики, – его же счастье, что ему не надобеть

¹ *Оброк* – натуральный или денежный сбор, взимавшийся при крепостном праве с крестьян помещиком.

² *Бобыль* – безземельный, одинокий крестьянин-бедняк. Жить бобылём – жить одиноко, без родных, без жены.

бабья; а собака – на что ему собака? к нему на двор вора оселом не затащить!» Такова ходит молва о богатырской силе немого.

1. Какие чувства вы испытывали при чтении рассказа И.С. Тургенева? О чём вас заставил задуматься автор?

2. Что вы узнали о крепостном праве?

3. Разбейте рассказ на части и озаглавьте их.

4. «День её, нерадостный и ненастный, давно прошёл; но и вечер её был чернее ночи...» О ком эти слова? Как вы их понимаете?

5. Какими мы видим дворовых людей, описываемых автором? Как они выполняли свои обязанности? (Парная работа на примере дворника Герасима, прачки Татьяны, башмачника Капитона, дворецкого Гаврилы Андреича, кучера Потапа, садовника Ерошки и др.)

6. Как относился Герасим к Татьяне, за что полюбил?

7. Расскажите о взаимоотношениях Герасима и Муму.

8. О чём нам говорит приказ барыни уничтожить Муму?

9. Почему Герасим утопил Муму и только после этого ушёл от барыни?

10. Против чего протестует Герасим?

11. В основе этого рассказа лежит реальный случай, который произошёл с дворником матери писателя, но после гибели собаки Андрей (так звали немого крепостного) не ушёл от своей хозяйки, а служил ей до самой смерти. Почему писатель придумал совсем другую концовку рассказа? Какую цель он преследовал, чего достиг?

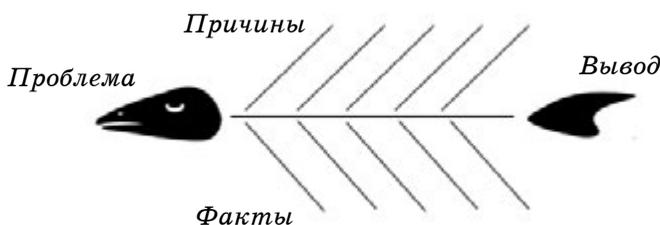
12. Кого И.С. Тургенев назвал «самым замечательным лицом» в рассказе?

13. **Групповая работа.** Составьте кластер на тему «Характеристика Герасима».

14. Судьбу какой крепостной женщины вы можете назвать самой трагической и почему? Заполните графы «Причины» фишбоуна.

Проблема: Татьяна – трагическое лицо;

Вывод: несчастная доля крепостных женщин.

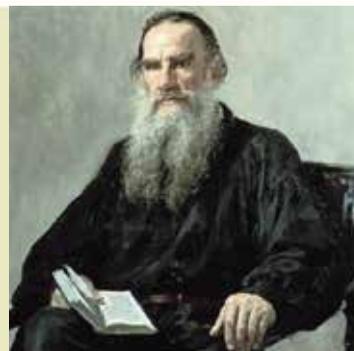
15. **Творческое задание** по выбору учащегося:

1) Составьте цитатный план характеристики одного из героев: Герасима, Татьяны, барыни, Муму.

2) Изучите иллюстрации к рассказу в учебнике. Чем они интересны? Озаглавьте их. Подготовьте по ним небольшой рассказ.

Лев Николаевич ТОЛСТОЙ

(1828–1910)

Один из величайших писателей мира, Лев Николаевич Толстой родился в Ясной Поляне Тульской губернии. Он получил традиционное для потомка старинного и знатного рода домашнее образование. Обладая лингвистическими способностями, свободно говорил не только на европейских, но и нескольких восточных языках. Но Толстой не любил занятий по казённым программам и учебникам, поэтому студенческой скамье предпочёл офицерский мундир. Будущему писателю было 23 года, когда он уехал на Кавказ, где принимал участие в боевых действиях. Во время Крымской войны находился в Севастополе в течение всей обороны города. После окончания войны переехал в Санкт-Петербург и сразу вошёл в кружок литературного журнала «Современник». Здесь его встретили «как великую надежду русской литературы» (Н.А. Некрасов), в которой уже угадывался талант выдающийся, неординарный.

Осенью 1856 года Толстой вышел в отставку и уехал в Ясную Поляну, где занялся просветительской работой, открыл школу для крестьянских детей, разрабатывал собственную педагогическую систему. Общаясь с «маленькими людьми», как он называл школьников, писатель стремился развивать творческие способности детей, знакомил их с отечественной историей, хотел поставить систему образования на службу народу. С начала 1870-х годов с огромным увлечением Толстой работает над «Азбукой» и «Русскими книгами для чтения». Многие из этих рассказов и поныне входят в хрестоматии и буквари: «Акула», «Прыжок», «Три медведя», «Лев и собачка», «Кавказский пленник».

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК

(*Быль*)

1

Быль – рассказ о действительном происшествии в отличие от небылицы.

Служил на Кавказе офицером один барин. Звали его Жилин.

Пришло раз ему письмо из дома. Пишет ему старуха мать: «Стара я уж стала, и хочется перед смертью повидать любимого сынка. Приезжай со мной проститься, похорони, а там и с богом, поезжай опять на службу. А я тебе и невесту приискала: и умная, и хорошая, и именье есть. Полюбится тебе, может, и женишься и совсем останешься».

Жилин и раздумался: «И в самом деле: плоха уж старуха стала; может, и не придётся увидеть. Поехать; а если невеста хороша – и жениться можно».

Пошёл он к полковнику, выправил отпуск, простился с товарищами, поставил своим солдатам четыре ведра водки на прощанье и собрался ехать.

На Кавказе тогда война была. По дорогам ни днём, ни ночью не было проезда. Чуть кто из русских отъедет или отойдёт от крепости, татары¹ или убьют, или уведут в горы. И было заведено, что два раза в неделю из крепости в крепость ходили провожатые солдаты. Спереди и сзади идут солдаты, а в середине едет народ.

¹ Татарами в те времена называли горцев Северного Кавказа, исповедующих ислам.

Дело было летом. Собрались на зорьке обозы за крепость, вышли провожатые солдаты и тронулись по дороге. Жилин ехал верхом, а телега с его вещами шла в обозе.

Ехать было 25 вёрст¹. Обоз шёл тихо; то солдаты останоятся, то в обозе колесо у кого соскочит, или лошадь станет, и все стоят – дожидаются.

Солнце уже и за полдни перешло, а обоз только половину дороги прошёл. Пыль, жара, солнце так и печёт, а укрыться негде. Голая степь, ни деревца, ни кустика по дороге.

Выехал Жилин вперёд, остановился и ждёт, пока подойдёт обоз. Слышит, сзади на рожке заиграли, – опять стоять. Жилин и подумал: «А не уехать ли одному, без солдат? Лошадь подо мной добрая, если и нападусь на татар – ускачу. Или не ездить?..»

Остановился, раздумывает. И подъезжает к нему на лошади другой офицер, Костылин, с ружьём, и говорит:

– Поедем, Жилин, одни. Мочи нет, есть хочется, да и жара. На мне рубаху хоть выжми. – А Костылин – мужчина грузный, толстый, весь красный, а пот с него так и льёт.

Подумал Жилин и говорит:

– А ружьё заряжено?

– Заряжено.

– Ну, так поедем. Только уговор – не разъезжаться.

И поехали они вперёд по дороге. Едут степью, разговаривают да поглядывают по сторонам. Кругом далеко видно.

Только кончилась степь, пошла дорога промеж двух гор в ущелье, Жилин и говорит:

– Надо выехать на гору, поглядеть, а то тут, пожалуй, выскочат из-за горы и не увидишь.

А Костылин говорит:

– Что смотреть? Поедем вперёд.

Жилин не послушал его.

– Нет, – говорит, – ты подожди внизу, а я только взгляну.

И пустил лошадь налево, на гору. Лошадь под Жилиным была охотничья (он за неё сто рублей заплатил в табуне жеребенком и сам выездил); как на крыльях взнесла его на кручь. Только

¹ *Верста* – русская мера длины, равная 1,06 км.

выскакал, глядь – а перед самым им, на десятину места, стоят татары верхами, – человек тридцать. Он увидел, стал назад поворачивать; и татары его увидели, пустились к нему, сами на скаку выхватывают ружья из чехлов. Припустил Жилин под кручь во все лошадиные ноги, кричит Костылину:

– Вынимай ружьё! – а сам думает на лошадь свою: «Матушка, вынеси, не зацепись ногой, спотыкнёшься – пропал. Доберусь до ружья, я им не дамся».

А Костылин, заместо того чтобы подождать, только увидел татар – закатился что есть духу к крепости. Плетью ожаривает лошадь то с того бока, то с другого. Только в пыли видно, как лошадь хвостом вертит.

Жилин видит – дело плохо. Ружьё уехало, с одной пашкой ничего не сделаешь. Пустил он лошадь назад к солдатам – думал уйти. Видит, ему наперерез катят шестеро. Под ним лошадь добрая, а под теми ещё добрее, да и наперерез скачут. Стал он окорачивать, хотел назад поворотить, да уж разнеслась лошадь, не удержит, прямо на них летит. Видит – близится к нему с красной бородой татарин на сером коне. Визжит, зубы оскалил, ружьё наготове.

«Ну, – думает Жилин, – знаю вас, чертей, если живого возьмут, посадят в яму, будут плетью пороть. Не дамся же живой».

А Жилин хоть невелик ростом, а удал был. Выхватил пашку, пустил лошадь прямо на красного татарина, думает: «Либо лошадью сомну, либо срублю пашкой».

На лошадь места не доскакал Жилин, выстрелили по нём сзади из ружей и попали в лошадь. Ударилась лошадь оземь со всего маху, – навалилась Жилину на ногу.

Хотел он подняться, а уж на нём два татарина вонючие сидят, крутят ему назад руки. Рванулся он, скинул с себя татар, – да ещё соскакали с коней трое на него, начали бить прикладами по голове. Помутилось у него в глазах и зашатался. Схватили его татары, сняли с сёдел подпруги запасные, закрутили ему руки за спину, завязали татарским узлом, поволокли к седлу. Шапку с него сбили, сапоги стащили, всё обшарили, деньги, часы вынули, платье¹ всё

¹ *Платье* – одежда, носимая поверх белья.

изорвали. Оглянулся Жилин на свою лошадь. Она, сердечная, как упала на бок, так и лежит, только бьётся ногами, – до земли не достаёт; в голове дыра, и из дыры так и свищет кровь чёрная, – на аршин¹ кругом пыль смочила.

Один татарин подошёл к лошади, стал седло снимать. Она всё бьётся, – он вынул кинжал, прорезал ей глотку. Засвистело из горла, трепанулась, и пар вон.

Сняли татары седло, сбрую. Сел татарин с красной бородой на лошадь, а другие посадили Жилина к нему на седло; а чтобы не упал, притянули его ремнём за пояс к татарину и повезли в горы.

Сидит Жилин за татаринном, покачивается, тычется лицом в вонючую татарскую спину. Только и видит перед собой здоровенную татарскую спину, да шею жилистую, да бритый затылок из-под шапки синееется. Голова у Жилина разбита, кровь запеклась над глазами. И нельзя ему ни поправиться на лошади, ни кровь обтереть. Руки так закручены, что в ключице ломит.

Ехали они долго с горы на гору, переехали вброд реку, выехали на дорогу и поехали ложиной.

Хотел Жилин примечать дорогу, куда его везут, – да глаза замазаны кровью, а повернуться нельзя.

Стало смеркаться. Переехали ещё речку, стали подниматься по каменной горе, запахло дымом, забрехали собаки.

Приехали в аул. Послезли с лошадей татары, собрались ребята татарские, окружили Жилина, пищат, радуются, стали камнями пулять в него.

Татарин отогнал ребят, снял Жилина с лошади и кликнул работника. Пришёл ногаец скуластый, в одной рубахе. Рубаха оборванная, вся грудь голая. Приказал что-то ему татарин. Принёс работник колодку: два чурбака дубовых на железные кольца насажены, и в одном кольце пробойник и замок.

Развязали Жилину руки, надели колодку и повели в сарай: толкнули его туда и заперли дверь. Жилин упал на навоз. Полежал, ощупал в темноте, где помягче, и лёг.

---

¹ *Аршин* – русская мера длины, равная 0,71 м.

Почти всю эту ночь не спал Жилин. Ночи короткие были. Видит – в щёлке светиться стало. Встал Жилин, раскопал щёлку побольше, стал смотреть.

Видна ему из щёлки дорога – под гору идёт, направо сакля татарская, два дерева подле неё. Собака чёрная лежит на пороге, коза с козлятами ходит, хвостиками подёргивают. Видит – из-под горы идёт татарка молоденькая, в рубахе цветной, распояской, в штанах и сапогах, голова кафтаном покрыта, а на голове большой кувшин жестяной с водой. Идёт, в спине подрагивает, перегибается, за руку татарчонка ведёт бритого, в одной рубашке. Прошла татарка в саклю с водой, вышел татарин вчерашний с красной бородой, в бешмете¹ шёлковом, на ремне кинжал серебряный, в башмаках на босу ногу. На голове шапка высокая, баранья, чёрная, назад заломлена. Вышел, потягивается, бороду красную сам поглаживает. Постоял, велел что-то работнику и пошёл куда-то.

Проехали потом на лошадях двое ребят к водопою. У лошадей храп мокрый. Выбежали ещё мальчишки бритые, в одних рубашках, без порток, собрались кучкой, подошли к сараю, взяли хворостину и суют в щёлку. Жилин как ухнет на них: завизжали ребята, закатились бежать прочь, только коленки голые блестят.

А Жилину пить хочется, в горле пересохло; думает – хоть бы пришли проведать. Слышит – отпирают сарай. Пришёл красный татарин, а с ним другой, поменьше ростом, черноватенький. Глаза чёрные, светлые, румяный, бородка маленькая, подстрижена; лицо весёлое, всё смеётся. Одет черноватый ещё лучше: бешмет шёлковый синий, галунчиком² обшит. Кинжал на поясе большой, серебряный; башмачки красные, сафьянные, тоже серебром обшиты. А на тонких башмачках другие толстые башмаки. Шапка высокая, белого барашка.

Красный татарин вошёл, проговорил что-то, точно ругается, и стал; облокотился на при́толку, кинжалом пошевеливает, как волк исподлобья косится на Жилина. А черноватый, – быстрый,

---

¹ *Бешмёт* – стёганный полукафтан у кавказских народов.

² *Галун* – нашивка из золотой или серебряной мишурной тесьмы на форменной одежде.

живой, так весь на пружинах и ходит, – подошёл прямо к Жилину, сел на корточки, оскаливается, потрепал его по плечу, что-то начал часто-часто по-своему лопотать, глазами подмигивает, языком прищёлкивает, всё приговаривает:

– Корошо урус! корошо урус!

Ничего не понял Жилин и говорит:

– Пить, воды пить дайте!

Чёрный смеётся.

– Корош урус, – всё по-своему лопочет.

Жилин губами и руками показал, чтоб пить ему дали.

Чёрный понял, засмеялся, выглянул в дверь, кликнул кого-то:

– Дина!

Прибежала девочка – тоненькая, худенькая, лет тринадцати и лицом на чёрного похожа. Видно, что дочь. Тоже – глаза чёрные, светлые и лицом красивая. Одета в рубаху длинную, синюю, с широкими рукавами и без пояса. На полах, на груди и на рукавах отстрочено красным. На ногах штаны и башмачки, а на башмачках другие с высокими каблуками; на шее монисто, всё из русских полтинников. Голова непокрытая, коса чёрная, и в косе лента, а на ленте привешаны бляхи и рубль серебряный.

Велел ей что-то отец. Убежала и опять пришла, принесла кувшинчик жестяной. Подала воду, сама села на корточки, вся изогнулась так, что плечи ниже колен ушли. Сидит, глаза раскрыла, глядит на Жилина, как он пьёт, как на зверя какого.

Подал ей Жилин назад кувшин. Как она прыгнет прочь, как коза дикая. Даже отец засмеялся. Послал её ещё куда-то. Она взяла кувшин, побежала, принесла хлеба пресного на дощечке круглой и опять села, изогнулась, глаз не спускает – смотрит.

Ушли татары, заперли опять дверь.

Погодя немного, приходит к Жилину ногаец и говорит:

– Айда, хозяин, айда!

Тоже не знает по-русски. Только понял Жилин, что велит идти куда-то.

Пошёл Жилин с колодкой, хромает, ступить нельзя, так и воротит ногу в сторону. Вышел Жилин за ногайцем. Видит – деревня татарская, домов десять, и церковь ихняя, с башенкой. У одного дома стоят три лошади в сёдлах. Мальчишки держат в поводу. Выскочил из этого дома черноватый татарин, замахал рукой, чтоб к нему шёл Жилин. Сам смеётся, всё говорит что-то по-своему, и ушёл в дверь. Пришёл Жилин в дом. Горница хорошая, стены глиной гладко вымазаны. К передней стене пуховики пёстрые уложены, по бокам висят ковры дорогие; на коврах ружья, пистолеты, шашки – всё в серебре. В одной стене печка маленькая вровень с полом. Пол земляной, чистый, как ток, и весь передний угол устлан войлоками; на войлоках ковры, а на коврах пуховые подушки. И на коврах в одних башмаках сидят татары: чёрный, красный и трое гостей. За спинами у всех пуховые подушки подложены, а перед ними на круглой дощечке блины просяные и масло коровье распущено в чашке, и пиво татарское – буза, в кувшинчике. Едят руками, и руки все в масле.

Вскочил чёрный, велел посадить Жилина в сторонке, не на ковёр, а на голый пол, залез опять на ковёр, угощает гостей блинами и бузой. Посадил работник Жилина на место, сам снял верхние башмаки, поставил у двери рядом, где и другие башмаки стояли, и сел на войлок поближе к хозяевам; смотрит, как они едят, слюни утирает.

Поели татары блины, пришла татарка в рубахе такой же, как и

девка, и в штанах; голова платком покрыта. Унесла масло, блины, подала лоханку хорошую и кувшин с узким носком. Стали мыть руки татары, потом сложили руки, сели на коленки, подули на все стороны и молитвы прочли. Поговорили по-своему. Потом один из гостей-татар повернулся к Жилину, стал говорить по-русски.

– Тебя, – говорит, – взял Кази-Мугамед, – сам показывает на красного татарина, – и отдал тебя Абдул-Мурату, – показывает на черноватого. – Абдул-Мурат теперь твой хозяин. – Жилин молчит.

Заговорил Абдул-Мурат, и всё показывает на Жилина, и смеётся, и приговаривает:

– Солдат урус, корошо урус.

Переводчик говорит:

– Он тебе велит домой письмо писать, чтоб за тебя выкуп прислали. Как пришлют деньги, он тебя пустит.

Жилин подумал и говорит:

– А много ли он хочет выкупа?

Поговорили татары, переводчик и говорит:

– Три тысячи монет.

– Нет, – говорит Жилин, – я этого заплатить не могу.

Вскочил Абдул, начал руками махать, что-то говорит Жилину, – всё думает, что он поймёт. Перевёл переводчик, говорит:

– Сколько же ты дашь?

Жилин подумал и говорит:

– Пятьсот рублей.

Тут татары заговорили часто, все вдруг. Начал Абдул кричать на красного, залопотал так, что слюни изо рта брызжут. А красный только жмурится да языком пощёлкивает.

Замолчали они; переводчик и говорит:

– Хозяину выкупу мало пятьсот рублей. Он сам за тебя двести рублей заплатил. Ему Кази-Мугамед был должен. Он тебя за долг взял. Три тысячи рублей, меньше нельзя пустить. А не напишешь, в яму посадят, наказывать будут плетью.

«Эх, – думает Жилин, – с ними, что робеть, то хуже». Вскочил на ноги и говорит:

– А ты ему, собаке, скажи, что если он меня пугать хочет, так ни копейки ж не дам, да и писать не стану. Не боялся, да и не буду бояться вас, собак!

Пересказал переводчик, опять заговорили все вдруг.

Долго лопотали, вскочил чёрный, подошёл к Жилину.

– Урус, – говорит, – джигит, джигит урус!

Джигит, по-ихнему, значит «молодец». И сам смеётся; сказал что-то переводчику, а переводчик говорит:

– Тысячу рублей дай.

Жилин стал на своём:

– Больше пятисот рублей не дам. А уьёте – ничего не возьмёте.

Поговорили татары, послали куда-то работника, а сами то на Жилина, то на дверь поглядывают. Пришёл работник, и идёт за ним человек какой-то, толстый, босиком и ободранный; на ноге тоже колодка.

Так и ахнул Жилин, – узнал Костылина. И его поймали. Посадили их рядом; стали они рассказывать друг другу, а татары молчат, смотрят. Рассказал Жилин, как с ним дело было; Костылин рассказал, что лошадь под ним стала и ружьё осеклось и что этот самый Абдул нагнал его и взял.

Вскочил Абдул, показывает на Костылина, что-то говорит.

Перевёл переводчик, что они теперь оба одного хозяина, и кто прежде выкуп даст, того прежде отпустят.

– Вот, – говорит Жилину, – ты всё серчаешь, а товарищ твой смирный; он написал письмо домой, пять тысяч монет пришлют. Вот его и кормить будут хорошо и обижать не будут.

Жилин и говорит:

– Товарищ, как хочет; он, может, богат, а я не богат. Я, – говорит, – как сказал, так и будет. Хотите убивайте, – пользы вам не будет, а больше пятисот рублей не напишу.

Помолчали. Вдруг как вскочит Абдул, достал сундучок, вынул перо, бумаги лоскут и чернила, сунул Жилину, хлопнул по плечу, показывает: «Пиши». Согласился на 500 рублей.

– Погоди ещё, – говорит Жилин переводчику, – скажи ты ему, чтоб он нас кормил хорошо, одел-обул, как следует, чтоб держал вместе, – нам веселей будет, и чтобы колодку снял. – Сам смотрит на хозяина и смеётся. Смеётся и хозяин. Выслушал и говорит:

– Одежу самую лучшую дам: и черкеску, и сапоги, хоть жениться. Кормить буду, как князей. А коли хотят жить вместе – пускай живут в сарае. А колодку нельзя снять – уйдут. На ночь только

снимать буду. – Подскочил, треплет по плечу. – Твоя хорош, моя хорош!

Написал Жилин письмо, а на письме не так написал, чтоб не дошло. Сам думает: «Я уйду».

Отвели Жилина с Костылиным в сарай, принесли им туда соломы кукурузной, воды в кувшине, хлеба, две черкески старые и сапоги истрёпанные, солдатские. Видно, с убитых солдат стащили. На ночь сняли с них колодки и заперли в сарай.

3

Жил так Жилин с товарищем месяц целый. Хозяин всё смеётся. – Твоя, Иван, хорош, – моя, Абдул, хорош. А кормил плохо – только и давал что хлеб пресный из просяной муки, лепёшками печёный, а то и вовсе тесто непечёное.

Костылин ещё раз писал домой, всё ждал присылки денег и скучал. По целым дням сидит в сарае и считает дни, когда письмо придёт, или спит. А Жилин знал, что его письмо не дойдёт, а другого не писал.

«Где, – думает, – матери столько денег взять, за меня заплатить. И то она тем больше жила, что я посылал ей. Если ей пятьсот рублей собрать, надо разориться вконец. Бог даст – и сам выберусь».

А сам всё высматривает, выпытывает, как ему бежать. Ходит по аулу, насвистывает; а то сидит, что-нибудь рукодельничает, или из глины кукол лепит, или плетёт плетёнки из прутьев. А Жилин на всякое рукоделье мастер был.

Слепил он раз куклу, с носом, с руками, с ногами и в татарской рубахе, и поставил куклу на крышу.

Пошли татарки за водой. Хозяйская дочь Дина увидела куклу, позвала татарок. Составили кувшины, смотрят, смеются. Жилин снял куклу, подаёт им. Они смеются, а не смеют взять. Оставил он куклу, ушёл в сарай и смотрит, что будет?

Подбежала Дина, оглянулась, схватила куклу и убежала.

Наутро смотрит, на зорьке Дина вышла на порог с куклой. А куклу уж лоскутками красными убрала и качает, как ребёнка, сама по-своему прибаюкивает. Вышла старуха, забранилась за неё, выхватила куклу, разбила её, услала куда-то Дину на работу.

Сделал Жилин другую куклу, ещё лучше, – отдал Дине. Принесла раз Дина кувшинчик, поставила, села и смотрит на него, сама смеётся, показывает на кувшин.

«Чего она радуется?» – думает Жилин. Взял кувшин, стал пить. Думает, вода, а там молоко. Выпил он молоко, «хорошо», – говорит. Как взрадуется Дина!

– Хорошо, Иван, хорошо! – и вскочила, забила в ладоши, вырвала кувшин и убежала.

И с тех пор стала она ему каждый день, крадучи, молока носить. А то делают татары из козьего молока лепёшки сырные и сушат их на крышах, – так она эти лепёшки ему тайком принашивала. А то раз резал хозяин барана, – так она ему кусок баранины принесла в рукаве. Бросит и убежит.

Была раз гроза сильная, и дождь час целый как из ведра лил. И помутились все речки, где брод был, там на три аршина вода пошла, камни ворочает. Повсюду ручьи текут, гул стоит по горам. Вот как прошла гроза, везде по деревне ручьи бегут. Жилин выпросил у хозяина ножик, вырезал валик, дощечки, колесо оперил, а к колесу на двух концах кукол приделал.

Принесли ему девчонки лоскутков, – одел он кукол: одна – мужик, другая – баба; утвердил их, поставил колесо на ручей. Колесо вертится, а куколки прыгают.

Собралась вся деревня: мальчишки, девчонки, бабы; и татары пришли, языком щёлкают:

– Ай, урус! ай, Иван!

Были у Абдула часы русские, сломанные. Позвал он Жилина, показывает, языком щёлкает. Жилин говорит:

– Давай, починю.

Взял, разобрал ножичком, разложил; опять сладил, отдал. Идут часы.

Обрадовался хозяин, принёс ему бешмет свой старый, весь в лохмотьях, подарил. Нечего делать, взял, – и то годится покрыться ночью.

С тех пор прошла про Жилина слава, что он мастер. Стали к нему из дальних деревень приезжать: кто замок на ружьё или пистолет починить принесёт, кто часы. Привёз ему хозяин снасть; и щипчики, и буравчики, и подпилочек.

Заболел раз татарин, пришли к Жилину: «Поди, полечи». Жилин ничего не знает, как лечить. Пошёл, посмотрел, думает: «Авось поздоровеет сам». Ушёл в сарай, взял воды, песку, помешал. При татарах нашептал на воду, дал выпить. Выздоровел на его счастье татарин. Стал Жилин немножко понимать по-ихнему. И которые татары привыкли к нему, – когда нужно, кличут: «Иван, Иван!» – а которые всё, как на зверя, косятся.

Красный татарин не любил Жилина. Как увидит, нахмурится и прочь отвернётся либо обругает. Был ещё у них старик. Жил он не в ауле, а приходил из-под горы. Видал его Жилин только, когда он в мечеть приходил богу молиться. Он был ростом маленький, на шапке у него белое полотенце обмотано, борода и усы подстрижены, – белые, как пух; а лицо сморщенное в красное, как кирпич. Нос крючком, как у ястреба, а глаза серые, злые и зубов нет – только два клыка. Идёт, бывало, в чалме своей, костылём подпирается, как волк, озирается. Как увидит Жилина, так захрапит и отвернётся.

Пошёл раз Жилин под гору – посмотреть, где живёт старик. Сошёл по дорожке, видит садик, ограда каменная; из-за ограды – черешни, шепталы и избушка с плоской крышкой. Подошёл он ближе; видит – улыи стоят, плетённые из соломы, и пчёлы летают, гудят. И старик стоит на коленочках, что-то хлопочет у улья. Поднялся Жилин повыше, посмотреть, и загремел колодкой. Старик оглянулся – как визгнет; выхватил из-за пояса пистолет, в Жилина выпалил. Чуть успел он за камень притулиться.

Пришёл старик к хозяину жаловаться. Позвал хозяин Жилина, сам смеётся и спрашивает:

– Зачем ты к старику ходил?

– Я, – говорит, – ему худого не сделал. Я хотел посмотреть, как он живёт.

Передал хозяин. А старик злится, шипит, что-то лопочет, клыки свои выставил, махает руками на Жилина.

Жилин не понял всего; но понял, что старик велит хозяину убить русских, а не держать их в ауле. Ушёл старик.

Стал Жилин спрашивать хозяина: что это за старик? Хозяин и говорит:

– Это большой человек! Он первый джигит был, он много русских побил, богатый был. У него было три жены и восемь сынов. Все жили в одной деревне. Пришли русские, разорили деревню и семь сыновей убили. Один сын остался и передался русским. Старик поехал и сам передался русским. Пожил у них три месяца, нашёл там своего сына, сам убил его и бежал. С тех пор он бросил воевать, пошёл в Мекку – богу молиться. От этого у него чалма. Кто в Мекке был, тот называется хаджи и чалму надевает. Не любит он вашего брата. Он велит тебя убить; да мне нельзя убить, – я за тебя деньги заплатил; да я тебя, Иван, полюбил; я тебя не то что убить, я бы тебя и выпускать не стал, кабы слова не дал. – Смеётся, сам приговаривает по-русски: «Твоя, Иван, хорош, моя, Абдул, хорош!»

4

Прожил так Жилин месяц. Днём ходит по аулу или рукодельничает, а как ночь придёт, затихнет в ауле, так он у себя в сарае копает. Трудно было копать от камней, да он подпилком камни тёр, и прокопал он под стеной дыру, что впору пролезть. «Только бы, – думает, – мне место хорошенько узнать, в какую сторону идти. Да не сказывают никто татары».

Вот он выбрал время, как хозяин уехал; пошёл после обеда за аул на гору, – хотел оттуда место посмотреть. А когда хозяин уезжал, он приказал малому за Жилиным ходить, с глаз его не спускать. Бежит малый за Жилиным, кричит:

– Не ходи! Отец не велел. Сейчас народ позову!

Стал его Жилин уговаривать.

– Я, – говорит, – далеко не уйду, – только на ту гору поднимусь: мне траву нужно найти – ваш народ лечить. Пойдём со мной; я с колодкой не убегу. А тебе завтра лук сделаю и стрелы.

Уговорил малого, пошли. Смотреть на гору – недалеко, а с колодкой трудно; шёл, шёл, насилу взобрался. Сел Жилин, стал место разглядывать. На полдни, за горой, лощина, табун ходит, и аул другой в низочке виден. От аула другая гора – ещё круче, а за той горой ещё гора. Промеж гор лес синеется, а там ещё горы всё выше и выше поднимаются. А выше всех – белые, как сахар, горы

стоят под снегом. И одна снеговая гора выше других шапкой стоит. На восход и на закат – всё такие же горы; кое-где аулы дымятся в ущельях. «Ну, – думает, – это всё ихняя сторона». Стал смотреть в русскую сторону: под ногами речка, аул свой, садики кругом. На речке, как куклы маленькие, видно, – бабы сидят, полоскают. За аулом, пониже, гора, и через неё ещё две горы, по ним лес; а промеж двух гор синееется ровное место, а на ровном месте, далеко-далеко, точно дым стелется. Стал Жилин вспоминать, когда он в крепости дома жил, где солнце всходило и где заходило. Видит: так точно, в этой долине должна быть наша крепость. Туда, промеж этих двух гор, и бежать надо.

Стало солнышко закатываться. Стали снеговые горы из белых – алые; в чёрных горах потемнело; из лощин пар поднялся, и самая та долина, где крепость наша должна быть, как в огне загорелась от заката. Стал Жилин вглядываться, – маячит что-то в долине, точно дым из труб. И так и думается ему, что это самое – крепость русская.

Уж поздно стало. Слышно – мулла прокричал. Стадо гонят – коровы ревут. Малый всё зовёт: «Пойдём», а Жилину и уходить не хочется.

Вернулись они домой. «Ну, – думает Жилин, – теперь место знаю; надо бежать». Хотел он бежать в ту же ночь. Ночи были тёмные – ущерб месяца. На беду, к вечеру вернулись татары. Бывало, приезжают они – гонят с собою скотину и приезжают весёлые. А на этот раз ничего не пригнали, а привезли на седле своего убитого татарина, брата рыжего. Приехали сердитые, собрались все хоронить. Вышел и Жилин посмотреть. Завернули мёртвого в полотно, без гроба, вынесли под чинары за деревню, положили на траву. Пришёл мулла, собрались старики, полотенцами повязали шапки, разулись, сели рядком на пятки перед мёртвым.

Спереди мулла, сзади три старика в чалмах, рядком, а сзади их ещё татары. Сели, потупились и молчат. Долго молчали. Поднял голову мулла и говорит:

– Алла! (значит бог) – Сказал это одно слово, и опять потупились и долго молчали; сидят, не шевелятся. Опять поднял голову мулла:
– Алла! – и все проговорили: «Алла» – и опять замолчали.

Мёртвый лежит на траве, не шелохнётся, и они сидят как мёртвые. Не шевельнётся ни один. Только слышно, на чинаре листочки от ветерка поворачиваются. Потом прочёл мулла молитву, все встали, подняли мёртвого на руки, понесли. Принесли к яме. Яма вырыта не простая, а подкопана под землю, как подвал. Взяли мёртвого под мышки, да под лытки, перегнули, спустили полегонечку, подсунули сидья под землю, заправили ему руки на живот.

Притащил ногаец камышу зелёного, заклали камышом яму, живо засыпали землёй, сровняли, а в головы к мертвецу камень стоймя поставили. Утоптали землю, сели опять рядком перед могилой. Долго молчали.

– Алла! Алла! Алла! – Вздохнули и встали.

Роздал рыжий денег старикам, потом встал, взял плеть, ударил себя три раза по лбу и пошёл домой.

Наутро видит Жилин – ведёт красный кобылу за деревню, а за ним трое татар идут. Вышли за деревню, снял рыжий бешмет, засучил рукава, – ручищи здоровые, – вынул кинжал, поточил на бруске. Задрали татары кобыле голову кверху, подошёл рыжий, перерезал глотку, повалил кобылу и начал свежевать – кулачищами шкуру подпарывает. Пришли бабы, девки, стали мыть кишки и нутро. Разрубили потом кобылу, стащили в избу. И вся деревня собралась к рыжему поминать покойника.

Три дня ели кобылу, бузу пили, покойника поминали. Все татары дома были. На четвёртый день, видит Жилин, в обед куда-то собираются. Привели лошадей, убрались и поехали человек 10, и красный поехал: только Абдул дома остался. Месяц только народился, ночи ещё тёмные были.

«Ну, – думает Жилин, – нынче бежать надо», и говорит Костылину. А Костылин заробел.

– Да как же бежать? Мы и дороги не знаем.

– Я знаю дорогу.

– Да и не дойдём в ночь.

– А не дойдём – в лесу переночуем. Я вот лепёшек набрал. Что ж ты будешь сидеть? Хорошо, пришлют денег, а то

Антитеза – противоречие, противопоставление; резко выраженное противостояние понятий или явлений. Усиливает эмоциональную окраску речи и подчёркивает высказываемую с её помощью мысль.

ведь и не соберут. А татары теперь злые – за то, что ихнего русские убили. Поговаривают – нас убить хотят.

Подумал, подумал Костылин.

– Ну, пойдём.

5

Полез Жилин в дыру, раскопал пошире, чтоб и Костылину пролезть, и сидят они – ждут, чтобы затихло в ауле.

Только затих народ в ауле, Жилин полез под стену, выбрался. Шепчет Костылину: «Полезай». Полез и Костылин, да зацепил камень ногой, загремел. А у хозяина сторожка была – пёстрая собака, и злая-презлая; звали её Уляшин. Жилин уже наперёд прикормил её. Услыхал Уляшин, – забрежал и кинулся, а за ним другие собаки. Жилин чуть свистнул, кинул лепёшки кусок, Уляшин узнал, замахал хвостом и перестал брехать.

Хозяин услышал, загайкал из сакли: «Гайть! Гайть! Уляшин!»

А Жилин за ушами почёсывает Уляшина. Молчит собака, трётся ему об ноги, хвостом махает.

Посидели они за углом. Затихло всё; только слышно, овца перхает в закуте¹ да низом вода по камушкам шумит. Темно; звёзды высоко стоят на небе; над горой молодой месяц покраснелся, кверху рожками заходит. В лощинах туман, как молоко, белеется.

Поднялся Жилин, говорит товарищу: «Ну, брат, айда!»

Тронулись; только отошли, слышат – запел мулла на крыше: «Алла! Бесмилла! Ильрахман!» Значит – пойдёт народ в мечеть. Сели опять, притаившись под стенкой. Долго сидели, дожидались, пока народ пройдёт. Опять затихло.

– Ну, с богом! – Перекрестились, пошли. Прошли через двор под кручь к речке, перешли речку, пошли лощиной. Туман густой, да низом стоит, а над головой звёзды виднёшеньки. Жилин по звёздам примечает, в какую сторону идти. В тумане свежо, идти легко, только сапоги неловки – стоптались. Жилин снял свои, бросил, пошёл босиком. Попрыгивает с камушка на камушек да на звёзды поглядывает. Стал Костылин отставать.

¹ *Закут* – хлев для мелкого скота.

- Тише, – говорит, – иди: сапоги проклятые, все ноги стёрли.
- Да тыними, легче будет.

Пошёл Костылин босиком – ещё того хуже: изрезал все ноги по камням и всё отстаёт. Жилин ему говорит:

- Ноги обдерёшь – заживут, а догонят – убьют – хуже.

Костылин ничего не говорит, идёт, побряхтывает. Шли они низо́м долго. Слышат – вправо собаки забрехали. Жилин остановился, осмотрелся, полез на гору, руками ощупал.

– Эх, – говорит, – ошиблись мы, – вправо забрали. Тут аул чужой, я его с горы видел; назад надо, да влево в гору. Тут лес должен быть.

А Костылин говорит:

– Подожди хоть немножко, дай вздохнуть, – у меня ноги в крови все.

- Э, брат, заживут; ты легче прыгай. Вот как!

И побежал Жилин назад, влево, в гору, в лес. Костылин всё отстает и охает. Жилин шикнет-шикнет на него, а сам всё идёт.

Поднялись на гору. Так и есть – лес. Вошли в лес, – по колючкам изодрали всё платье последнее. Напались на дорожку в лесу. Идут.

– Стой! – Затопало копытами по дороге. Остановились, слушают. Потопало, как лошадь, и остановилось. Тронулись они – опять затопало. Они остановятся – и оно остановится. Подполз Жилин, смотрит на свет по дороге – стоит что-то. Лошадь не лошадь, и на лошади что-то чудное, на человека не похоже. Фыркнуло – слышит. «Что за чудо!» Свистнул Жилин потихоньку, – как шаркнет с дороги в лес и затрещало по лесу, точно буря летит, сучья ломает.

Костылин так и упал со страху. А Жилин смеётся, говорит:

– Это олень. Слышишь – как рогами лес ломит? Мы его боимся, а он нас боится.

Пошли дальше. Уж высожары¹ спускаться стали, до утра недалеко. А туда ли идут, нет ли, – не знают. Думается так Жилину, что по этой самой дороге его везли и что до своих – вёрст десять ещё будет; а приметы верной нет, да и ночь – не разберёшь. Вышли на полянку. Костылин сел и говорит:

- Как хочешь, а я не дойду, – у меня ноги не идут.

¹ *Высожа́ры (Стожа́ры)* – народное название созвездий (разных по местностям), большей частью Плеяд.

Стал его Жилин уговаривать.

– Нет, – говорит, – не дойду, не могу.

Рассердился Жилин, плюнул, обругал его.

– Так я же один уйду, – прощай!

Костылин вскочил, пошёл. Прошли они версты четыре. Туман в лесу ещё гуще сел, ничего не видать перед собой, и звёзды уж чуть видны.

Вдруг слышат, впереди топают лошади. Слышно – подковами за камни цепляется. Лёг Жилин на брюхо, стал по земле слушать.

– Так и есть, – сюда, к нам конный едет.

Сбежали они с дороги, сели в кусты и ждут. Жилин подполз к дороге, смотрит – верховой татарин едет, корову гонит, сам себе под нос мурлычет что-то. Проехал татарин. Жилин вернулся к Костылину.

– Ну, пронёс бог, – вставай, пойдём.

Стал Костылин вставать и упал.

– Не могу, – ей-богу, не могу; сил моих нет.

Мужчина грузный, пухлый, запотел; да как обхватило его в лесу туманом холодным, да ноги ободраны, – он и рассолодел. Стал его Жилин силой поднимать. Как закричит Костылин:

– Ой, больно!

Жилин так и обмер.

– Что кричишь? Ведь татарин близко – услышит. – А сам думает: «Он и вправду расслаб; что мне с ним делать? Бросить товарища не годится».

– Ну, – говорит, – вставай, садись на закорки, снесу, коли уж идти не можешь.

Подсадил на себя Костылина, подхватил руками под ляжки, вышел на дорогу, поволок.

– Только, – говорит, – не дави ты меня руками за глотку, ради Христа. За плечи держись.

Тяжело Жилину, – ноги тоже в крови и умирался. Нагнётся, подправит, подкинет, чтоб повыше сидел на нем Костылин, тащит его по дороге.

Видно, услышал татарин, как Костылин закричал. Слышит Жилин, едет кто-то сзади, кличет по-своему. Бросился Жилин

в кусты. Татарин выхватил ружьё, выпалил, – не попал, завизжал по-своему и поскакал прочь по дороге.

– Ну, – говорит Жилин, – пропали, брат! Он, собака, сейчас соберёт татар за нами в погоню. Коли не уйдём версты три, – пропали. – А сам думает на Костылина: «И чёрт меня дернул колоду эту с собой брать. Один я бы давно ушёл».

Костылин говорит:

– Иди один, за что тебе из-за меня пропадать.

– Нет, не пойду, не годится товарища бросать.

Подхватил опять на плечи, попёр. Прошёл он так с версту. Всё лес идёт и не видать выхода. А туман уж расходиться стал, и как будто тучки заходить стали, не видать уж звёзд. Измучился Жилин.

Пришёл, у дороги родничок, камнем обделан. Остановился, ссадил Костылина.

– Дай, – говорит, – отдохну, напьюсь. Лепёшек поедим. Должно быть, недалеко.

Только прилёг он пить, слышит – затопало сзади. Опять кинулись вправо, в кусты, под кручь, и легли.

Слышат голоса татарские; остановились татары на том самом месте, где они с дороги свернули. Поговорили, потом зауськали, как собак притравляют. Слышат – трещит что-то по кустам, прямо к ним собака чужая чья-то. Остановилась, забрехала.

Лезут и татары – тоже чужие; схватили их, посвязали, посадили на лошадей, повезли.

Проехали версты три, – встречает их Абдул-хозяин с двумя татарами. Поговорил что-то с татарами, пересадили на своих лошадей, повезли назад в аул.

Абдул уж не смеётся и ни слова не говорит с ними.

Привезли на рассвете в аул, посадили на улице. Сбежались ребята. Камнями, плётками бьют их, визжат.

Собрались татары в кружок, и старик из-под горы пришёл. Стали говорить. Слышит Жилин, что судят про них, что с ними делать. Одни говорят: надо их дальше в горы услать, а старик говорит: «Надо убить». Абдул спорит, говорит: «Я за них деньги отдал, я за них выкуп возьму». А старик говорит: «Ничего они не заплатят, только беды наделают. И грех русских кормить. Убить, – и кончено».

Разошлись. Подошёл хозяин к Жилину, стал ему говорить:

– Если, – говорит, – мне не пришлют за вас выкуп, я через две недели вас запорю. А если затеешь опять бежать, – я тебя как собаку убью. Пиши письмо, хорошенько пиши!

Принесли им бумаги, написали они письма. Набили на них колодки, отвели за мечеть. Там яма была аршин пяти, и спустили их в эту яму.

6

Житьё им стало совсем дурное. Колодки не снимали и не выпускали на вольный свет. Кидали им туда тесто непечёное, как собакам, да в кувшине воду спускали. Вонь в яме, духота, мокрота. Костылин совсем разболелся, распух, и ломота во всём теле стала; и всё стонет или спит. И Жилин приуныл, видит – дело плохо. И не знает, как выбраться.

Начал он было подкапываться, да землю некуда кидать; увидел хозяин, пригрозил убить.

Сидит он раз в яме на корточках, думает об вольном житье, и скучно ему. Вдруг прямо ему на коленки лепёшка упала, другая, и черешни посыпались. Поглядел кверху, а там Дина. Поглядела на него, посмеялась и убежала. Жилин и думает: «Не поможет ли Дина?»

Расчистил он в яме местечко, наковырял глины, стал лепить кукол. Наделал людей, лошадей, собак, думает: «Как придёт Дина, брошу ей».

Только на другой день нет Дины. А слышит Жилин – затопали лошади, проехали какие-то, и собрались татары у мечети, спорят, кричат и поминают про русских. И слышит голос старика. Хорошенько не разобрал он, а догадывается, что русские близко подошли, и боятся татары, как бы в аул не зашли, и не знают, что с пленными делать.

Поговорили и ушли. Вдруг слышит – зашуршало что-то наверху. Видит: Дина присела на корточки, коленки выше головы торчат, свесилась, монисты висят, болтаются над ямой. Глазёнки так и блестят, как звёздочки; вынула из рукава две сырны лепёшки, бросила ему. Жилин взял и говорит:

– Что давно не бывала? А я тебе игрушек наделал. На вот! – Стал ей швырять по одной. А она головой мотает, не смотрит.

– Не надо, – говорит. Помолчала, посидела и говорит: – Иван! тебя убить хотят. – Сама себе рукой на шею показывает.

– Кто убить хочет?

– Отец, ему старики велят. А мне тебя жалко.

Жилин и говорит:

– А коли тебе меня жалко, так ты мне палку длинную принеси. Она головой мотает, – что «нельзя». Он сложил руки, молится ей:

– Дина, пожалуйста! Динушка, принеси!

– Нельзя, – говорит, – увидят, все дома, – и ушла.

Вот сидит вечером Жилин и думает: «что будет?» Всё поглядывает вверх. Звёзды видны, а месяц ещё не восходил. Мулла прокричал, затихло всё. Стал уже Жилин дремать, думает: «побоится девка».

Вдруг на голову ему глина посыпалась; глянул кверху – шест длинный в тот край ямы тыкается. Потыкался, спускаться стал, ползёт в яму. Обрадовался Жилин, схватил рукой, спустил – шест здоровый. Он ещё прежде этот шест на хозяйской крыше видел.

Поглядел вверх, – звёзды высоко на небе блещут; и над самую ямой, как у кошки, у Дины глаза в темноте светятся. Нагнулась она лицом на край ямы и шепчет: «Иван, Иван!» – а сама руками у лица всё машет – что «тише, мол».

– Что? – говорит Жилин.

– Уехали все, только двое дома.

Жилин и говорит:

– Ну, Костылин, пойдём, попытаемся последний раз; я тебя подсажу.

Костылин и слушать не хочет.

– Нет, – говорит, – уж мне, видно, отсюда не выйти, Куда я пойду, когда и поворотиться нет сил?

– Ну, так прощай, – не поминай лихом. – Поцеловался с Костылиным.

Ухватился за шест, велел Дине держать, полез. Раза два он обрывался, – колодка мешала. Поддержал его Костылин, – выбрался кое-как наверх. Дина его тянет ручонками за рубаху, изо всех сил, сама смеётся.

Взял Жилин шест и говорит:

– Снеси на место, Дина, а то хватятся, – прибьют тебя.

Потащила она шест, а Жилин под гору пошёл. Слез под кручь, взял камень вострый, стал замок с колодки выворачивать. А замок крепкий, – никак не собьёт, да и неловко. Слышит, бежит кто-то с горы, легко попрыгивает. Думает: «верно, опять Дина». Прибежала Дина, взяла камень и говорит:

– Дай я.

Села на коленочки, начала выворачивать. Да ручонки тонкие, как прутики, – ничего силы нет. Бросила камень, заплакала. Принялся опять Жилин за замок, а Дина села подле него на корточках, за плечо его держит. Оглянулся Жилин, видит – налево за горой зарево красное загорелось, месяц встаёт. «Ну, – думает, – до месяца надо лощину пройти, до лесу добраться». Поднялся, бросил камень. Хоть в колодке, – да надо идти.

– Прощай, – говорит, – Динушка. Век тебя помнить буду.

Ухватилась за него Дина: шарит по нём руками, ищет – куда бы лепёшки ему засунуть. Взял он лепёшки.

– Спасибо, – говорит, – умница. Кто тебе без меня кукол делать будет? – И погладил её по голове.

Как заплачет Дина, закрылась руками, побежала на гору, как козочка прыгает. Только в темноте слышно – монисты в косе по спине побрякивают.

Перекрестился Жилин, подхватил рукой замок на колодке, что бы не бренчал, пошёл по дороге, – ногу волочит, а сам всё на зарево поглядывает, где месяц встаёт. Дорогу он узнал. Прямоком идти вёрст восемь. Только бы до лесу дойти прежде, чем месяц совсем выйдет. Перешёл он речку, побелел уже свет за горой. Пошёл лощиной, идёт, сам поглядывает: не видать ещё месяца. Уж зарево посветлело и с одной стороны лощины всё светлее, светлее становится. Ползёт под гору тень, всё к нему приближается.

Идет Жилин, всё тени держится. Он спешит, а месяц ещё скорее выбирается; уж и направо засветились макушки. Стал подходить к лесу, выбрался месяц из-за гор, – бело, светло совсем, как

¹ *Дневать* – проводить где-либо день.

днём. На деревьях все листочки видны. Тихо, светло по горам, как вымерло всё. Только слышно – внизу речка журчит.

Дошёл до лесу – никто не попался. Выбрал Жилин местечко в лесу потемнее, сел отдыхать.

Отдохнул, лепёшку съел. Нашёл камень, принялся опять колодку сбивать. Все руки избил, а не сбил. Поднялся, пошёл по дороге. Прошёл с версту, выбился из сил, – ноги ломит. Ступит шагов десять и остановится. «Нечего делать, – думает, – буду тащиться, пока сила есть. А если сесть, так и не встану. До крепости мне не дойти, а как рассветёт, – лягу в лесу, переднюю, а ночью опять пойду».

Всю ночь шёл. Только попались два татарина верхами, да Жилин издали их услышал, схоронился за дерево.

Уж стал месяц бледнеть, роса пала, близко к свету, а Жилин до края леса не дошёл. «Ну, – думает, – ещё тридцать шагов пройду, сверну в лес и сяду». Прошёл тридцать шагов, видит – лес кончается. Вышел на край – совсем светло, как на ладонке перед ним степь и крепость, и налево, близёхонько под горой, огни горят, тухнут, дым стелется и люди у костров.

Вгляделся – видит: ружья блестят, казаки, солдаты.

Обрадовался Жилин, собрался с последними силами, пошёл под гору. А сам думает: «Избави бог, тут, в чистом поле, увидит конный татарин; хоть близко, а не уйдёшь».

Только подумал – глядь: налево, на бугре, стоят трое татар, десятины на две. Увидали его, – пустились к нему. Так сердце у него и оборвалось. Замахал руками, закричал что было духу своим:

– Братцы! выручай! братцы!

Услыхали наши, – выскочили казаки верховые. Пустились к нему – наперерез татарам.

Казакам далеко, а татарам близко. Да уж и Жилин собрался с последней силой, подхватил рукой колодку, бежит к казакам, а сам себя не помнит, крестится и кричит:

– Братцы! братцы! братцы!

Казаков человек пятнадцать было.

Испугались татары, – не доезжаячи, стали останавливаться. И подбежал Жилин к казакам.

Окружили его казаки, спрашивают: «Кто он, что за человек, откуда?» А Жилин сам себя не помнит, плачет и приговаривает:

– Братцы! Братцы!

Выбежали солдаты, обступили Жилина; кто ему хлеба, кто каши, кто водки, кто шинелью прикрывает, кто колодку разбивает.

Узнали его офицеры, повезли в крепость. Обрадовались солдаты, товарищи собрались к Жилину.

Рассказал Жилин, как с ним всё дело было, и говорит:

– Вот я и домой съездил, женился! Нет, уж, видно, не судьба моя.

И остался служить на Кавказе. А Костылина только ещё через месяц выкупили за пять тысяч. Еле живого привезли.

1. Почему Л.Н. Толстой даёт название рассказу «Кавказский пленник», а не «пленники»?
2. Почему рассказ Л.Н. Толстого «Кавказский пленник» имеет подзаголовок «Быль»?
3. Сравните главных героев – двух русских офицеров (внешность, поступки, мысли).
4. Какой приём использует Толстой при создании образов Жилина и Костылина?

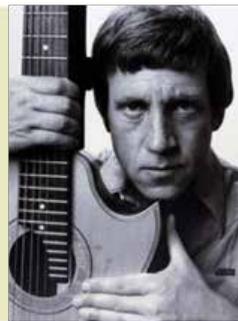
5. Какие качества характера обнаруживают Жилин и Костылин во время пленения, первого и второго побегов?
  6. Кому, на ваш взгляд, симпатизирует автор и почему?
  7. Найдите в тексте все описания природы, быта, образа жизни и обычаев горцев.
  8. Как простые горцы относятся к Жилину? Почему его не убили после первого побега?
  9. Докажите текстом, что для Толстого война – это страшное зло, порождающее межнациональную рознь и взаимную ненависть.
  10. Чему научил вас рассказ?
  11. С кем из героев вы хотели бы подружиться?
  12. Какие слова вы сказали бы Костылину?
  13. Есть ли в наше время такие люди, как Жилин и Костылин?
  14. Можно ли назвать дружбу Жилина и Дины настоящей? Аргументируйте свой ответ.
  15. Зависит ли дружба от возраста, национальности, положения в обществе?
  16. Кого мы называем настоящим другом?
  17. Можно ли назвать Дину красивым человеком? Докажите, приведите примеры.
  18. Какой вопрос вы задали бы ей, если бы встретились?
  19. Правильно ли Дина поняла и оценила Жилина?
  20. В рассказе шесть глав, озаглавьте их. Выделите в них основную и второстепенную информацию.
- Т** 21. Заполните концептуальную таблицу.

Название глав	Основная информация	Второстепенная информация
1		
2		
3		
4		
5		
6		

22. Как вы относитесь к трусости? предательству?
23. Были ли в вашей жизни друзья, которые оставляли вас в беде?
24. Как вы к этому отнеслись, какие выводы сделали?
- Т** 25. Напишите эссе на тему (по выбору): «Что такое дружба?», «Кто он – настоящий друг?», «Друг в беде не бросит...»

Владимир Семёнович ВЫСОЦКИЙ

(1938–1980)

Поэт, актёр театра и кино, автор и исполнитель собственных песен. С 1964 года Высоцкий – актёр Московского театра драмы и комедии на Таганке, которым руководил Ю.П. Любимов. Много снимался в кино, сыграл около 30 ролей. Для таких фильмов, как «Вертикаль», «Стрелы Робин Гуда», «Я родом из детства» Высоцкий написал песни и баллады.

Достоверность и убедительность своих песен Высоцкий объяснял тем, что он любил и умел слушать то, что ему говорят, и потом, пропустив этот материал через свою душу и сердце, превращал его в монолог человека, с которым всё это случилось.

В. С. Высоцкий

ПЕСНЯ О ДРУГЕ

Если друг оказался вдруг
И не друг, и не враг, а – так,
Если сразу не разберёшь,
Плох он или хорош, –
Парня в горы тyani – рискни!
Не бросай одного его,
Пусть он в связке в одной с тобой –
Там поймёшь, кто такой.

Если парень в горах – не ах,
Если сразу раскис и – вниз,
Шаг ступил на ледник и – сник,
Оступился – и в крик, –

Значит, рядом с тобой – чужой,
Ты его не брани – гони:
Вверх таких не берут, и тут
Про таких не поют.

Если ж он не скулил, не ныл,
Пусть он хмур был и зол, но – шёл,
А когда ты упал со скал,
Он стонал, но – держал,
Если шёл за тобой, как в бой,
На вершине стоял хмельной, –
Значит, как на себя самого,
Положись на него.

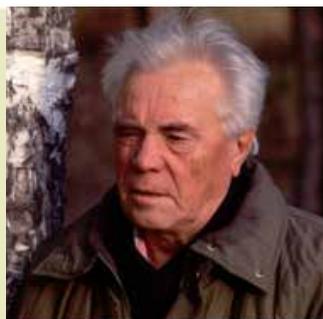
- Т** 1. Ответьте на «тонкие» и «толстые» вопросы.

«Тонкие» вопросы	«Толстые» вопросы
Куда нужно повести друга, чтобы понять, «плох он или хорош»?	Почему именно в горы?
О какой черте характера идёт речь во второй строфе?	Как в горах раскрывается характер человека?
О каком характере идёт речь в третьей строфе?	Каким должен быть настоящий друг?

- Согласны ли вы с представлением автора о настоящем друге?
- Какие стихи, песни, рассказы, художественные фильмы о дружбе вы знаете? Как в них раскрывается тема дружбы, и почему она так важна?
- Прочитайте в хрестоматии или послушайте песню «Жан досым» композитора Сейдоллы Байтерекова и поэта Туманбая Молдагалиева. О чём эта песня?
- Почему самый близкий друг – это друг детства?
- Какие сравнения для друзей использовал автор текста в третьем куплете?
- Как вы понимаете название песни «Жан досым»?
- Что объединяет песни В.С. Высоцкого и казахстанских авторов С. Байтерекова и Т. Молдагалиева?

Виктор Петрович АСТАФЬЕВ

(1924–2001)

Известный советский и российский писатель, фронтовик, мастер деревенской и военно-патриотической прозы, дважды лауреат Государственной премии СССР. Суровые годы детства и участие в войне оставили огромное впечатление в душе писателя: «Думал я, думал, и вышло, что мне надо рассказывать о своих земляках, о своих односельчанах, о бабушке и дедушке и прочей родне... Они были интересны мне и любимы мной такими, какие они есть на самом деле». Произведения В.П. Астафьева всегда отличали реалистичность и яркость повествования о судьбах простых фронтовиков и тружеников, которых он описывал живым литературным языком.

В. П. Астафьев

КОНЬ С РОЗОВОЙ ГРИВОЙ

(В сокращении)

Бабушка возвратилась от соседей и сказала мне, что левонтьевские ребятишки собираются на увал по землянику, и велела сходить с ними.

– Наберёшь туесок¹. Я повезу свои ягоды в город, твои тоже продам и куплю тебе пряник.

– Конём, баба?

– Конём, конём.

Пряник конём! Это ж мечта всех деревенских малышей. Он белый-белый, этот конь. А грива у него розовая, хвост розовый, глаза розовые, копыта тоже розовые. Бабушка никогда не позволяла таскаться с кусками хлеба. Ешь за столом, иначе будет худо.

¹ *Туёс* – круглый берестяной короб с тугой крышкой для хранения и переноса мёда, ягод и т. п.

Но пряник – совсем другое дело. Пряник можно сунуть под рубаху, бегать и слышать, как конь лягает копытами в голый живот. Холодея от ужаса – потерял, – хвататься за рубаху и со счастьем убежаться – тут он, тут конь-огонь!

С таким конём сразу почёту сколько, внимания! Ребята левонтьевские к тебе так и этак ластятся, и в чижа первому бить дают, и из рогатки стрельнуть, чтоб только им позволили потом откусить от коня либо лизнуть его. Когда даёшь левонтьевскому Саньке или Таньке откусывать, надо держать пальцами то место, по которое откусить положено, и держать крепко, иначе Танька или Санька так цапнут, что останется от коня хвост да грива.

Левонтий, сосед наш, работал на бадогах вместе с Мишкой Коршуковым. Левонтий заготавливал лес на бадоги, пилил его, колол и сдавал на известковый завод, что был супротив села, по другую сторону Енисея. Один раз в десять дней, а может, и в пятнадцать – я точно не помню, – Левонтий получал деньги, и тогда в соседнем доме, где были одни ребятишки и ничего больше, начинался пир горой. Какая-то беспокойность, лихорадка, что ли, охватывала не только левонтьевский дом, но и всех соседей. Ранним ещё утром к бабушке забегала тётка Васеня – жена дяди Левонтия, запыхавшаяся, загнанная, с зажатыми в горсти рублями.

– Кума! – испуганно-радостным голосом восклицала она. – Долг-от я принесла! – И тут же кидалась прочь из избы, взметнув юбкою вихрь.

– Да стой ты, чумовая! – окликнула её бабушка. – Сосчитать ведь надо.

Тётка Васеня покорно возвращалась, и, пока бабушка считала деньги, она перебирала босыми ногами, ровно горячий конь, готовый рвануть, как только приотпустят вожжи.

Бабушка считала обстоятельно и долго, разглаживая каждый рубль. Сколько я помню, больше семи или десяти рублей из «запасу» на чёрный день бабушка никогда Левонтьихе не давала, потому как весь этот «запас» состоял, кажется, из десятки. Но и при такой малой сумме заполошная Васеня умудрялась обсчитаться на рубль, когда и на целый тройак.

– Ты как же с деньгами-то обращаешься, чучело безглазое! – напускалась бабушка на соседку. – Мне рупь, другому рупь! Что же это получится?

Но Васеня опять взметывала юбкой вихрь и укатывалась.

– Передала ведь!

Бабушка ещё долго поносила Левонтьиху, самого Левонтия, который, по её убеждению, хлеба не стоил, а вино жрал, била себя руками по бёдрам, плевалась, я подсаживался к окну и с тоской глядел на соседский дом.

Стоял он сам собою, на просторе, и ничего-то ему не мешало смотреть на свет белый кое-как застеклёнными окнами – ни забор, ни ворота, ни наличники, ни ставни. Даже бани у дяди Левонтия не было, и они, левонтьевские, мылись по соседям, чаще всего у нас, натаскав воды и подводу дров с известкового завода переправив. <...>

Вот с орлами-то дяди Левонтия и отправился я по землянику, чтобы трудом своим заработать пряник. Ребятишки несли бокалы с отбитыми краями, старые, наполовину изодранные на растопку, берестяные туески, кринки, обвязанные по горлу бечёвками, у кого ковшики без ручек были. Парнишки вольничали, боролись, бросали друг в друга посудой, ставили подножки, раза два принимались драться, плакали, дразнились. По пути они заскочили в чей-то огород, и, поскольку там ещё ничего не поспело, напластали беремя луку-батуну, наелись до зелёной слюны, остатки побросали. Оставили несколько пёрышек на свистульки. В обкусанные перья они пищали, приплясывали, под музыку шагалось нам весело, и мы скоро пришли на каменистый увал. Тут все перестали баловаться, рассыпались по лесу и начали брать землянику, только-только ещё поспевающую, белобокую, редкую и потому особенно радостную и дорогую.

Я брал старательно и скоро покрыл дно аккуратненького туеска стакана на два-три.

Бабушка говорила: главное в ягодах – закрыть дно посудыны. Вздохнул я с облегчением и стал собирать землянику скорее, да и попадалось её выше по увалу больше и больше.

Левонтьевские ребятишки сначала ходили тихо. Лишь позвякивала крышка, привязанная к медному чайнику. Чайник этот был у старшего парнишки, и побрякивал он, чтобы мы слышали, что старшой тут, поблизости, и бояться нам нечего и незачем.

Вдруг крышка чайника забренчала нервно, послышалась возня.

– Ешь, да? Ешь, да? А домой чё? А домой чё? – спрашивал старшой и давал кому-то тумака после каждого вопроса.

– А-га-га-гааа! – запела Танька. – Шанька шажрал, дак ничо-о-о...

Попало и Саньке. Он рассердился, бросил посудину и свалился в траву. Старшой брал, брал ягоды да и задумался: он для дома старается, а те вон, дармоеды, жрут ягоды либо вовсе на траве валяются. Подскочил старшой и пнул Саньку ещё раз. Санька взвыл, кинулся на старшого. Зазвенел чайник, брызнули из него ягоды. Бьются братья богатырские, катаются по земле, всю землянику раздавили.

После драки и у старшого опустились руки. Принялся он собирать просыпанные, давленные ягоды – и в рот их, в рот.

– Значит, вам можно, а мне, значит, нельзя! Вам можно, а мне, значит, нельзя? – зловеще спрашивал он, пока не съел всё, что удалось собрать.

Вскоре братья как-то незаметно помирились, перестали обзывать и решили спуститься к Фокинской речке, побрызгаться.

Мне тоже хотелось к речке, тоже бы побрызгаться, но я не решился уйти с увала, потому что ещё не набрал полную посудину.

– Бабушки Петровны испугался! Эх ты! – закривлялся Санька и назвал меня поганым словом. Он много знал таких слов. Я тоже знал, научился говорить их у левонтьевских ребят, но боялся, может, стеснялся употреблять поганство и несмело заявил:

– Зато мне бабушка пряник конём купит!

– Может, кобылой? – усмехнулся Санька, плюнул себе под ноги и тут же что-то смекнул: – Скажи уж лучше – боишься её и ещё жадный!

– Я?

– Ты!

– Жадный?

– Жадный!

– А хочешь, все ягоды съем? – сказал я это и сразу покаялся, понял, что попался на удú. Исцарапанный, с шишками на голове от драк и разных других причин, с цыпками на руках и ногах, с красными окровенелыми глазами, Санька был вреднее и злее всех левонтьевских ребят.

– Слабо! – сказал он.

– Мне слабо! – хорохорился я, искоса глядя в туесок. Там было ягод уже выше середины. – Мне слабо?! – повторял я гаснущим голосом и, чтобы не спасовать, не струсить, не опозориться, решительно вытряхнул ягоды на траву: – Вот! Ешьте вместе со мной!

Навалилась левонтьевская орда, ягоды вмиг исчезли. Мне досталось всего несколько малюсеньких, гнутых ягодок с прозеленью. Жалко ягод. Грустно. Тоска на сердце – предчувствует оно встречу с бабушкой, отчёт и расчёт. Но я напустил на себя отчаянность, махнул на всё рукой – теперь уже всё равно. Я мчался вместе с левонтьевскими ребятишками под гору, к речке, и хвастался:

– Я ещё у бабушки калач украду!

Парни поощряли меня, действуй, мол, и не один калач неси, шанег ещё прихвати либо пирог – ничего лишнее не будет.

– Ладно!

Так интересно и весело мы провели весь день, и я совсем уже забыл про ягоды, но наступила пора возвращаться домой. Мы разобрали посуду, спрятанную под деревом.

– Задаст тебе Катерина Петровна! Задаст! – заржал Санька. – Ягоды-то мы съели! Ха-ха! Нарошно съели! Ха-ха! Нам-то ништяк! Ха-ха! А тебе-то хо-хо!..

Я и сам знал, что им-то, левонтьевским, «ха-ха!», а мне «хо-хо!». Бабушка моя, Катерина Петровна, не тётка Васеня, от неё враньём, слезами и разными отговорками не отделаешься.

Тихо плёлся я за левонтьевскими ребятами из лесу. Они бежали впереди меня гурьбой, гнали по дороге ковшик без ручки. Ковшик звякал, подпрыгивал на камнях, от него отскакивали остатки эмалировки.

– Знаешь чё? – проговорив с братанами, вернулся ко мне Санька. – Ты в туес травы натолкай, сверху ягод – и готово дело! Ой, дитяtko моё! – принялся с точностью передразнивать мою бабушку Санька. – Пособил тебе воспо-одь, сиротинке, пособи-ил. – И подмигнул мне бес Санька, и помчался дальше, вниз с увала, домой.

А я остался.

Утихли голоса ребятни под увалом, за огородами, жутко сделалось. Правда, село здесь слышно, а всё же тайга, пещера недалеко, в ней домовниха с домовым, змеи кишмя кишат. Повздыхал я, повздыхал, чуть было не всплакнул, но надо было слушать лес, траву, домовые из пещеры не подбираются ли. Тут хныкать некогда.

Тут ухо остро держи. Я рвал горстью траву, а сам озирался по сторонам. Набил травую туго туесок, на бычке, чтоб к свету ближе и дома видать, собрал несколько горсток ягодок, заложил ими траву – получилось земляники даже с копной.

– Дитяtko ты моё! – запричитала бабушка, когда я, замирая от страха, передал ей посудину. – Восподь тебе пособил, воспо-дь! Уж куплю я тебе пряник, самый большущий. И пересыпать ягодки твои не стану к своим, прямо в этом туеске увезу...

Отлегло маленько.

Я думал, сейчас бабушка обнаружит моё мошенничество, даст мне что полагается, и уже приготовился к каре за содеянное злодейство. Но обошлось. Всё обошлось. Бабушка унесла туесок в подвал, ещё раз похвалила меня, дала есть, и я подумал, что бояться мне пока нечего и жизнь не так уж худа.

Я поел, отправился на улицу играть, и там дёрнуло меня сообщить обо всём Саньке.

– А я расскажу Петровне! А я расскажу!..

– Не надо, Санька!

– Принеси калач, тогда не расскажу.

Я пробрался тайком в кладовку, вынул из ларя калач и принёс его Саньке, под рубахой. Потом ещё принёс, потом ещё, пока Санька не нажрался.

«Бабушку надул. Калачи украл! Что только будет?» – терзался я ночью, ворочаясь на полатах¹. Сон не брал меня, покой «андельский» не снисходил на мою жиганью, на мою варначью душу, хотя бабушка, перекрестив на ночь, желала мне не какого-нибудь, а самого что ни на есть «андельского», тихого сна.

– Ты чего там елозишь? – хрипло спросила из темноты бабушка. – В речке небось опять бродил? Ноги опять болят?

– Не-е, – откликнулся я. – Сон приснился...

– Спи с Богом! Спи, не бойся. Жизнь страшнее снов, батюшко...

«А что, если слезть с полатей, забраться к бабушке под одеяло и всё-всё рассказать?»

Я прислушался. Снизу доносилось трудное дыхание старого человека. Жалко будить, устала бабушка. Ей рано вставать. Нет уж,

¹ *Полáти* – в избе: нары для спанья, устраиваемые под потолком между печью и стеной.

лучше я не буду спать до утра, скараулю бабушку, расскажу обо всём: и про туюсок, и про домовнику с домовым, и про калачи, и про всё, про всё...

От этого решения мне стало легче, и я не заметил, как закрылись глаза. Возникла Санькина невытая рожа, потом замелькал лес, трава, земляника, завалила она и Саньку, и всё, что виделось мне днём. <...>

День был ясный, летний. Сверху пекло. Возле поскотины клонились к земле рябенькие кукушкины башмачки. На длинных хрустких стеблях болтались из стороны в сторону синие колокольчики, и, наверное, только пчёлы слышали, как они звенели. Возле муравейника на обогретой земле лежали полосатые цветки-граммофончики, и в голубые их рупоры совали головы шмели. Они надолго замирали, выставив мохнатые зады, должно быть, заслушивались музыкой. Берёзовые листья блестели, осинник сомлел от жары, сосняк по увалам был весь в синем куреве. Над Енисеем солнечно мерцало. Сквозь это мерцание едва проглядывали красные жерла известковых печей, полыхающих по ту сторону реки. Тени скал лежали недвижно на воде, и светом их размыкало, рвало в клочья, будто старое тряпье. Железнодорожный мост в городе, видимый из нашего села в ясную погоду, колыхался тонким кружевцем, и, если долго смотреть на него, – кружевец истоньшалось и рвалось.

Оттуда, из-за моста, должна приплыть бабушка. Что только будет! И зачем я так сделал? Зачем послушался левонтьевских? Вон как хорошо было жить. Ходи, бегай, играй и ни о чём не думай. А теперь что? Надеяться теперь не на что. Разве что на нечаянное какое избавление. Может, лодка опрокинется и бабушка утонет? Нет уж, лучше пусть не опрокидывается. Мама утонула. Чего хорошего? Я нынче сирота. Несчастный человек. И пожалеть меня некому. <...>

Вдруг за ближним каменным бычком защёлкали по дну кованые шести, из-за мыса показалась лодка. Трое мужиков разом выбрасывали из воды шести. Сверкнув отшлифованными наконечниками, шести разом падали в воду, и лодка, зарывшись по обводы в реку, рвалась вперёд, откидывая на стороны волны. Взмах шестов, перекидка рук, толчок – лодка вспрыгнула носом, ходко подалась вперёд. Она ближе, ближе. Вот уж

кормовой двинул шестом, и лодка кивнула в сторону от наших удочек. И тут я увидел сидящего на беседке ещё одного человека. Полушалок на голове, концы его пропущены под мышки и крест-накрест завязаны на спине. Под полушалком крашенная в бордовый цвет кофта. Вынималась эта кофта из сундука по большим праздникам и по случаю поездки в город.

Я рванул от удочек к яру, подпрыгнул, ухватился за траву, засунув большой палец ноги в норку. Подлетела береговушка, тюкнула меня по голове, я с перепугу упал на комья глины, подскочил и бежать по берегу, прочь от лодки.

– Ты куда! Стой! Стой, говорю! – кричала бабушка.

Я мчался во весь дух.

– Я-а-авишша, я-авишша домой, мошенник! <...>

[Поздним вечером герой рассказа попадает в дом и, спрятавшись в кладовке, засыпает.]

Проснулся я от солнечного луча, просочившегося в мутное окошко кладовки и ткнувшего мне в глаза. В луче мошкой мельтешила пыль. Откуда-то наносило заимкой, пашнею. Я огляделся, и сердце моё радостно подпрыгнуло: на меня был накинут дедушкин старенький полушубок. Дедушка приехал ночью. Красота! На кухне бабушка кому-то обстоятельно рассказывала:

– ...Культурная дамочка, в шляпке. «Я эти вот ягодки все куплю». Пожалуйста, милости прошу. Ягодки-то, говорю, сиротинка горемышный собирал...

Тут я провалился сквозь землю вместе с бабушкой и уже не мог и не желал разбирать, что говорила она дальше, потому что закрылся полушубком, забился в него, чтобы скорее помереть. Но сделалось жарко, глухо, стало нечем дышать, и я открылся.

– Своих вечно потачил! – гремела бабушка. – Теперь этого! А он уж мошенничат! Чё потом из него будет? Жиган будет! Вечный арестант! Я вот ещё левонтьевских, пятнай их, в оборот возьму! Это ихняя грамота!..

Убрался дед во двор, от греха подальше, чего-то тюкает под навесом. Бабушка долго одна не может, ей надо кому-то рассказывать о происшествии либо разносить вдребезги мошенника, стало быть, меня, и она тихонько прошла по сеним, приоткрыла дверь в кладовку. Я едва успел крепко-накрепко сомкнуть глаза.

– Не спишь ведь, не спишь! Всё-о вижу!

Но я не сдавался. Забежала в дом тётка Авдотья, спросила, как «тета» сплавала в город. Бабушка сказала, что «сплавала, слава Тебе, Господи, ягодёнки продала сходно», и тут же принялась по-вествовать:

– Мой-то! Малой-то! Чего утворил!.. Послушай-ко, послушай-ко, девка!

В это утро к нам приходило много людей, и всех бабушка задерживала, чтоб поведать: «А мой-то! Малой-то!» И это ей нисколько не мешало исполнять домашние дела – она носилась взад-вперёд, доила корову, выгоняла её к пастуху, вытряхивала половики, делала разные свои дела и всякий раз, пробегая мимо дверей кладовки, не забывала напомнить:

– Не спишь ведь, не спишь! Я всё-о вижу!

Но я твёрдо верил: управится по дому и уйдёт. Не вытерпит, чтобы не поделиться новостями, почерпнутыми в городе, и узнать те новости, которые свершились без неё на селе. И каждому встречному и поперечному бабушка с большой охотой будет твердить: «А мой-то! Малой-то!»

В кладовку завернул дедушка, вытянул из-под меня кожаные вожжи и подмигнул: «Ничего, дескать, терпи и не робей!», да ещё и по голове меня погладил. Я заширкал носом и так долго копившиеся слёзы ягодой, крупной земляникой, пятнай её, сыпанули из моих глаз, и не было им никакого удержу.

– Ну, што ты, што ты? – успокаивал меня дед, обирая большой рукой слёзы с моего лица. – Чего голодной-то лежишь? Попроси прошенья... Ступай, ступай, – легонько подтолкнул меня дед в спину.

Придерживая одной рукой штаны, прижав другую локтем к глазам, я ступил в избу и завёл:

– Я больше... Я больше... Я больше... – и ничего не мог дальше сказать.

– Ладно уж, умывайся да садись трескать! – всё ещё непримиримо, но уже без грозы, без громов оборвала меня бабушка.

Я покорно умылся, долго возил по лицу сырым рукотерником и вспомнил, что ленивые люди, по заверению бабушки, всегда сырым утираются, потому что всех позднее встают. Надо было двигаться к столу, садиться, глядеть на людей. Ах ты Господи! Да чтобы я ещё хоть раз сплутовал! Да я...

Содрогаясь от всё ещё не прошедших всхлипов, я прилепился к столу. Дед возился на кухне, сматывал на руку старую, совсем, понимал я, ненужную ему верёвку, чего-то доставал с полатей, вынул из-под курятника топор, попробовал пальцем остриё. Он ищет и находит заделье, чтоб только не оставлять горемычного внука один на один с «генералом» – так он в сердцах или в насмешку называет бабушку. Чувствуя незримую, но надёжную поддержку деда, я взял со стола краюху и стал есть её всухомятку. Бабушка одним махом плеснула молоко, со стуком поставила посудину передо мной и подбоченилась:

– Брюхо болит, на краюху глядит! Эшь ведь какой смирёнькай! Эшь ведь какой тихонькай! И молочка не попросит!..

Дед мне подморгнул – терпи. Я и без него знал: Боже упаси сейчас перечить бабушке, сделать чего не по её усмотрению. Она должна разрядиться и должна высказать всё, что у неё на сердце накопилось, душу отвести и успокоить должна. И срамила же меня бабушка! И обличала же! Только теперь, поняв до конца, в какую бездонную пропасть ввергло меня плутовство и на какую «кривую дорожку» оно меня ещё уведёт, коли я так рано взялся шаромыжничать, коли за лихим людом потянулся на разбой, я уж заревел, не просто раскаинаясь, а испугавшись, что пропал, что ни прощенья, ни возврата нету...

Даже дед не выдержал бабушкиных речей и моего полного раскаянья. Ушёл. Ушёл, скрылся, задымив сигаркой, дескать, мне тут ни помочь, ни совладать, Бог пособляй тебе, внучек...

Бабушка устала, выдохлась, а может, и почувяла, что уж того она, лишковато всё ж меня громила.

Было покойно в избе, однако всё ещё тяжело. Не зная, что делать, как дальше жить, я разглаживал заплатку на штанах, вытягивал из неё нитки. А когда поднял голову, увидел перед собой...

Я зажмурился и снова открыл глаза. Ещё раз зажмурился, ещё раз открыл. По скоблёному кухонному столу, будто по огромной земле, с пашнями, лугами и дорогами, на розовых копытцах, скакал белый конь с розовой гривой.

– Бери, бери, чё смотришь? Глядишь, зато ещё когда омманешь баушку...

Сколько лет с тех пор прошло! Сколько событий минуло. Нет в живых дедушки, нет и бабушки, да и моя жизнь клонится к закату, а я всё не могу забыть бабушкиного пряника – того дивного коня с розовой гривой.

1. Составьте простой план рассказа.

2. Выделите главных персонажей, опишите и охарактеризуйте их.

3. Выпишите все диалектные и просторечные слова из текста. Кто чаще всех употребляет такие слова? Составьте таблицу.

4. Для чего, на ваш взгляд, писатель использует диалектизмы и просторечья в своём произведении?

5. Оцените поступок бабушки, которая, несмотря ни на что, купила внуку обещанный пряник. Как вы можете это объяснить?

6. Какие нравственные уроки вы вынесли из рассказа В.П. Астафьева?

7. Символом чего стал «конь с розовой гривой»?

ЗАДАНИЯ ПО РАЗДЕЛУ III

1. Подготовьте защиту научных проектов или презентации на одну из тем: «Роль пейзажа в рассказе Л.Н. Толстого “Кавказский пленник”»; «Быт, традиции и обычаи жителей горных аулов». «Что может объединить людей разных национальностей, веры и возраста».

2. **Творческая работа.**

1. Придумайте психорисунок на тему «Дружба» и объясните его.

2. Напишите эссе на одну из тем: «Что я узнал о дружбе», «Какого друга я хочу видеть возле себя», «Кого из своих друзей я назвал бы жан досым».

СКАЗОЧНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Вы приступаете к изучению последнего раздела учебника. Вы познакомились с некоторыми произведениями, включающими в себя сказочные и мифологические элементы, например, повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» и Э.Т. А. Гофмана «Щелкунчик и Мышиный король». Теперь вам предстоит изучить пьесу-сказку А.Н. Островского «Снегурочка», рассказ И.С. Тургенева «Бежин луг», стихотворение М.Ю. Лермонтова «Русалка». Во всех этих произведениях авторы использовали элементы сказки и мифа как средства художественной выразительности.

Сказки и мифы созданы всеми народами мира, они очень интересны сами по себе; их серьёзно изучают фольклористы, этнографы, философы и теологи. Для нас же сказки и мифы важны, прежде всего, с точки зрения их использования писателями и поэтами в литературных произведениях, то есть наша цель – нахождение элементов сказки и мифа (мифологем) в художественном тексте и объяснение, зачем они используются и что они дают конкретному произведению. Так, для пьесы-сказки «Снегурочка» сюжет был подсказан автору собирателем русских народных сказок А.Н. Афанасьевым. Снегурочка – это новогодний персонаж русских легенд, юная спутница Деда Мороза. Ни один из его младших или зарубежных братьев не имеет такого милого сопровождения. В пьесе А.Н. Островского Снегурочка представлена как дочь Деда Мороза и Весны-Красны, которая погибает во время летнего ритуала почитания бога Солнца Ярилы. Позже писатели и поэты превратили её во внучку Деда Мороза.

Лирическая, красивая история про Снегурочку привлекла внимание не только зрителей, но и художников, и композиторов. Когда известный меценат С.И. Мамонтов захотел поставить пьесу на домашней сцене Абрамцевского кружка в Москве, эскизы костюмов для неё выполнил В.М. Васнецов. А ещё через три года знаменитый художник делает новые эскизы уже для постановки

одноимённой оперы Н.А. Римского-Корсакова, созданной на основе пьесы Н.А. Островского.

Своё представление об облике прекрасной дочери Весны и Деда Мороза есть и у известных художников начала XX века – М.А. Врубеля и Н.К. Рериха.

В XIX веке в литературе возникло новое явление – писатели стали сами создавать оригинальные мифы – придумывать несуществующие в реальности миры, населять их несуществующими животными, отправлять своих героев в невозможные путешествия. Такое изображение чего-то неправдоподобного, невозможного в реальной жизни получило название *фантастики* (от греч. phantastike – способность воображать). Литературное явление, когда писатели создают свои новые мифы и новых мифологических персонажей, получило название *неомифологизма*, т. е. новой мифологии.

Драма. Европейская драма зародилась в Древней Греции. Первоначально она была одним из составных элементов сложного обрядового акта (праздничные процессии в честь бога Диониса), включающего хор, диалог, пляску и пантомиму. Особого расцвета античная драма достигла в творчестве Эсхила (основоположника *трагедии*), Софокла, Еврипида и Аристофана (выдающегося представителя древнегреческой *комедии*). В основе античной драмы лежат мифологические сюжеты, а героями её в большинстве случаев были боги или известные мифические персонажи.

Драма – произведение словесного искусства, предназначенное для постановки на сцене.

В драме, в отличие от эпоса и лирики, герои сами представляют себя без участия автора – через *монологи*, *диалоги*, реплики и поступки. Авторские комментарии (объяснения) ограничиваются, как правило, *ремарками*, описывающими обстановку или атмосферу действия, поведение или жесты персонажей.

«Только при сценическом исполнении драматический вымысел получает вполне законную форму...», – писал русский драматург XIX века Александр Николаевич Островский. – Всё, что называется в пьесе сценичностью, зависит от особых художественных соображений, не имеющих ничего общего с литературными». Речь идёт о таких средствах художественной выразительности, как игра актёров, декорации, костюмы, музыка, звуковые и световые эффекты.

Александр Николаевич ОСТРОВСКИЙ

(1823–1886)

Основоположник русского национального театра Александр Николаевич Островский родился в Москве. Ещё в гимназии он увлёкся литературным творчеством, а в студенческие годы стал страстным театралом. Профессия юриста и работа в судах обогатили его жизненный опыт. Он хорошо знал быт, язык и психологию мещан, купцов, чиновников, поэтому, став профессиональным литератором, свои первые комедии посвятил им. Всего же перу Островского принадлежит 47 пьес, которые принесли ему славу уже при жизни.

В наследии Островского и в русской драматургии в целом совершенно особое место занимает пьеса-сказка «Снегурочка» (1873). Задуманная как весёлое представление для праздничных спектаклей, написанная на сюжет народных сказок и широко использующая календарную поэзию, пьеса переросла замысел.

Жизнь, изображённая в «Снегурочке», прекрасная и поэтичная, далека от идиллии. Берендеи предельно близки к природе, не знают зла и обмана, как не знает их природа. Однако всё, что выпадает из этого естественного круговорота жизни, должно здесь неминуемо погибнуть. И эту трагическую обречённость всего выходящего за пределы естественной жизни доказывает судьба Снегурочки.

Мифологический сюжет не может иметь непредсказуемый финал. Приход лета неотвратим, и Снегурочка не может не растаять. Но личная трагедия Снегурочки – не катастрофа для окружающего мира, скорее, наоборот. Смерть Снегурочки способствует восстановлению нормального течения жизни, спасая Берендеево царство от «остуды» и возвращая берендеям милость бога тепла, света и плодородия Ярилы.

СНЕГУРОЧКА

Весенняя сказка

В четырёх действиях с прологом

Действующие лица

Весна-Красна.

Дед Мороз.

Девушка Снегурочка.

Леший.

Лель, пастух.

Купава, молодая девушка, дочь богатого слобожанина.

Мизгирь, торговый гость из посада Берендеева.

Радушка, Малуша, слободские девушки.

Малыш, слободский парень.

Слуги Мизгиря.

Царь Берендей.

Бермята, ближний боярин.

Бобыль, Бобылиха, приёмные родители Снегурочки.

Мураш, отец Купавы.

Действие происходит в стране берендеев в доисторическое время. Пролог на Красной горке, вблизи Берендеева посада, столицы царя Берендея. Первое действие – в заречной слободе Берендеевке. Второе действие – во дворце царя Берендея. Третье действие – в заповедном лесу. Четвёртое действие – в Ярилиной долине.

ПРОЛОГ

Начало весны. Полночь. Красная горка, покрытая снегом. Направо кусты и редкий безлистный берёзник; налево сплошной частый лес больших сосен и елей с сучьями, повисшими от тяжести снега; в глубине, под горой река; полыньи и проруби обсажены ельником. За рекой Берендеев посад, столица царя Берендея; дворцы, дома, избы – все деревянные, с причудливою раскрашенною резьбой; в окнах огни. Полная луна серебрит всю открытую местность. Вдали кричат петухи.

Леший сидит на сухом пне. Всё небо покрывается прилетевшими из-за моря птицами. Весна-Красна на журавлях, лебедях и гусях спускается на землю, окружённая стайей птиц.

Л е ш и й

Конец зиме, пропели петухи,
 Весна-Красна спускается на землю.
 Полночный час настал, сторожку Леший
 Отсторожил, – ныряй в дупло и спи!
(Проваливается в дупло.)

Весна-Красна спускается на Красную горку в сопровождении птиц.

В е с н а - К р а с н а

В урочный час обычной чередой
 Являюсь я на землю берендеев.
 Нерадостно и холодно встречает
 Весну свою угрюмая страна.
 Печальный вид: под снежной пеленою,
 Лишённые живых весёлых красок,
 Лишённые плодотворящей силы,
 Лежат поля остывшие. В оковах
 Игривые ручьи, в тиши полночи
 Не слышно их стеклянного журчанья.
(Обращаясь к птицам, которые дрожат от холода.)
 Хоть стыдно мне, а надо признаваться
 Пред птицами. Сама я виновата,
 Что холодно и мне, Весне, и вам.
 Шестнадцать лет тому, как я для шутки
 И теща свой непостоянный нрав,
 Изменчивый и прихотливый, стала
 Заигрывать с Морозом, старым дедом,
 Проказником седым; и с той поры
 В неволе я у старого. Мужчина
 Всегда таков: немножко воли дай,
 А он и всю возьмёт; уж так ведётся
 От древности. Оставить бы седого,
 Да вот беда, у нас со старым дочка –
 Снегурочка. В глухих лесных тущобах,
 В нетающих лядинах возвращает
 Старик своё дитя. Любя Снегурку,

Жалеючи её несчастной доле,
 Со старым я поссориться боюсь;
 А он и рад тому – знобит, морозит
 Меня, Весну, и берендеев. Солнце,
 Ревнивое, на нас сердито смотрит
 И хмурится на всех; и вот причина
 Жестоких зим и холодов весенних.
 Дрожите вы, бедняжки? Попляшите,
 Согреетесь! Видала я не раз,
 Что пляскою отогревались люди.
 Хоть нехотя, хоть с холоду, а пляской
 Отпразднуем прилёт на новоселье.

Из лесу на пляшущих птиц начинает сыпаться иней, потом хлопья снега, подымается ветер, набегают тучи, закрывают луну, мгла совершенно застигает даль. Птицы с криком жмутся к Весне.

Весна - Красна
 (птицам)

В кусты скорей, в кусты! Шутить задумал
 Старик Мороз. До утра подождите,
 А завтра вам растают на полях
 Проталинки, на речке полыньи.
 Погреетесь на солнышке немного
 И гнёздышки начнёте завивать.

Птицы уходят в кусты, из леса выходит Мороз.

Мороз

Весна-Красна, здорово ли вернулась?

Весна

И ты здоров ли, Дед Мороз?

Мороз

Спасибо.

Живётся мне не худо. Берендеи
 О нынешней зиме не позабудут,
 Весёлая была; плясало солнце

От холоду на утренней заре,
 А к вечеру вставал с ушами месяц.
 Задумаю гулять, возьму дубинку,
 Повыясню, повысеребряю ночку,
 Уж то-то мне раздолье и простор.

По богатым посадским домам
 Колотить по углам,
 У ворот вереями¹ скрипеть,
 Под полозьями петь
 Любо мне,
 Любо, любо, любо.

В е с н а

Не дурно ты попировал, пора бы
 И в путь тебе, на север.

М о р о з

Не гони,
 И сам уйду. Не рада старику,
 Про старое скоренько забываешь.

В е с н а

На кого же
 Снегурочку оставишь?

М о р о з

Дочка наша
 На возрасте, без нянек обойдётся.
 Ни пешему, ни конному дороги
 И следу нет в её терем. Медведи-
 Овсянники и волки матёрые
 Кругом двора дозором ходят; филин
 На маковке сосны столетней ночью,
 А днём глухарь вытягивает шею,
 Прохожего, захожего блюдут².

¹ *Верёя* – столб, на который навешивается створка ворот.

² *Блюсти́* – смотреть за кем-либо, наблюдать.

Весна

Тоска возьмёт меж филинов и леших
 Одной сидеть. Безумный
 И злой старик! На свете всё живое
 Должно любить. Снегурочку в неволе
 Не даст тебе томить родная мать.

Мороз

Вот то-то ты некстати горяча,
 Без разума болтлива. Ты послушай!
 Таковую речь сболтнула птица-баба, –
 Услышала о том, что будто Солнце
 Сбирается сгубить Снегурку; только
 И ждёт того, чтоб заронить ей в сердце
 Лучом своим огонь любви; тогда
 Спасенья нет Снегурочке, Ярило
 Сожжёт её, испепелит, растопит,
 Не знаю как, но умертвит. Доколе ж
 Младенчески чиста её душа,
 Не властен он вредить Снегурке.

Весна

Полно!
 Поверил ты рассказам глупой птицы!
 Недаром же ей кличка – баба.

Мороз

Знаю
 Без бабы я, что зло Ярило мыслит.

Весна

Отдай мою Снегурочку!

Мороз

Не дам!
 С чего взяла, чтоб я такой вертушке
 Поверил дочь?

Весна

Да что ж ты, красноносый,
 Ругаешься!

М о р о з

Послушай, помиримся!
 Для девушки присмотр всего нужнее
 И строгий глаз, да не один, а десять.
 И некогда тебе и неохота
 За дочерью приглядывать, так лучше
 Отдать её в слободку, Бобылю
 Бездетному, наместо дочки. Будет
 Заботы ей по горло, да и парням
 Корысти нет на Бобылёву дочку
 Закидывать глаза. Согласна ты?

В е с н а

Согласна, пусть живёт в семье бобыльской,
 Лишь только бы на воле.

М о р о з

Дочь не знает
 Любви совсем, в её холодном сердце
 Ни искры нет губительного чувства;
 И знать любви не будет, если ты
 Весеннего тепла томящей неги,
 Ласкающей, разымчивой...

В е с н а

Довольно!
 Покличь ко мне Снегурочку.

М о р о з

Снегурка!
 Снегурушка, дитя моё!

С н е г у р о ч к а

(выглядывая из лесу)

Ау!

(Подходит к отцу.)

Весна

Ах, бедная Снегурочка, дикарка,
 Поди ко мне, тебя я приголублю.

(Ласкает Снегурочку.)

Красавица, не хочешь ли на волю?
 С людьми пожить?

Снегурочка

Хочу, хочу, пустите!

Мороз

А что манит тебя покинуть терем
 Родительский и что у берендеев
 Завидного нашла?

Снегурочка

Людские песни.
 Бывало, я, прижавшись за кустами
 Колючими, гляжу не нагляжуся
 На девичьи забавы. Одинокой
 Взгрустнётся мне, и плачу. Ах, отец!
 С подружками по алую малину,
 По чёрную смородину ходить,
 Аукаться; а зорькою вечерней
 Круги водить под песни, вот что мило
 Снегурочке. Без песен жизнь не в радость.
 Пусти, отец! Когда, зимой холодной,
 Вернёшься ты в свою лесную глушь,
 В сумеречки тебя утешу, песню
 Под наигрыш метели запою
 Весёлую. У Леля перейму
 И выучусь скорёхонько.

Весна

А разве
 Пригожий Лель горазд на песни?

Снегурочка

Мама,
 Слыхала я и жаворонков пенье,

Дрожащее над нивами, лебяжий
 Печальный клич над тихими водами,
 И громкие раскаты соловьёв,
 Певцов твоих любимых; песни Леля
 Милее мне. И дни и ночи слушать
 Готова я его пастушьи песни.
 И слушаешь, и таешь...

М о р о з
 (Весне)

Слышишь: таешь!
 Ужасный смысл таится в этом слове.
 Из разных слов, придуманных людьми,
 Страшней всего Морозу слово: таять.
 Снегурочка, беги от Леля, бойся
 Речей его и песен. Ярым солнцем
 Пронизан он насквозь. В полдневный зной,
 Когда бежит от солнца всё живое,
 В тени искать прохлады, гордо, нагло
 На припёке лежит пастух ленивый,
 В истоме чувств дремотной подбирает
 Лукавые заманчивые речи,
 Коварные обманы замышляет
 Для девушек невинных. Песни Леля
 И речь его – обман, личина, правды
 И чувства нет под ними; то лишь, в звуки
 Одетые, палящие лучи.
 Снегурочка, беги от Леля! Солнца
 Любимый сын пастух, и так же ясно,
 Во все глаза, бесстыдно, прямо смотрит,
 И так же зол, как Солнце.

С н е г у р о ч к а

Я, отец,
 Послушное дитя; но ты уж очень
 Сердит на них, на Леля с Солнцем; право,
 Ни Леля я, ни Солнца не боюсь.

В е с н а

Снегурочка, когда тебе взгрустнётся
 Иль нужда в чём, – девицы прихотливы,
 О ленточке, о перстенёчке плакать
 Серебряном готовы, – ты приди
 На озеро, в Ярилину долину,
 Покличь меня. Чего б ни попросила,
 Отказу нет тебе.

С н е г у р о ч к а

Спасибо, мама,
 Красавица.

М о р о з

Вечернею порой
 Гуляючи, держися ближе к лесу.
 А я отдам приказ тебя беречь.
 Ау, дружки! Лешутки, лесовые!
 Заснули, что ль? Проснитесь, отзовитесь
 На голос мой!

В лесу голоса леших: «Ау, ау!»

В е с н а

Валит толпа весёлых берендеев.
 Пойдём, Мороз! Снегурочка, прощай!
 Живи, дитя, счастливо!

С н е г у р о ч к а

Мама, счастья
 Найду иль нет, а поищу.

М о р о з

Прощай,
 Снегурочка, дочурка! Не успеют
 С полей убрать снопов, а я вернусь,
 Увидимся.

В е с н а

Пора бы гнев на милость
 Переменить. Уйми метель! Народом

Везут её, толпами провожают
Широкою...

(Уходит.)

Вдали крики: «Честная Масленица!». Мороз, уходя, машет рукой; метель унимается, тучи убегают. Ясно, как в начале действия. Толпы берендеев: одни подвигают к лесу сани с чучелом Масленицы, другие стоят поодаль.

[Таким образом Снегурочка попадает к людям. Сначала её красота привлекает парней, но холодное, не знающее любви сердце постепенно отталкивает всех ухажёров. Сама того не желая, Снегурочка становится причиной несчастья своей подружки Купавы.]

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Купава

(подходя к Снегурочке)

Снегурочка, одна стоишь, бедняжка!
Оставили тебя, забыли парни,
Хоть Леля бы ласкала.

Снегурочка

Лель не любит
Скучать со мной, ему веселья нужно,
Горячих ласк, а я стыдлива.

Купава

Я-то,
Снегурочка, а я-то как счастлива!
От радости и места не найду,
Вот так бы я ко всякому на шею
И кинулась, про радость рассказала,
Да слушать-то не все охочи. Слушай,
Снегурочка, порадуйся со мной!
Сбирала я цветы на Красной горке,
Навстречу мне из лесу молодец,

Хорош-пригож, румяный, круглолицый,
 Красен, кудряв, что маковый цветок.
 Сама суди, не каменное сердце,
 Без милого не проживёшь; придётся
 Кого-нибудь любить, не обойдёшься,
 Так лучше уж красавца, чем дурного.
 Само собой, по скромности девичьей,
 Стараешься ретивое сердечко
 Удерживать немного; ну, а всё же
 На всякий час не опасёшься. Парень
 Пригож собой, жениться обещает,
 Да так-то скор, да так-то скор, что, право,
 Скружит совсем, ума не соберёшь.
 Ну что и как... уж долго ль, коротко ли,
 А только мы сдружились. Он богатый
 Отецкий сын, по имени Мизгирь,
 Торговый гость из царского посада.
 Родители мои, конечно, рады
 Моей судьбе; а он уж так-то клялся
 В Ярилин день, на солнечном восходе,
 В глазах царя венками обменяться
 И взять меня женой; тогда прощайте.
 В его дому, в большом посаде царском,
 На всём виду, богатою хозяйкой
 Забарствую. Сегодня мой Мизгирь
 Приедет к нам в слободку спознаваться
 С девицами и парнями. Увидишь,
 Порадуйся со мной.

(Снегурочка её целует.)

Повеселимся,
 Круги водить пойдём на Красной горке.
 Да вот и он!

(Бежит и прячется между девушек.)

Входит Мизгирь, за ним двое слуг с мешками. Снегурочка прядёт.

Явление шестое

Купава

Голубушки-девицы,
 Пришёл красы девичьей погубитель,
 С подружками, с родными разлучитель.
 Не выдайте подружку, схороните!
 А выдайте, так за великий выкуп.

Мизгирь

(учтиво кланаясь)

Красавицы-девицы, между вами
 Не прячется ль красавица Купава?

Радушка

Красавица Купава нам, девицам,
 Самим нужна. Отдать, так не с кем будет
 Круги водить и вечера сидеть,
 И тайности девичьи говорить.

Мизгирь

Красавицы, подружка вам нужна,
 А мне нужней. Одним-один гуляю,
 Хозяйки нет; кому я золотые
 Ключи отдам от кованых ларцов?

Радушка

(девушкам)

Отдать иль нет?

Малуша

Не отдавай подружку,
 У нас ещё и песни не допеты,
 И игры мы не доиграли с ней.

Мизгирь

Красавицы, подружка вам нужна,
 А мне нужней того. Сиротским делом

Кому ласкать меня, лелеять, нежить,
Кому чесать и холить кудри русы?

Р а д у ш к а

Отдать иль нет подружку?

М а л у ш а

Разве выкуп
Великий даст.

Р а д у ш к а

Рублём или полтиной,
А жаль рубля, хоть золотою гривной
Дари девиц, Купаву отдадим.

М и з г и р ь

Не жаль для вас ни гривны, ни полтины,
Не жаль рубля девицам подарить.

(Берёт у слуги из мешка деньги и раздаёт девушкам.)

Орехов вам и пряников печатных
Корабль пришёл.

(Отдаёт мешок с орехами и пряниками.)

Парни окружают Купаву.

М а л ы ш

Не вдруг возьмёшь Купаву,
Без выкупа не отдадим. Ребята,
Горой стоять! Не выдавайте даром!
А то у нас всех девок поберут,
А нам самим в слободке не достача.

М и з г и р ь

К девицам я и лаской и приветом,
А с вами речь иную поведу!
Отсыплю вам – давайте берендейку –
Пригорошни две, и разговор короток.

Малыш подставляет шапку-берендейку, Мизгирь сыплет две пригоршни и берёт Купаву.

Купава

Сердечный друг, свою девичью волю,
Подруг, родных на милого дружка
Сменяла я; не обмани Купаву,
Не погуби девического сердца.

Девушки запевают «Ай, во поле липонька» и уходят; парни за ними, поодаль, Лель садится подле Снегурочки и оплетает рожок берёстой. Купава с Мизгирем подходят к Снегурочке.

Купава

Снегурочка, потешь свою подружку
В последний раз, в останешний, пойдём
Круги водить, играть на Красной горке.
Недолго мне резвиться-веселиться,
Последний день моей девичьей воли,
Снегурочка, последний.

Снегурочка

Я, Купава,
Иду с тобой, возьмём и Леля. Пряжу
Снесу домой и побегу за вами.

(Уходит в избу.)

Купава

(Мизгирю)

Сердечный друг, пойдём! Они догонят.

Мизгирь

Постой, постой!

Купава

Девушки за слободкой
Полком стоят и ждут.

М и з г и р ь

Твоя подружка
Снегурочка; а Лель у вас при чём?

К у п а в а

Снегурочке без Леля будет скучно.

М и з г и р ь

Да правда ли? Не веселей ли будет
Снегурочке со мной идти?

К у п а в а

А я-то?

М и з г и р ь

А ты возьми хоть Леля.

К у п а в а

Как же, милый?
Ведь я твоя, твоя; одна могила
Разлучит нас.

М и з г и р ь

Пойдёшь ли ты иль нет,
А я останусь здесь.

К у п а в а

Закрой сперва сыпучими песками
Глаза мои, доской тяжёлой сердце
У бедненькой Купавы раздави,
Тогда бери другую. Очи видеть
Разлучницы не будут, горя злого
Ревнивое сердечко не учает.
Снегурочка, завистница, отдай
Дружка назад!

Снегурочка

Подружка дорогая,
И ты, дружок её, оставьте нас,
Слова твои обидно, больно слушать.
Снегурочка чужая вам. Прощайте!
Ни счастьем вы пред нами не хвалитесь,
Ни в зависти меня не упрекайте!

(Хочет идти)

Мизгирь

(удерживая её)

Снегурочка, останься! Кто счастливец
Любовник твой?

Снегурочка

Никто.

Мизгирь

Так буду я.

(Купаве)

Смотри туда, Купава! Видишь, солнце
На западе, в лучах зари вечерней,
В пурпуровом тумане утопает!
Воротится ль оно назад?

Купава

Для солнца
Возврата нет.

Мизгирь

И для любви погасшей
Возврата нет, Купава.

Купава

Горе, горе!
Голубушки-подружки, воротитесь!

(Убегает)

Мизгирь

Люби меня, Снегурочка! Дарами
Бесценными красу твою осыплю
Бесценную.

Снегурочка

Любви моей не купишь.

Мизгирь

И жизнь свою отдам в придачу. Слуги,
Казну мою несите!

[Купава обращается с жалобой к царю Берендею, и тот принимает решение наказать Мизгиря.]

1. С кем и как явилась Весна не землю? Как встретила её Страна берендеев? Какой вы представляете Весну?

2. Как жил Мороз на Берендеевой земле? И почему он должен уйти с этой земли? Каким вы представляете Мороза?

3. Почему Весна называет дочь «дикаркой»? А какой вы представляете Снегурочку в начале пьесы?

4. Чем можно объяснить желание Снегурочки остаться в Берендеевом царстве, когда им правит Весна?

5. Какие сказочные и мифологические элементы вы можете найти в этом произведении? Для этого используйте приём «Дневник двойной записи» (работа по вариантам: 1-й вариант работает со сказочными элементами, 2-й вариант – с мифологическими). В левой части дневника вы запишите те моменты из текста, которые считаете верными для своего варианта. Справа вы должны дать комментарий: что заставило записать именно эту цитату.

6. Докажите, что пьеса-сказка относится к такому роду литературы, как драма. Ответы аргументируйте.

7. Докажите, что пьеса-сказка относится к литературной сказке.

8. Прочитайте в хрестоматии миф о Деметре. Перескажите его и ответьте на вопрос: Что объединяет пьесу-сказку «Снегурочка» и миф о Деметре?

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Ц а р ь

В приводе ль виноватый?

Б е р м я т а

Виновный здесь, смиренно ждёт суда.

Ц а р ь

(народу)

Вина его известна вам?

Н а р о д

Известна.

Ц а р ь

(Мизгирю)

В вине своей винишься ль ты?

М и з г и р ь

Винюсь.

Ц а р ь

Вина его ужасна, берендеи,
Для милости закроем наше сердце
На этот раз. К злодеям сожаленье
Грозит бедой: разгневанные боги
Вину его на нас обрушат, карой
Падёт она на берендеев. Мщенье
Преступнику грозящий гнев смиряет.
Поругана любовь! Благое чувство,
Великий дар природы, счастье жизни,
Весенний цвет её! Любовь невесты
Поругана! Распукалка¹ души,
Раскрывшейся для первых чувств, цветов
Невинности благоуханный! Срам
И стыд моим серебряным сединам!
Чему Мизгирь повинен, говорите!

---

¹ *Распукалка* – распускающаяся цветочная почка.

Б е р м я т а

Заставь его жениться на девице
Обиженной!

М у р а ш

Заставь молить прощенья
У ног её, а если не захочет,
Тогда карай грозой своей.

Ц а р ь

Мизгирь,
Желаешь ты загладить грех, Купаву
Принять в жёны?

М и з г и р ь

У Мизгиря невеста
Снегурочка.

Б е р м я т а

Его заставить можно,
Премудрый царь.

Ц а р ь

Не терпит принужденья
Свободный брак.

М у р а ш

Не дай ему ругаться,
Обидчику! Спроси сперва Купаву,
Желает ли она сама?

Ц а р ь

Купава!

К у п а в а

Великий царь, любви Купава ищет.
Хочу любить, а как его полюбишь?
Обижено, разбито сердце им;
Лишь ненависть к нему до гроба будет
В груди моей. Не надо мне его.

Ц а р ь

Честной народ, достойна смертной казни
 Вина его; но в нашем уложении¹
 Кровавых нет законов; пусть же боги
 Казнят его по мере преступления,
 А мы судом народным Мизгиря
 На вечное изгнание осуждаем.
 Иди от нас, преступник, поругатель
 Горячности доверчивой любви,
 Внушённой нам природой и богами.
 Гоните прочь его от каждой двери,
 От каждого жилья, где свято чтутся
 Обычай честные старины!
 В пустыню, в лес его гоните! Звери –
 Товарищи тебе по сердцу; сердце
 Звериное с зверями тешь, Мизгирь!

М и з г и р ь

Ни слова я не молвлю в оправданье;
 Но если б ты, великий царь, увидел
 Снегурочку...

С н е г у р о ч к а

(подойдя к царю, кланяется)

Здравствуй, царь!

Ц а р ь

(берёт её за руку)

Полна чудес могучая природа!
 Дары свои обильно рассыпая,
 Причудливо она играет: бросит
 В болотинке, в забытом уголке
 Под кустиком, цветок весны жемчужный,
 Задумчиво склонённый ландыш, брызнет

¹ *Уложéнье* – в старину: собрание всех действующих законов.

На белизну его холодной пылью
Серебряной росы, – и дышит цветок
Неуловимым запахом весны,
Прельщая взор и обонянье.

Снегурочка

Жалко,
Что ландыши так скоро отцвели!
Сказал бы ты, что любишь их, так я уж
Давно б тебе пучочек нарвала
Хорошеньких. Не всякий место знает,
А я в лесу, как дома; если хочешь,
Пойдём со мной, я место укажу.

Царь

Не плачу я, что цветики увяли,
Такой цветок цветёт перед очами,
Что я смотрю, смотрю, да и не верю:
Во сне иль въявь цветок передо мной.

Снегурочка с довольным видом смотрит на всех и охорашивается.

Её краса поможет нам, Бермята,
Ярилин гнев смягчить. Какая жертва
Готовится ему! При встрече Солнца
Вручим её счастливому супругу.
Снегурочка, пришла твоя пора,
Ищи себе по сердцу друга!

Снегурочка

Где же
Искать его, не знаю.

Царь

Сердце скажет.

Снегурочка

Молчит моё сердечко.

Ц а р ь

(отводя Снегурочку)

Не стыдись!
 Преклонные лета равняют старца
 С девицею. Стыдливость неуместна
 Пред старыми потухшими глазами.
 Откройся мне: кого порой вечерней
 На зыбкое крылечко поджидаешь?
 Кого вдали, прикрывши ручкой глазки,
 На полотне зари румяной ищешь?
 Кого бранишь за медленность, кому
 Навстречу шлешь и радости улыбку,
 И слёз поток, и брань, и поцелуй?
 Кому? скажи, девица!

С н е г у р о ч к а

Никому.

Б е р м я т а

Великий царь, она любви не знает.

Ц а р ь

С её красой любви не знать, Бермята?
 Не верю я. Таких чудес на свете
 Не слыхано. Природой неизменно
 Положена пора любви для всех.
 Не верю я. Но если правда, как же
 Не гневаться подателю тепла?
 Удвоим же старания исправить
 Невольный грех. Ужли из берендеев
 На мой призыв никто не отзовется?
 Кому из вас Снегурочка милее?
 Кто может в ней младенческую душу
 Желанием любви зажечь? скажите.

Б о б ы л ь

Немало уж пытались, только даром
 Потратили труды.

Б о б ы л и х а

Немало было
И плачущих и пляшущих, да толку
Ни на волос не вышло.

Ц а р ь

Берендеи,
Кому из вас удастся до рассвета
Снегурочку увлечь любовью, тот
Из рук царя, с великим награждением,
Возьмёт её и лучшим гостем будет
За царскими столами на пирах,
На празднике Ярилы.

1. Как характеризуют царя Берендея слова: «Приказано, и повторяю вновь, чтоб глубже ты смотрел на вещи, в сущность проникнуть их старался, в глубину»?
2. Почему царь Берендей говорит:

«Бермята,
Не всё у нас благополучно, друг.
Пятнадцать лет не кажется Ярило
На наш призыв, когда, встречая Солнце,
В великий день Ярилин, мы напрасно
Тьмотысячной толпой к нему взываем
И песнями его величье славим.
Сердит на нас Ярило?»

3. В чём мудрый царь видел причину, по которой Ярило сердится на его народ?
4. Как вы понимаете слова «сердечная остуда»? Объясните.
5. В чём видит выход из этой сложной ситуации царь Берендей?
6. Почему Купава ищет защиты у царя?
7. Почему царь принимает сторону Купавы? О каких нравственных законах вы узнали?
8. В чём общность образов царя Берендея, царя Соломона и царя Сулеймана? Заполните концептуальную таблицу «Сравнительный анализ царей Берендея, Соломона, Сулеймана»:

Характеристика	Берендей	Соломон	Сулейман
Отношение к народу			
Мудрость			
Справедливость			
Какие ещё качества объединяют этих героев?			
Различия			

1. Прочитайте в хрестоматии 3-е действие пьесы-сказки.
2. В чём царь Берендей видит величие своего народа?
3. Почему Лель в качестве подружки выбирает Купаву, а не Снегурочку?
4. Как ведёт себя Мизгирь по отношению к Снегурочке? Какие черты характера проявляются в поступках и словах этого «гордого человека»?
5. Кто спасает Снегурочку от Мизгирия?
6. Как на претензии Снегурочки отвечает Купава?

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Ярилина долина: слева (от зрителей) отлогая покатошь, покрытая невысокими кустами; справа – сплошной лес; в глубине озеро, поросшее осокой и водяными растениями с роскошными цветами; по берегам цветущие кусты с повисшими над водой ветвями; с правой стороны озера голая Ярилина гора, которая оканчивается острою вершиной. Утренняя заря.

Снегурочка

(обращаясь к озеру)

Родимая, в слезах тоски и горя
 Зовёт тебя покинутая дочь.
 Из тихих вод явись услышать стоны
 И жалобы Снегурочки твоей.

Из озера поднимается Весна, окружённая цветами.

Весна

Снегурочка, дитя моё, о чём
 Мольбы твои? Великими дарами
 Могу тебя утешить на прощанье.

Последний час Весна с тобой проводит.
С рассветом дня вступает бог Ярило
В свои права и начинает лето.

(Подходит к Снегурочке.)

Чего тебе недостаёт?

Снегурочка

Любви.

Кругом меня все любят, все счастливы
И радостны, а я одна тоскую;
Завидно мне чужое счастье, мама.
Хочу любить; но слов любви не знаю,
И чувства нет в груди; начну ласкаться –
Услышу брань, насмешки и укоры
За детскую застенчивость, за сердце
Холодное. Мучительную ревность
Узнала я, любви ещё не зная.
Отец Мороз, и ты, Весна-Красна,
Дурное мне, завистливое чувство
Взамен любви в наследство уделили;
В приданое для дочки положили
Бессонные томительные ночи
И встречу дня без радости. Сегодня,
На ключике холодном умываясь,
Взглянула я в зеркальные струи
И вижу в них лицо своё в слезах,
Измятое тоской бессонной ночи.
И страшно мне: краса моя увянет
Без радости. О мама, дай любви!
Любви прошу, любви девичьей.

Весна

Дочка,
Забыла ты отцовы опасенья.
Любовь тебе погибель будет.

Снегурочка

Мама,
Пусть гибну я, любви одно мгновенье
Дороже мне годов тоски и слёз.

Весна

Изволь, дитя, – любовью поделиться
Готова я; родник неистощимый
Любовных сил в венке моём цветном.
Сними его! Присядь ко мне поближе!

*(Весна садится на траву. Снегурочка подле неё.
Цветы окружают их.)*

Смотри, дитя, какое сочетанье
Цветов и трав, какие переливы
Цветной игры и запахов приятных!
Один цветок, который ни возьми,
Души твоей дремоту пробуждая,
Зажжёт в тебе одно из новых чувств,
Незнаемых тобой, – одно желанье,
Отрадное для молодого сердца;
А вместе все, в один веночек душистый
Сплетясь пестро, сливая ароматы
В одну струю, – зажгут все чувства разом.
И вспыхнет кровь, и очи загорятся,
Окрасится лицо живым румянцем,
Играющим, – и заколышет грудь
Желанная тобой любовь девичья.

(Надевает веночек на голову Снегурочки.)

Снегурочка

Ах, мама, что со мной? Какой красою
Зелёный лес оделся! Берегами
И озером нельзя налюбоваться.
Вода манит, кусты зовут меня
Под сень свою; а небо, мама, небо!
Разлив зари зыбучими волнами
Колышется.

Весна

Снегурочка, прощай,
 Дитя моё! Любовным ароматом
 Наполнилась душа твоя. Кипучий
 Восторг страстей тебя охватит скоро;
 Красой лугов и озером зеркальным
 Дотоле ты любишься, пока
 На юношу не устрелятся взоры.
 Тогда лишь ты вполне узнаешь силу
 И власть любви над сердцем. С первой встречи
 Счастливец ты даришь любовью, кто бы
 Ни встретился тебе. Но, радость-дочка,
 Таи любовь от глаз Ярила – Солнца,
 Спешి домой, не медля: не любуйся
 Багряными потоками рассвета.
 Вершины гор покрылись позолотой,
 И скоро царь светил осветит землю.
 Беги домой тропинками лесными
 В тени кустов и избегая встречи;
 Предчувствие тревожит сердце мне.
 Прощай, дитя, до нового свиданья,
 И матери советов не забудь.

(Опускается в озеро.)

Снегурочка

Какое я сокровище храню
 В груди моей! Ребёнком прибежала
 Снегурочка в зелёный лес – выходит
 Девицею с душой счастливой, полной
 Отрадных чувств и золотых надежд.
 Снесу мой клад тропинкой неизвестной;
 Одна лишь я по ней бродила, лешим
 Протоптана она между болотом
 И озером. Никто по ней не ходит,
 Лишь лешие, для шутки, горьких пьяниц

Манят по ней, чтоб завести в трясины
Без выхода.

(Идёт в лес.)

Навстречу ей выходит Мизгирь.

М и з г и р ь
Снегурочка!

С н е г у р о ч к а
Ах, встреча!

М и з г и р ь
Снегурочка, мои слабеют силы,
Всю ночь ловлю тебя. Остановись!
Боишься ты?

С н е г у р о ч к а
О нет, Мизгирь, не страхом
Полна душа моя. Какая прелесть
В речах твоих! Какая смелость взора!
Высокого чела отважный вид
И гордая осанка привлекают,
Манят к тебе. У сильного – опоры,
У храброго – защиты ищет сердце
Стыдливое и робкое. С любовью
Снегурочки трепещущая грудь
К твоей груди прижмётся.

М и з г и р ь
(обнимая её)

Жадным слухом
Ловлю твои слова, боюсь поверить
Блаженству я, Снегурочка.

С н е г у р о ч к а
О милый,
Прости меня! Чего-то я боялась,

Смешно самой и стыдно, берегла
 Какое-то сокровище, не зная,
 Что всё, что есть на свете дорогого,
 Живёт в одном лишь слове. Это слово:
 Любовь.

М и з г и р ь

Ещё отрадных слов, ещё,
 И счастья не будет меры.

С н е г у р о ч к а

Милый,
 Позволь взглянуть в твоё лицо, в огонь
 Твоих очей взглядеться. Слушай, прежде
 Считала я девичью миловидность,
 Сребристый пух ланит¹ и нежность кожи
 За лучшую красу. Не понимаю;
 Слепа, глупа была. Да разве можно
 Красу девиц равнять с твоей красою?
 Незрелый цвет девичьей нежной кожи
 Равнять с мужским румянцем заглубелым?
 Снегурочка твоя, бери в свой дом
 Жену свою – любить и нежить буду,
 Ловить твой взгляд, предупреждать желанья.
 Но, милый мой, бежим скорее, спрячем
 Любовь свою и счастье от Солнца,
 Грозит оно погибелью. Бежим,
 Укрой меня! Зловещие лучи
 Кровавые страшат меня. Спасай,
 Спасай свою Снегурочку!

М и з г и р ь

Дитя,
 Спасать тебя? Любовь твоя – спасенье
 Изгнаннику. На солнечном восходе

¹ Ланита – то же, что щека.

Мизгирь тебя супругою покажет,
И царский гнев правдивый укротится,
И, милостью богатый, Берендей
Младой чете свою окажет ласку.

Снегурочка
(на коленях)

Завет отца и матери, о милый,
Не смею я нарушить. Вещим сердцем
Почуяли они беду – таить
Велели мне мою любовь от Солнца.
Погибну я! Спаси мою любовь,
Спаси моё сердечко! Пожалей
Снегурочку!

Мизгирь

Покорными сердцами
Привыкла ты владеть, привыкла тешить
Угодами обычай прихотливый.
Но сердцем я не мальчик – и любить,
И приказать умею; оставайся!

Снегурочка

Не прихоть, нет. В руках твоих погибнет
Снегурочка.

Мизгирь

Оставь ребячьи страхи
Неведомой беды! Но если вправду
Беда придёт – тогда погибнем вместе.

Снегурочка

Смотри, смотри! Всё ярче и страшнее
Горит восток. Сожми меня в объятьях,
Одеждою, руками затени
От яростных лучей, укрой под тенью
Склонившихся над озером ветвей.

(Становится под тень куста.)

Из лесу по горе сходит народ; впереди гусяры играют на гусях и пастухи на рожках, за ними царь со свитой, за царём попарно женихи и невесты в праздничных одеждах, далее все берендеи. Сойдя в долину, народ разделяется на две стороны.

М и з г и р ь

(подводя Снегурочку к царю)

Великий царь, твоё желанье было
Законом мне, и я его исполнил:
С Снегурочкой на брак благослови,
Прости вину мою и гнев на милость
Перемени.

Г о л о с а и з н а р о д а

О, диво! полюбила
Снегурочка!

Ц а р ь

Охотой ли, девица
Снегурочка, вручаешь жениху
Судьбу свою? С твоей рукою вместе
Даёшь ли ты любовь ему?

С н е г у р о ч к а

О царь!
Спроси меня сто раз, – сто раз отвечу,
Что я люблю его. При бледном утре
Открыла я избраннику души
Любовь свою и кинулась в объятья.
При блеске дня теперь, при всём народе,
В твоих глазах, великий Берендей,
Готова я для жениха и речи,
И ласки те сначала повторить.

Яркий луч солнца прорезывает утренний туман и падает на Снегурочку.

Но что со мной? Блаженство или смерть?
Какой восторг! Какая чувств истома!
О мать Весна, благодарю за радость,
За сладкий дар любви! Какая нега

Томящая течёт во мне! О Лель,
 В ушах твои чарующие песни,
 В очах огонь... и в сердце... и в крови
 Во всей огонь. Люблю и таю, таю
 От сладких чувств любви. Прощайте, все
 Подруженьки, прощай, жених! О милый,
 Последний взгляд Снегурочки тебе.
 (Таёт.)

Мизгирь

Снегурочка, обманщица, живи,
 Люби меня! Не призраком лежала
 Снегурочка в объятиях горячих:
 Тепла была; и чуял я у сердца,
 Как сердце в ней дрожало человечье,
 Любовь и страх в её душе боролись.
 От света дня бежать она молила,
 Не слушал я мольбы – и предо мною
 Как вешний снег растаяла она.
 Снегурочка, обманщица не ты:
 Обманут я богами; это шутка
 Жестокая судьбы. Но если боги
 Обманщики, не стоит жить на свете!
 (Убегает на Ярилину гору и бросается в озеро.)

Царь

Снегурочки печальная кончина
 И страшная погибель Мизгирия
 Тревожить нас не могут; Солнце знает,
 Кого карать и миловать. Свершился
 Правдивый суд! Мороза порожденье –
 Холодная Снегурочка погибла.
 Пятнадцать лет она жила меж нами,
 Пятнадцать лет на нас сердилось Солнце.
 Теперь с её чудесною кончиной,
 Вмешательство Мороза прекратилось.
 Изгоним же последний стужи след

Из наших душ и обратимся к Солнцу,
 И верю я, оно приветно взглянет
 На преданность покорных берендеев.
 Весёлый Лель, запой Яриле песню
 Хвалебную, а мы к тебе пристанем.
 Палящий бог, тебя всем миром славим!
 Пастух и царь тебя зовут, явись!

Л е л ь
 (запевает)

Свет и сила
 Бог Ярило.
 Красное Солнце наше!
 Нет тебя в мире краше.

О б щ и й х о р

Свет и сила
 Бог Ярило.
 Красное Солнце наше!
 Нет тебя в мире краше.

На вершине горы на несколько мгновений рассеивается туман, показывается Ярило в виде молодого парня в белой одежде, в правой руке светящаяся голова человечья, в левой – ржаной сноп. По знаку царя прислужники несут целых быков и баранов с вызолоченными рогами, бочонки и ендывы¹ с пивом и мёдом, разную посуду и все принадлежности пира.

Х о р
 (допевает)

Даруй, бог света,
 Тёплое лето.
 Красное Солнце наше!
 Нет тебя в мире краше.
 Краснопогодное,
 Лето хлебородное.
 Красное Солнце наше!
 Нет тебя в мире краше.

¹ *Ендыва́* – широкий сосуд с отливом или носком.

1. Почему Снегурочка прибежала к лесному озеру? Что она поняла? Чего она хочет?

2. О чём она просит Весну-Красну? Прочитайте выразительно обращение дочери к матери.

3. Почему Снегурочка готова погибнуть лишь за «любви одно мгновение»?

4. Весна объясняет дочери, что цветы «вместе все, в один веночек душистый сплетясь пестро, сливая ароматы в одну струю, – зажгут все чувства разом». Значит, речь идёт не только о любви. А каких ещё чувств была лишена Снегурочка?

5. О чём предупреждает Весна дочь?

6. Что произошло со Снегурочкой, когда Весна надела на её голову веночек? Прочитайте выразительно слова Снегурочки.

7. Почему Снегурочка полюбила Мизгиря?

8. Любит ли Мизгирь Снегурочку? Слышит ли её, когда она говорит: «Но, милый мой, бежим скорее, спрячем любовь свою и счастье от Солнца. Грозит оно гибелью! ... Спасай свою Снегурочку!» Аргументируйте свои ответы.

9. Как вы понимаете слова Мизгиря: «Спасать тебя? Любовь твоя – спасенье изгнаннику»?

10. Какие чувства вы испытываете, узнав о гибели Снегурочки в конце пьесы?

11. Как вы можете объяснить реакцию царя Берендея на смерть Снегурочки и Мизгиря? Почему он говорит, что:

Снегурочки печальная кончина
И страшная гибель Мизгиря
Тревожить нас не могут; Солнце знает,
Кого карать и миловать. Свершился
Правдивый суд!

12. Как вы думаете, любовь – это основа всех других чувств? Докажите.

Вопросы ко всему тексту пьесы А. Н. Островского «Снегурочка»

1. Какие чувства, эмоции вы испытывали, читая «Снегурочку»?

2. Кто из героев вам больше всего понравился, почему? Составьте синквейн и дайте комментарий к нему.

3. **Групповая работа.** Озаглавьте Пролог и все четыре действия и составьте по ним цитатный план.

Например: Пролог. 1) «Весна-Красна спускается на землю».

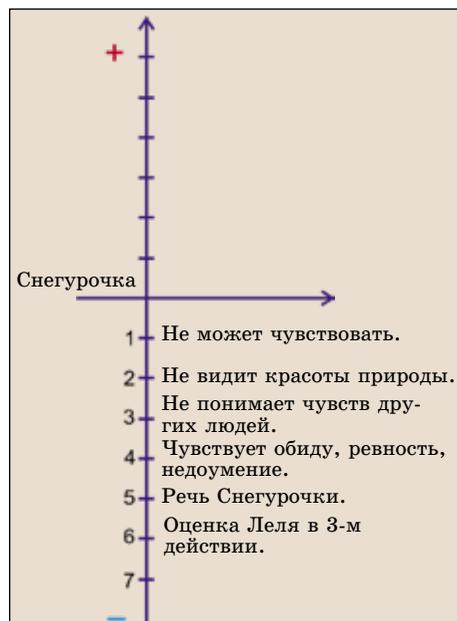
2) «Нерадостно и холодно встречает Весну свою утрюмая страна».

3) «Со старым я поссориться боюсь».

4. Используя приём «Кластер», напишите характеристики Купавы, Леля, Мизгиря.

- +** 5. Используя график, заполните положительную часть оси ординат. Какие изменения произошли в Снегурочке?
- 📄** 6. Какие традиции и обычаи описываются в пьесе-сказке? Подготовьте подробное выступление по теме «Традиции и обычаи русского народа в пьесе-сказке “Снегурочка”».
7. Какие традиции и обычаи казахского народа соответствуют традициям и обычаям русского народа, описанным в пьесе-сказке «Снегурочка»?
8. В каких видах искусства встречается образ Снегурочки?
- 🔒** 9. Напишите научный проект на одну из тем: «Мир природы и его значение в пьесе-сказке “Снегурочка”»; «Сказочные и мифологические элементы в весенней сказке “Снегурочка”»; «Образы Снегурочки в картинах русских художников В.М. Васнецова, М.А. Врубеля и Н.К. Рериха».

В. М. Васнецов.
Снегурочка

М. А. Врубель.
Снегурочка

Н. К. Рерих.
Снегурочка

- 📄** 10. Посмотрите фрагмент (фрагменты) оперы или мультипликационного фильма «Снегурочка» (на выбор). Ответьте на вопросы:
- 1) Какой композитор написал оперу «Снегурочка»?
  - 2) Как ария и ариетта Снегурочки в Прологе раскрывают её образ?
  - 3) Какие картины природы вы увидели, прослушав оркестровое вступление, «Хор птиц»?

И. С. Тургенев

БЕЖИН ЛУГ

В начале 1847 года И.С. Тургенев надолго уехал за границу, но перед отъездом писатель передал в журнал «Современник» свой очерк «Хорь и Калиныч». Неожиданный успех очерка у читателей навёл Тургенева на мысль написать ещё несколько подобных произведений, которые стали выходить на страницах «Современника» регулярно на протяжении пяти лет. В 1852 году писатель объединил эти рассказы и очерки в отдельную книгу, которую назвал «Записками охотника» (рассказ «Бежин луг» входит в её состав). В разлуке с родиной крепла любовь Тургенева к ней, усиливался его интерес к светлым сторонам русской жизни, пробуждались давние впечатления, накопленные во время поездок на охоту в Спасское. «Записки охотника» сыграли важную роль в творчестве Тургенева. Обратившись к изображению народной жизни, писатель нашёл ту тему, которая позволила ему быть самим собой – наблюдателем и философом, беспощадным критиком крепостного права и человеком, любящим свой народ и свою землю. Император Александр II признавал, что в его решении освободить крестьян свою роль сыграла и книга И.С. Тургенева «Записки охотника».

Был прекрасный июльский день, один из тех дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. С самого раннего утра небо ясно; утренняя заря не пылает пожаром: она разливается кротким румянцем. Солнце – не огнистое, не раскалённое, как во время знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей, но светлое и приветно-лучезарное – мирно всплывает под узкой и длинной тучкой, свежо просияет и погрузится в лиловый её туман. Верхний, тонкий край растянутого облачка засверкает змейками; блеск их подобен блеску кованого серебра... Но вот опять хлынули играющие лучи, – и весело и величаво, словно взлетая, поднимается могучее светило. Около полудня обыкновенно появляется множество круглых высоких облаков, золотисто-серых, с нежными белыми краями. Подобно островам, разбросанным по бесконечно разлившейся реке, обтекающей их глубоко прозрачными рукавами ровной синевы, они почти не трогаются с места; далее, к небосклону, они сдвигаются, теснятся, синевы между ними уже не видать; но сами они так же лазурны, как небо: они все насквозь проникнуты светом и теплотой. Цвет небосклона, лёгкий, бледно-лиловый, не изменяется во весь день и кругом одинаков; нигде не темнеет, не густеет гроза; разве кое-где протянутся сверху вниз

голубоватые полосы: то сеется едва заметный дождь. К вечеру эти облака исчезают; последние из них, черноватые и неопределённые, как дым, ложатся розовыми клубами напротив заходящего солнца; на месте, где оно закатилось, так же спокойно, как спокойно вошло на небо, алое сияние стоит недолгое время над потемневшей землёй, и, тихо мигая, как бережно несомая свечка, затеплится на нём вечерняя звезда. В такие дни краски все смягчены; светлы, но не яркие; на всём лежит печать какой-то трогательной кротости. В такие дни жар бывает иногда весьма силён, иногда даже «парит» по скатам полей; но ветер разгоняет, раздвигает накопившийся зной, и вихри-круговороты – несомненный признак постоянной погоды – высокими белыми столбами гуляют по дорогам через пашню. В сухом и чистом воздухе пахнет полынью, сжатой рожью, гречихой; даже за час до ночи вы не чувствуете сырости. Подобной погоды желает земледелец для уборки хлеба...

В такой точно день охотился я однажды за тетеревами в Чернском уезде, Тульской губернии. Я нашёл и настрелял довольно много дичи; наполненный ягдташ немилосердно резал мне плечо; но уже вечерняя заря погасала, и в воздухе, ещё светлом, хотя не озарённом более лучами закатившегося солнца, начинали густеть и разливаться холодные тени, когда я решился, наконец, вернуться к себе домой. Быстрыми шагами прошёл я длинную «площадь» кустов, взобрался на холм и, вместо ожидаемой знакомой равнины с дубовым леском направо и низенькой белой церковью в отдалении, увидел совершенно другие, мне не известные места. У ног моих тянулась узкая долина; прямо, напротив, крутой стеной возвышался частый осинник. Я остановился в недоумении, оглянулся... «Эге! – подумал я, – да это я совсем не туда попал: я слишком забрал вправо», – и, сам дивясь своей ошибке, проворно спустился с холма. Меня тотчас охватила неприятная, неподвижная сырость, точно я вошёл в погреб; густая высокая трава на дне долины, вся мокрая, белела ровной скатертью; ходить по ней было как-то жутко. Я поскорей выкарабкался на другую сторону и пошёл, забирая влево, вдоль осинника. Летучие мыши уже носились над его заснувшими верхушками, таинственно кружась и дрожа на смутно-ясном небе; резво и прямо пролетел в вышине запоздалый ястребок, спеша

в своё гнездо. «Вот как только я выйду на тот угол, – думал я про себя, – тут сейчас и будет дорога, а с версту крюку я дал!»

Я добрался, наконец, до угла леса, но там не было никакой дороги: какие-то некошеные, низкие кусты широко расстились передо мною, а за ними, далеко-далеко, виднелось пустынное поле. Я опять остановился. «Что за притча?.. Да где же я?» Я стал припоминать, как и куда ходил в течение дня... «Э! да это Парахинские кусты! – воскликнул я наконец, – точно! Вон это, должно быть, Синдеевская роща... Да как же это я сюда зашёл? Так далеко?.. Странно! Теперь опять нужно вправо взять».

Я пошёл вправо, через кусты. Между тем ночь приближалась и росла, как грозовая туча; казалось, вместе с вечерними парами отовсюду поднималась и даже с вышины лилась темнота. Мне попала какая-то неторная, заросшая дорожка; я отправился по ней, внимательно поглядывая вперёд. Всё кругом быстро чернело и утихало, – одни перепела изредка кричали. Небольшая ночная птица, неслышно и низко мчавшаяся на своих мягких крыльях, почти наткнулась на меня и пугливо нырнула в сторону. Я вышел на опушку кустов и побрёл по полю межой. Уже я с трудом различал отдалённые предметы; поле неясно белело вокруг; за ним, с каждым мгновением надвигаясь, громадными клубами вздымался угрюмый мрак. Глухо отдавались мои шаги в застывающем воздухе. Побледневшее небо стало опять синеть – но то уже была синева ночи. Звёздочки замелькали, зашевелились на нём.

Что я было принял за рощу, оказалось тёмным и круглым бугром. «Да где же это я?» – повторил я опять вслух, остановился в третий раз и вопросительно посмотрел на свою английскую жёлто-пегую собаку Дианку, решительно умнейшую из всех четвероногих тварей. Но умнейшая из четвероногих тварей только повиляла хвостиком, уныло моргнула усталыми глазками и не подала мне никакого дельного совета. Мне стало совестно перед ней, и я отчаянно устремился вперёд, словно вдруг догадался, куда следовало идти, обогнул бугор и очутился в неглубокой, кругом распаханной лощине¹. Странное чувство тотчас овладело мной. Лощина эта имела вид почти правильного котла с пологими боками;

¹ *Лощина* – низменная долина с пологими склонами.

на дне её торчало стоймя несколько больших белых камней, – казалось, они сползлись туда для тайного совещания, – и до того в ней было немо и глухо, так плоско, так уныло висело над нею небо, что сердце у меня сжалось. Какой-то зверок слабо и жалобно пискнул между камней. Я поспешил выбраться назад на бугор. До сих пор я всё еще не терял надежды сыскать дорогу домой; но тут я окончательно удостоверился в том, что заблудился совершенно, и, уже нисколько не стараясь узнавать окрестные места, почти совсем потонувшие во мгле, пошёл себе прямо, по звёздам – наудалую... Около получаса шёл я так, с трудом переставляя ноги. Казалось, отроду не бывал я в таких пустых местах: нигде не мерцал огонёк, не слышалось никакого звука. Один пологий холм сменялся другим, поля бесконечно тянулись за полями, кусты словно вставали вдруг из земли перед самым моим носом. Я всё шёл и уже собирался было прилечь где-нибудь до утра, как вдруг очутился над страшной бездной.

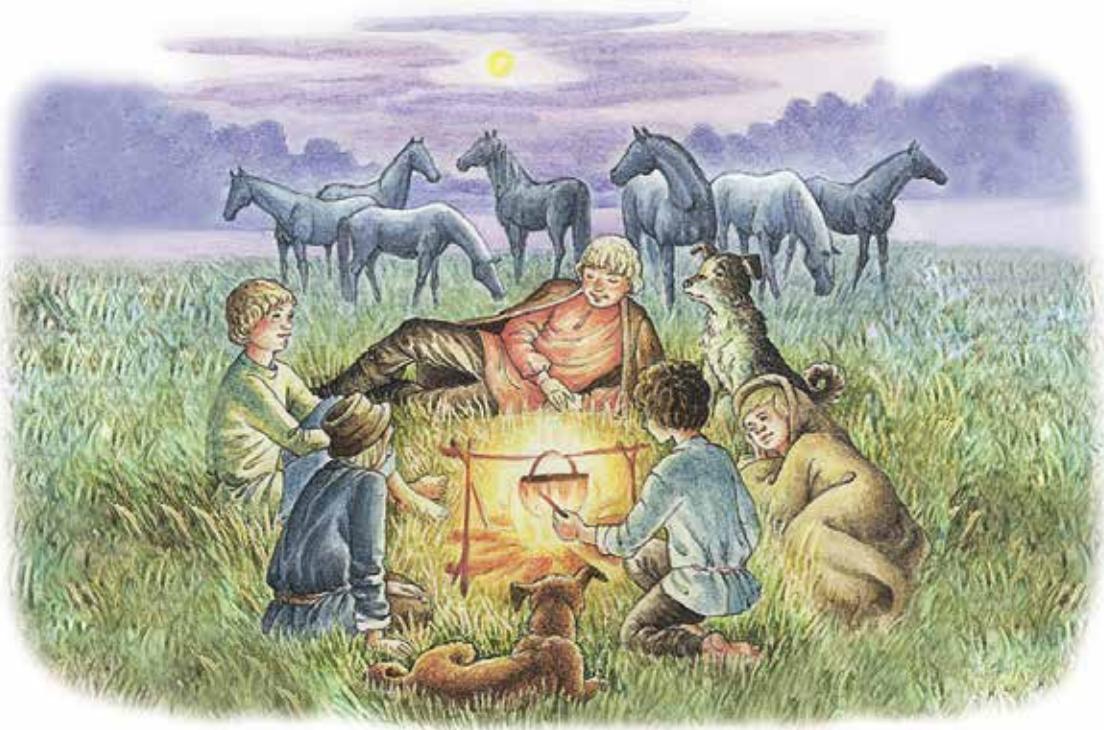
Я быстро отдёрнул занесённую ногу и, сквозь едва прозрачный сумрак ночи, увидел далеко под собою огромную равнину. Широкая река огибала её уходящим от меня полукругом; стальные отблески воды, изредка и смутно мерцая, обозначали её течение. Холм, на котором я находился, спускался вдруг почти отвесным обрывом; его громадные очертания отделялись, чернея, от синеватой воздушной пустоты, и прямо подо мною, в углу, образованном тем обрывом и равниной, возле реки, которая в этом месте стояла неподвижным, тёмным зеркалом, под самой кручью холма, красным пламенем горели и дымились друг подле дружки два огонька. Вокруг них копошились люди, колебались тени, иногда ярко освещалась передняя половина маленькой кудрявой головы...

Я узнал, наконец, куда я зашёл. Этот луг славится в наших околотках под названием Бежина луга... Но вернуться домой не было никакой возможности, особенно в ночную пору; ноги подкашивались подо мной от усталости. Я решился подойти к огонькам и в обществе тех людей, которых принял за гуртовщиков, дожждаться зари. Я благополучно спустился вниз, но не успел выпустить из рук последнюю ухваченную мною ветку, как вдруг две большие, белые, лохматые собаки со злобным лаем бросились

на меня. Детские звонкие голоса раздались вокруг огней; два-три мальчика быстро поднялись с земли. Я откликнулся на их вопросительные крики. Они подбежали ко мне, отозвали тотчас собак, которых особенно поразило появление моей Дианки, и я подошёл к ним.

Я ошибся, приняв людей, сидевших вокруг тех огней, за гуртовщиков. Это просто были крестьянские ребятишки из соседних деревень, которые стерегли табун. В жаркую летнюю пору лошадей выгоняют у нас на ночь кормиться в поле: днём мухи и оводы не дали бы им покоя. Выгонять перед вечером и пригонять на утренней заре табун – большой праздник для крестьянских мальчиков. Сидя без шапок и в старых полушубках на самых бойких клячонках, мчатся они с весёлым гиканьем и криком, болтая руками и ногами, высоко подпрыгивают, звонко хохочут. Лёгкая пыль жёлтым столбом поднимается и несётся по дороге; далеко разносится дружный топот, лошади бегут, наострив уши; впереди всех, задравши хвост и беспрестанно меняя ногу, скачет какой-нибудь рыжий космач, с репейником в спутанной гриве.

Я сказал мальчикам, что заблудился, и подсел к ним. Они спросили меня, откуда я, помолчали, посторонились. Мы немного поговорили. Я прилёг под обглоданный кустик и стал глядеть кругом. Картина была чудесная: около огней дрожало и как будто замирало, упираясь в темноту, круглое красноватое отражение; пламя, вспыхивая, изредка забрасывало за черту того круга быстрые отблески; тонкий язык света лизнёт голые сучья лозника и разом исчезнет; острые, длинные тени, врываясь на мгновенье, в свою очередь, добежали до самых огоньков: мрак боролся со светом. Иногда, когда пламя горело слабее и кружок света суживался, из надвинувшейся тьмы внезапно выставлялась лошадиная голова, гнедая, с извилистой проточиной, или вся белая, внимательно и тупо смотрела на нас, проворно жуя длинную траву, и, снова опускаясь, тотчас скрывалась. Только слышно было, как она продолжала жевать и отфыркивалась. Из освещённого места трудно разглядеть, что делается в потёмках, и потому вблизи всё казалось задёрнутым почти чёрной завесой; но далее к небосклону длинными пятнами смутно виднелись холмы и леса. Тёмное чистое небо торжественно

и необъятно высоко стояло над нами со всем своим таинственным великолепием. Сладко стеснялась грудь, вдыхая тот особенный, томительный и свежий запах – запах русской летней ночи. Кругом не слышалось почти никакого шума... Лишь изредка в близкой реке с внезапной звучностью плеснёт большая рыба и прибрежный тростник слабо зашумит, едва поколебленный набежавшей волной... Одни огоньки тихонько потрескивали.

Мальчики сидели вокруг их; тут же сидели и те две собаки, которым так было захотелось меня съесть. Они ещё долго не могли примириться с моим присутствием и, сонливо щурясь и косясь на огонь, изредка рычали с необыкновенным чувством собственного достоинства; сперва рычали, а потом слегка визжали, как бы сожалея о невозможности исполнить своё желание. Всех мальчиков было пять: Федя, Павлуша, Ильюша, Костя и Ваня. (Из их разговоров я узнал их имена и намерен теперь же познакомить с ними читателя.)

Первому, старшему из всех, Феде, вы бы дали лет четырнадцать. Это был стройный мальчик, с красивыми и тонкими, немного мелкими чертами лица, кудрявыми белокурыми волосами, светлыми глазами и постоянной полувесёлой, полурассеянной улыбкой. Он принадлежал, по всем приметам, к богатой семье и выехал-то в поле не по нужде, а так, для забавы. На нём была пёстрая ситцевая рубаша с жёлтой каёмкой; небольшой новый армячок, надетый внакидку, чуть держался на его узеньких плечиках; на голубеньком поясе висел гребешок. Сапоги его с низкими голенищами были точно его сапоги – не отцовские. У второго мальчика, Павлуши, волосы были всклоченные, чёрные, глаза серые, скулы широкие, лицо бледное, рябое, рот большой, но правильный, вся голова огромная, как говорится, с пивной котёл, тело приземистое, неуклюжее. Малый был неказистый – что и говорить! – а всё-таки он мне понравился: глядел он очень умно и прямо, да и в голосе у него звучала сила. Одеждой своей он щеголять не мог: вся она состояла из простой замашной рубахи да из заплатанных портов¹. Лицо третьего, Ильюши, было довольно незначительно: горбоносое, вытянутое, подслеповатое, оно выражало какую-то тупую, болезненную заботливость; сжатые губы его не шевелились, сдвинутые брови не расходились – он словно всё щурился от огня. Его жёлтые, почти белые волосы торчали острыми косицами из-под низенькой войлочной шапочки, которую он обеими руками то и дело надвигал себе на уши. На нём были новые лапти и онучи²; толстая верёвка, три раза перевитая вокруг стана, тщательно стягивала его опрятную чёрную свитку³. И ему и Павлуше на вид было не более двенадцати лет. Четвёртый, Костя, мальчик

¹ *Портѳы* – то же, что штаны.

² *Онѳча* – обмотка для ноги под сапог или лапоть, портянка.

³ *Свѳта (свѳтка)* – верхняя длинная одежда.

лет десяти, возбуждал моё любопытство своим задумчивым и печальным взором. Всё лицо его было невелико, худо, в веснушках, книзу заострено, как у белки: губы едва было можно различить; но странное впечатление производили его большие, черные, жидким блеском блестящие глаза: они, казалось, хотели что-то высказать, для чего на языке, – на его языке по крайней мере, – не было слов. Он был маленького роста, сложения тщедушного¹ и одет довольно бедно. Последнего, Ваню, я сперва было и не заметил: он лежал на земле, смирённо прикорнув под угловатую рогожу, и только изредка выставлял из-под неё свою русую кудрявую голову. Этому мальчику было всего лет семь.

Итак, я лежал под кустиком в стороне и поглядывал на мальчиков. Небольшой котельчик висел над одним из огней; в нём варились «картошки». Павлуша наблюдал за ним и, стоя на коленях, тыкал щепкой в закипавшую воду. Федя лежал, опершись на локоть и раскинув полы своего армяка². Ильюша сидел рядом с Костей и всё так же напряжённо щурился. Костя понурил немного голову и глядел куда-то вдаль. Ваня не шевелился под своей рогожей. Я притворился спящим. Понемногу мальчики опять разговорились.

Сперва они покалякали о том и сём, о завтрашних работах, о лошадях; но вдруг Федя обратился к Ильюше и, как бы возобновляя прерванный разговор, спросил его:

– Ну, и что ж ты, так и видел домового?

– Нет, я его не видал, да его и видеть нельзя, – отвечал Ильюша сильным и слабым голосом, звук которого как нельзя более соответствовал выражению его лица, – а слышал... Да и не я один.

– А он у вас где водится? – спросил Павлуша.

– В старой рольне³.

– А разве вы на фабрику ходите?

– Как же, ходим. Мы с братом, с Авдюшкой, в лисовщиках состоим.

¹ *Тщедушный* – хилый, слабосильный.

² *Армяк* – в старину у крестьян: кафтан из толстого сукна.

³ «Рольней», или «черпальной», на бумажных фабриках называется то строение, где в чанах вычеркивают бумагу. Она находится у самой плотины под колесом. (*Прим. автора.*)

– Вишь ты – фабричные!..

– Ну, так как же ты его слышал? – спросил Федя.

– А вот как. Пришлось нам с братом Авдюшкой, да с Фёдором Михеевским, да с Ивашкой Косым, да с другим Ивашкой, что с Красных Холмов, да ещё с Ивашкой Сухоруковым, да ещё были там другие ребята; всех было нас ребяток человек десять – как есть вся смена; но а пришлось нам в рольне заночевать, то есть не то чтобы этак пришлось, а Назаров, надсмотрщик, запретил; говорит: «Что, мол, вам, ребятам, домой таскаться; завтра работы много, так вы, ребятки, домой не ходите». Вот мы остались и лежим все вместе, и зачал Авдюшка говорить, что, мол, ребята, ну, как домовой придёт?.. И не успел он, Авдей-от, проговорить, как вдруг кто-то над головами у нас и заходил; но а лежали-то мы внизу, а заходил он наверху, у колеса. Слышим мы: ходит, доски под ним так и гнутся, так и трещат; вот прошёл он через наши головы; вода вдруг по колесу как зашумит, зашумит; застучит, застучит колесо, завертится; но а заставки у дворца-то¹ спущены. Дивимся мы: кто ж это их поднял, что вода пошла; однако колесо повертелось, повертелось да и стало. Пошёл тот опять к двери наверху да по лестнице спускаться стал, и этак спускается, словно не торопится; ступеньки под ним так даже и стонут... Ну, подошёл тот к нашей двери, подождал, подождал – дверь вдруг вся так и распахнулась. Всполохнулись мы, смотрим – ничего... Вдруг, глядь, у одного чана форма² зашевелилась, поднялась, окунулась, походила, походила этак по воздуху, словно кто ею полоскал, да и опять на место. Потом у другого чана крюк снялся с гвоздя да опять на гвоздь; потом будто кто-то к двери пошёл да вдруг как закашляет, как заперхает, словно овца какая, да зычно так... Мы все так ворохом и свалились, друг под дружку полезли... Уж как же мы напужались о ту пору!

– Вишь как! – промолвил Павел. – Чего ж он раскашлялся?

– Не знаю; может, от сырости.

Все помолчали.

– А что, – спросил Федя, – картошки сварились?

¹ «Дворцом» называется у нас место, по которому вода бежит на колесо. (Прим. автора.)

² Сетка, которой бумагу черпают (Прим. автора.)

Павлуша пощупал их.

– Нет, ещё сыры... Вишь, плеснула, – прибавил он, повернув лицо в направлении реки, – должно быть, щука... А вон звёздочка покатилась.

– Нет, я вам что, братцы, расскажу, – заговорил Костя тонким голоском, – послушайте-ка, намеднись¹ что тятя при мне рассказывал.

– Ну, слушаем, – с покровительствующим видом сказал Федя.

– Вы ведь знаете Гаврилу, слободского плотника?

– Ну да; знаем.

– А знаете ли, отчего он такой всё невесёлый, всё молчит, знаете? Вот отчего он такой невесёлый. Пошёл он раз, тятенька говорил, – пошёл он, братцы мои, в лес по орехи. Вот пошёл он в лес по орехи да и заблудился; зашёл – бог знает куда зашёл. Уж он ходил, ходил, братцы мои, – нет! не может найти дороги; а уж ночь на дворе. Вот и присел он под дерево; давай, мол, дождусь утра, – присел и задремал. Вот задремал и слышит вдруг, кто-то его зовёт. Смотрит – никого. Он опять задремал – опять зовут. Он опять глядит, глядит: а перед ним на ветке русалка сидит, качается и его к себе зовёт, а сама помирает со смеху, смеётся... А месяц-то светит сильно, так сильно, явственно светит месяц – всё, братцы мои, видно. Вот зовёт она его, и такая вся сама светленькая, беленькая сидит на ветке, словно плотичка какая или пескарь, – а то вот ещё карась бывает такой белесоватый, серебряный... Гаврила-то плотник так и обмер, братцы мои, а она знай хохочет да его всё к себе этак рукой зовёт. Уж Гаврила было и встал, послушался было русалки, братцы мои, да, знать, господь его надоумил: положил-таки на себя крест... А уж как ему было трудно крест-то класть, братцы мои; говорит, рука просто как каменная, не ворочается... Ах ты этакой, а!.. Вот как положил он крест, братцы мои, русалочка-то и смеяться перестала, да вдруг как заплачет... Плачет она, братцы мои, глаза волосами утирает, а волоса у неё зелёные, что твоя конопля. Вот поглядел, поглядел на неё Гаврила, да и стал её спрашивать: «Чего ты, лесное зелье, плачешь?» А русалка-то как взговорит ему: «Не креститься бы тебе, говорит, человеке, жить бы тебе со мной на веселии до конца дней; а плачу я, убиваюсь оттого,

¹ *Намеднись* (*намедни*) – совсем недавно, на днях.

что ты крестился; да не я одна убиваться буду: убивайся же и ты до конца дней». Тут она, братцы мои, пропала, а Гавриле тотчас и понятственно стало, как ему из лесу, то есть, выйти... А только с тех пор вот он всё невесёлый ходит.

– Эка! – проговорил Федя после недолгого молчанья, – да как же это может этакая лесная нечисть христианскую душу спортить, – он же её не послушался?

– Да вот поди ты! – сказал Костя. – И Гаврила баил¹, что голосок, мол, у ней такой тоненький, жалобный, как у жабы.

– Твой батька сам это рассказывал? – продолжал Федя.

– Сам. Я лежал на полатах, всё слышал.

– Чудное дело! Чего ему быть невесёлым?.. А, знать, он ей понравился, что позвала его.

– Да, понравился! – подхватил Ильюша. – Как же! Защекотать она его хотела, вот что она хотела. Это ихнее дело, этих русалок-то.

– А ведь вот и здесь должны быть русалки, – заметил Федя.

– Нет, – отвечал Костя, – здесь место чистое, вольное. Одно – река близко.

Все смолкли. Вдруг, где-то в отдалении, раздался протяжный, звенящий, почти стелющийся звук, один из тех непонятных ночных звуков, которые возникают иногда среди глубокой тишины, поднимаются, стоят в воздухе и медленно разносятся наконец, как бы замирая. Прислушаешься – и как будто нет ничего, а звенит. Казалось, кто-то долго, долго прокричал под самым небосклоном, кто-то другой как будто отозвался ему в лесу топким, острым хохотом, и слабый, шипящий свист промчался по реке. Мальчики переглянулись, вздрогнули...

– С нами крестная сила! – шепнул Илья.

– Эх вы, вороны! – крикнул Павел, – чего всполохнулись? Посмотрите-ка, картошки сварились. (Все пододвинулись к котельчику и начали есть дымящийся картофель; один Ваня не шевельнулся.) Что же ты? – сказал Павел.

Но он не вылез из-под своей рогожи. Котельчик скоро весь опорожнился.

– А слышали вы, ребятки, – начал Ильюша, – что намерднись у нас на Варнавицах приключилось?

¹ *Баить* – говорить.

– На плотине-то? – спросил Федя.

– Да, да, на плотине, на прорванной. Вот уж нечистое место, так нечистое, и глухое такое. Кругом всё такие буераки, овраги, а в оврагах всё казюли¹ водятся. <...>

Не успел рассказчик произнести это последнее слово, как вдруг обе собаки разом поднялись, с судорожным лаем ринулись прочь от огня и исчезли во мраке. Все мальчики перепугались. Ваня выскочил из-под своей рогожи. Павлуша с криком бросился вслед за собаками. Лай их быстро удалялся... Послышалась беспокойная беготня встревоженного табуна. Павлуша громко кричал: «Серый! Жучка!..» Через несколько мгновений лай замолк; голос Павла принёсся уже издалека... Прошло ещё немного времени; мальчики с недоумением переглядывались, как бы выжидая, что-то будет... Внезапно раздался топот скачущей лошади; круто остановилась она у самого костра, и, уцепившись за гриву, проворно спрыгнул с неё Павлуша. Обе собаки также вскочили в кружок света и тотчас сели, высунув красные языки.

– Что там? что такое? – спросили мальчики.

– Ничего, – отвечал Павел, махнув рукой на лошадь, – так, что-то собаки зачуяли. Я думал, волк, – прибавил он равнодушным голосом, проворно дыша всей грудью.

Я невольно полюбовался Павлушей. Он был очень хорош в это мгновение. Его некрасивое лицо, оживлённое быстрой ездой, горело смелой удалью и твёрдой решимостью. Без хворостинки в руке, ночью, он, нимало не колеблясь, поскакал один на волка... «Что за славный мальчик!» – думал я, глядя на него.

– А видали их, что ли, волков-то? – спросил трусишка Костя.

– Их всегда здесь много, – отвечал Павел, – да они беспокойны только зимой.

Он опять прикорнул перед огнём. Садясь на землю, уронил он руку на мохнатый затылок одной из собак, и долго не поворачивало головы обрадованное животное, с признательной гордостью посматривая сбоку на Павлушу.

Ваня опять забился под рогожку.

– А какие ты нам, Илюшка, страхи рассказывал, – заговорил Федя, которому, как сыну богатого крестьянина, приходилось быть

¹ По-орловскому: змеи. (Прим. автора.)

запевалой (сам же он говорил мало, как бы боясь уронить своё достоинство). – Да и собак тут нелёгкая дёрнула залаять... А точно, я слышал, это место у вас нечистое.

– Варнавицы?.. Ещё бы! ещё какое нечистое! Там не раз, говорят, старого барина видали – покойного барина. Ходит, говорят, в кафтане долгополом и всё это этак охает, чего-то на земле ищет. Его раз дедушка Трофимыч повстречал: «Что, мол, батюшка, Иван Иваныч, изволишь искать на земле?»

– Он его спросил? – перебил изумлённый Федя.

– Да, спросил.

– Ну, молодец же после этого Трофимыч... Ну, и что ж тот?

– Разрыв-травы, говорит, ищу. Да так глухо говорит, глухо: – раз-рыв-травы. – А на что тебе, батюшка Иван Иваныч, разрыв-травы? – Давит, говорит, могила давит, Трофимыч: вон хочется, вон...

– Вишь какой! – заметил Федя, – мало, знать, пожил.

– Экое диво! – промолвил Костя. – Я думал, покойников можно только в родительскую субботу видеть.

– Покойников во всяк час видеть можно, – с уверенностью подхватил Ильюша, который, сколько я мог заметить, лучше других знал все сельские поверья... – Но а в родительскую субботу ты можешь и живого увидеть, за кем, то есть, в том году очередь помирать. Стоит только ночью сесть на паперть¹ на церковную да всё на дорогу глядеть. Те и пойдут мимо тебя по дороге, кому, то есть, умирать в том году. Вот у нас в прошлом году баба Ульяна на паперть ходила.

– Ну, и видела она кого-нибудь? – с любопытством спросил Костя.

– Как же. Перво-наперво она сидела долго, долго, никого не видала и не слыхала... только всё как будто собачка этак залает, залает где-то... Вдруг, смотрит: идёт по дорожке мальчик в одной рубашонке. Она приглянулась – Ивашка Федосеев идёт...

– Тот, что умер весной? – перебил Федя.

– Тот самый. Идёт и головушки не подымает... А узнала его Ульяна... Но а потом смотрит: баба идёт. Она вглядываться, вглядываться – ах ты, господи! – сама идёт по дороге, сама Ульяна.

¹ Паперть – крыльцо перед входом в церковь.

– Неужто сама? – спросил Федя.

– Ей-богу, сама.

– Ну что ж, ведь она ещё не умерла?

– Да году-то ещё не прошло. А ты посмотри на неё: в чём душа держится.

Все опять притихли. Павел бросил горсть сухих сучьев на огонь. Резко зачернелись они на внезапно вспыхнувшем пламени, затрещали, задымились и пошли коробиться, приподнимая обожжённые концы. Отражение света ударило, порывисто дрожа, во все стороны, особенно кверху. Вдруг откуда ни возьмись белый голубок, – налетел прямо в это отражение, пугливо повертелся на одном месте, весь обливаясь горячим блеском, и исчез, звеня крылами.

– Знать, от дому отбился, – заметил Павел. – Теперь будет лететь, покуда на что наткнётся, и где ткнёт, там и ночует до зари.

– А что, Павлуша, – промолвил Костя, – не праведная ли эта душа летела на небо, ась?

Павел бросил другую горсть сучьев на огонь.

– Может быть, – проговорил он наконец.

– А скажи, пожалуй, Павлуша, – начал Федя, – что, у вас тоже в Шаламове было видать предвиденье-то небесное¹?

– Как солнца-то не стало видно? Как же.

– Чай, напугались и вы?

– Да не мы одни. Барин-то наш, хоша и толковал нам напредки, что, дескать, будет вам предвиденье, а как затемнело, сам, говорят, так перетрусился, что на-поди. А на дворовой избе баба стряпуха, так та, как только затемнело, слышь, взяла да ухватом все горшки перебила в печи: «Кому теперь есть, говорит, наступило светопрестановление». Так шти² и потекли. А у нас на деревне такие, брат, слухи ходили, что, мол, белые волки по земле побегут, людей есть будут, хищная птица полетит, а то и самого Тришку³ увидят.

– Какого это Тришку? – спросил Костя.

– А ты не знаешь? – с жаром подхватил Ильюша, – ну, брат, откентелева же ты, что Тришки не знаешь? Сидни же у вас в деревне

¹ Так мужики называют у нас солнечное затмение. (Прим. автора.)

² Шти (просторечн.) – щи.

³ В поверье о «Тришке», вероятно, отозвалось сказание об антихристе. (Прим. автора.)

сидят, вот уж точно сидни! Тришка – эвто будет такой человек удивительный, который придёт; а придёт он, когда наступят последние времена. И будет он такой удивительный человек, что его и взять нельзя будет, и ничего ему сделать нельзя будет: такой уж будет удивительный человек. Захотят его, например, взять хрестьяне; выйдут на него с дубьём, оцепят его, но а он им глаза отведёт – так отведёт им глаза, что они же сами друг друга побьют. В острог его посадят, например, – он попросит водицы испить в ковшике: ему принесут ковшик, а он нырнёт туда, да и поминай как звали. Цепи на него наденут, а он в ладошки затрепещется – они с него так и попадают. Ну, и будет ходить этот Тришка по сёлам да по городам; и будет этот Тришка, лукавый человек, соблазнять народ хрестиянский... ну, а сделать ему нельзя будет ничего... Уж такой он будет удивительный, лукавый человек.

– Ну да, – продолжал Павел своим неторопливым голосом, – такой. Вот его-то и ждали у нас. Говорили старики, что вот, мол, как только предвиденье небесное зачнётся, так Тришка и придёт. Вот и зачалось предвиденье. Высыпал весь народ на улицу, в поле, ждёт, что будет. А у нас, вы знаете, место видное, привольное. Смотрят – вдруг от слободки с горы идёт какой-то человек, такой мудрёный, голова такая удивительная... Все как крикнут: «Ой, Тришка идёт! ой, Тришка идёт!» – да кто куды! Староста наш в канаву залез; старостиха в подворотне застряла, благим матом кричит, свою же дворную собаку так запужала, что та с цепи долой, да через плетень, да в лес; а Кузькин отец, Дорофеич, вскочил в овёс, присел, да и давай кричать перепелом: «Авось, мол, хоть птицу-то враг, душегубец, пожалеет». Таково-то все переполошились!.. А человек-то это шёл наш бочар¹, Вавила: жбан² себе новый купил да на голову пустой жбан и надел.

Все мальчишки засмеялись и опять приумолкли на мгновенье, как это часто случается с людьми, разговаривающими на открытом воздухе. Я поглядел кругом: торжественно и царственно стояла ночь; сырую свежесть позднего вечера сменила полуночная сухая

¹ *Бочар* – то же, что бондарь, мастер по изготовлению бочек.

² *Жбан* – сосуд в виде кувшина с крышкой.

теплынъ, и ещё долго было ей лежать мягким пологом на заснувших полях; ещё много времени оставалось до первого лепета, до первых шорохов и шелестов утра, до первых росинок зари. Луны не было на небе: она в ту пору поздно всходила. Бесчисленные золотые звёзды, казалось, тихо текли все, наперерыв мерцая, по направлению Млечного Пути, и, право, глядя на них, вы как будто смутно чувствовали сами стремительный, безостановочный бег земли...

Странный, резкий, болезненный крик раздался вдруг два раза сряду над рекой и спустя несколько мгновений повторился уже далее...

Костя вздрогнул. «Что это?»

– Это цапля кричит, – спокойно возразил Павел.

– Цапля, – повторил Костя... – А что такое, Павлуша, я вчера слышал вечером, – прибавил он, помолчав немного, – ты, может быть, знаешь...

– Что ты слышал?

– А вот что я слышал. Шёл я из Каменной Гряды в Шашкино; а шёл сперва всё нашим орешником, а потом лужком пошёл – знаешь, там, где он сугибелью¹ выходит, – там ведь есть бучило²; знаешь, оно еще всё камышом заросло; вот пошёл я мимо этого бучила, братцы мои, и вдруг из того-то бучила как застонет кто-то, да так жалостливо, жалостливо: у-у... у-у... у-у! Страх такой меня взял, братцы мои: время-то позднее, да и голос такой болезный. Так вот, кажется, сам бы и заплакал... Что бы это такое было? ась?

– В этом бучиле в запрошлом лете Акима-лесника утопили воры, – заметил Павлуша, – так, может быть, его душа жалобится.

– А ведь и то, братцы мои, – возразил Костя, расширив свои и без того огромные глаза... – Я и не знал, что Акима в том бучиле утопили: я бы ещё не так напужался.

– А то, говорят, есть такие лягушки махонькие, – продолжал Павел, – которые так жалобно кричат.

– Лягушки? Ну, нет, это не лягушки... какие это... (Цапля опять прокричала над рекой.) – Эк её! – невольно произнёс Костя, – словно леший кричит.

¹ *Сугибель* – крутой поворот в овраге. (Прим. автора.)

² *Бучило* – глубокая яма с весенней водой, оставшейся после половодья, которая не пересыхает даже летом. (Прим. автора.)

– Леший не кричит, он немой, – подхватил Ильюша, – он только в ладоши хлопает да трещит...

– А ты его видал, лешего-то, что ли? – насмешливо перебил его Федя.

– Нет, не видал, и сохрани бог его видеть; но а другие видели. Вот на днях он у нас мужичка обошел: водил, водил его по лесу, и всё вокруг одной поляны... Едва-те к свету домой добился.

– Ну, и видел он его?

– Видел. Говорит, такой стоит большой, большой, тёмный, скутанный, этак словно за деревом, хорошенько не разберёшь, словно от месяца прячется, и глядит, глядит глазищами-то, моргает ими, моргает...

– Эх ты! – воскликнул Федя, слегка вздрогнув и передёрнув плечами, – пфу!..

– И зачем эта погань в свете развелась? – заметил Павел. – Не понимаю, право!

– Не бранись: смотри, услышит, – заметил Илья.

Настало опять молчание.

– Гляньте-ка, гляньте-ка, ребятки, – раздался вдруг детский голос Вани, – гляньте на божьи звёздочки, – что пчёлки роятся!

Он выставил своё свежее личико из-под рогожи, опёрся на кулачок и медленно поднял кверху свои большие тихие глаза. Глаза всех мальчиков поднялись к небу и не скоро опустились.

– А что, Ваня, – ласково заговорил Федя, – что, твоя сестра Анютка здорова?

– Здорова, – отвечал Ваня, слегка картавя.

– Ты ей скажи – что она к нам, отчего не ходит?..

– Не знаю.

– Ты ей скажи, чтобы она ходила.

– Скажу.

– Ты ей скажи, что я ей гостинца дам.

– А мне дашь?

– И тебе дам.

Ваня вздохнул.

– Ну, нет, мне не надо. Дай уж лучше ей: она такая у нас добренькая.

И Ваня опять положил свою голову на землю. Павел встал и взял в руку пустой котельчик.

– Куда ты? – спросил его Федя.

– К реке, водицы зачерпнуть: водицы захотелось испить.

Собаки поднялись и пошли за ним.

– Смотри, не упади в реку! – крикнул ему вслед Ильюша.

– Отчего ему упасть? – сказал Федя, – он остережётся.

– Да, остережётся. Всяко бывает: он вот нагнётся, станет черпать воду, а водяной его за руку схватит да потащит к себе. Станут потом говорить: упал, дескать, малый в воду... А какое упал?.. Во-вон, в камыши полез, – прибавил он, прислушиваясь.

Камыши точно, раздвигаясь, «шуршали», как говорится у нас.

– А правда ли, – спросил Костя, – что Акулина-дурочка с тех пор и рехнулась, как в воде побывала?

– С тех пор... Какова теперь! Но а говорят, прежде красавица была. Водяной её испортил. Знать, не ожидал, что её скоро вытащут. Вот он её, там у себя на дне, и испортил.

(Я сам не раз встречал эту Акулину. Покрытая лохмотьями, страшно худая, с чёрным, как уголь, лицом, помутившимся взором и вечно оскаленными зубами, топчется она по целым часам на одном месте, где-нибудь на дороге, крепко прижав костлявые руки к груди и медленно переваливаясь с ноги на ногу, словно дикий зверь в клетке. Она ничего не понимает, что бы ей ни говорили, и только изредка судорожно хохочет.)

– А помнишь Васю? – печально прибавил Костя.

– Какого Васю? – спросил Федя.

– А вот того, что утонул, – отвечал Костя, – в этой вот в самой реке. Уж какой же мальчик был! и-их, какой мальчик был! Мать-то его, Феклиста, уж как же она его любила, Васю-то! И словно чуяла она, Феклиста-то, что ему от воды погибель произойдёт. Бывало, пойдёт от Вася с нами, с ребятами, летом в речку купаться, – она так вся и встрепещется. Другие бабы ничего, идут себе мимо с корытами, переваливаются, а Феклиста поставит корыто наземь и станет его кликать: «Вернись, мол, вернись, мой светик! ох, вернись, соколик!» И как утонул, господь знает. Играл на бережку, и мать тут же была, сено сгребала; вдруг слышит, словно кто пузыри по

воде пускает, – глядь, а только уж одна Васина шапонька по воде плывёт. Ведь вот с тех пор и Феклиста не в своём уме: придёт да и ляжет на том месте, где он утоп; ляжет, братцы мои, да и затянет песенку, – помните, Вася-то всё такую песенку певал, – вот её-то она и затянет, а сама плачет, плачет, горько богу жалится...

– А вот Павлуша идёт, – молвил Федя.

Павел подошёл к огню с полным котельчиком в руке.

– Что, ребята, – начал он, помолчав, – неладно дело.

– А что? – торопливо спросил Костя.

– Я Васин голос слышал.

Все так и вздрогнули.

– Что ты, что ты? – пролепетал Костя.

– Ей-богу. Только стал я к воде нагибаться, слышу вдруг зовут меня этак Васиным голоском и словно из-под воды: «Павлуша, а Павлуша!» Я слушаю; а тот опять зовёт: «Павлуша, подь сюда». Я отошёл. Однако воды зачерпнул.

– Ах ты, господи! ах ты, господи! – проговорили мальчики, крестясь.

– Ведь это тебя водяной звал, Павел, – прибавил Федя... – А мы только что о нём, о Васе-то, говорили.

– Ах, это примета дурная, – с расстановкой проговорил Ильюша.

– Ну, ничего, пуцай! – произнёс Павел решительно и сел опять, – своей судьбы не минуешь.

Мальчики приутихли. Видно было, что слова Павла произвели на них глубокое впечатление. Они стали укладываться перед огнём, как бы собираясь спать.

– Что это? – спросил вдруг Костя, приподняв голову.

Павел прислушался.

– Это кулички летят, посвистывают.

– Куда ж они летят?

– А туда, где, говорят, зимы не бывает.

– А разве есть такая земля?

– Есть.

– Далеко?

– Далеко, далеко, за тёплыми морями.

Костя вздохнул и закрыл глаза.

Уже более трёх часов протекло с тех пор, как я присоединился к мальчикам. Месяц взошёл наконец; я его не тотчас заметил: так он был мал и узок. Эта безлунная ночь, казалось, была всё так же великолепна, как и прежде... Но уже склонились к тёмному краю земли многие звёзды, ещё недавно высоко стоявшие на небе; всё совершенно затихло кругом, как обыкновенно затихает всё только к утру: всё спало крепким, неподвижным, передрагсветным сном. В воздухе уже не так сильно пахло, – в нём снова как будто разливалась сырость... Недолги летние ночи!.. Разговор мальчиков угасал вместе с огнями... Собаки даже дремали; лошади, сколько я мог различить, при чуть брезжущем, слабо льющемся свете звёзд, тоже лежали, понутив головы... Сладкое забытьё напало на меня; оно перешло в дремоту.

Свежая струя пробежала по моему лицу. Я открыл глаза: утро зачиналось. Ещё нигде не румянилась заря, но уже забелелось на востоке. Всё стало видно, хотя смутно видно, кругом. Бледно-серое небо светлело, холодело, синело; звёзды то мигали слабым светом, то исчезали; отсырела земля, запотели листья, кое-где стали раздаваться живые звуки, голоса, и жидкий, ранний ветерок уже пошёл бродить и порхать над землёю. Тело моё ответило ему лёгкой, весёлой дрожью. Я проворно встал и подошёл к мальчикам. Они все спали как убитые вокруг тлеющего костра; один Павел приподнялся до половины и пристально поглядел на меня.

Я кивнул ему головой и пошёл восвояси вдоль задымившейся реки. Не успел я отойти двух вёрст, как уже полились кругом меня по широкому мокрому лугу, и спереди по зазеленевшимся холмам, от лесу до лесу, и сзади по длинной пыльной дороге, по сверкающим, обогранным кустам, и по реке, стыдливо синевшей из-под редящего тумана, – полились сперва алые, потом красные, золотые потоки молодого, горячего света... Всё зашевелилось, проснулось, запело, зашумело, заговорило. Всюду лучистыми алмазами зарделись крупные капли росы; мне навстречу, чистые и ясные, словно тоже обмытые утренней прохладой, принесли звуки колокола, и вдруг мимо меня, погоняемый знакомыми мальчиками, промчался отдохнувший табун ...

Я, к сожалению, должен прибавить, что в том же году Павла не стало. Он не утонул: он убили, упав с лошади. Жаль, славный был парень!

1. Какая тема объединяет произведения И.С. Тургенева «Муму» и «Бежин луг»?

2. Какими вы увидели героев рассказа? Охарактеризуйте их (**работа в группах**).

3. Какие мифологические существа упоминаются в быличках, которые рассказывают дети?

4. Почему дети верят в услышанные истории?

5. Кто из крестьянских детей вам понравился больше всего и почему?

6. Найдите в рассказе все описания природы.

Групповая работа. 1-я группа: «Описание утра в начале рассказа». 2-я группа – «Описание утра в конце рассказа». 3-я группа: «Описание ночи в рассказе».

7. Чем отличается цветовая гамма в описании утра в начале рассказа и в его конце? Что изменилось? Для чего автор использует приём контраста?

8. Составьте план рассказа «Бежин луг». Какие особенности в построении этого произведения вы можете отметить?

**Михаил Юрьевич
ЛЕРМОНТОВ**
(1814–1841)

Поэт, драматург и прозаик М.Ю. Лермонтов прожил короткую жизнь. Он погиб на дуэли, не дожив до 27 лет несколько месяцев. Творческая жизнь Лермонтова была ещё короче и продолжалась всего 13 лет. Но и за это время поэт успел занять одно из первых мест в русской литературе, создав непревзойдённые лирические шедевры: «Сон», «Листок», «Выхожу один я на дорогу...», «Утёс», «Морская царевна», «Пророк» и др.

*М. Ю. Лермонтов***РУСАЛКА**

1

Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны.

2

И шумя и крутясь, колебала река
Отражённые в ней облака;
И пела русалка – и звук её слов
Долетал до крутых берегов.

3

И пела русалка: «На дне у меня
Играет мерцание дня;
Там рыбок золотые гуляют стада;
Там хрустальные есть города;

4

И там на подушке из ярких песков
Под сенью густых тростников
Спит витязь, добыча ревнивой волны,
Спит витязь чужой стороны.

5

Расчёсывать кольца шелко́вых кудрей
Мы любим во мраке ночей,
И в чело и в уста мы в полуденный час
Целовали красавца не раз.

6

Но к страстным лобзаньям, не зная зачем,
Остаётся он хладен и нем;
Он спит – и, склонившись на перси ко мне,
Он не дышит, не шепчет во сне!..»

Так пела русалка над синей рекой,
 Полна непонятной тоской;
 И, шумно катясь, колебала река
 Отражённые в ней облака.

1. Кто такие русалки? Какое место они занимают в славянской мифологии?
2. Какое настроение возникает у вас при чтении стихотворения М.Ю. Лермонтова «Русалка»? Объясните, почему.

3. Прочитайте в хрестоматии стихотворения К.Д. Бальмонта «Русалка» и «Русалочка». Выпишите художественные тропы, используемые поэтом для описания русалки.

4. Сравните русалок в произведениях М.Ю. Лермонтова и К.Д. Бальмонта.
5. Какие цветковые эпитеты преобладают в стихотворениях?
6. Подберите ключевые слова для описания естественной среды обитания русалок.
7. Прочитайте в хрестоматии фрагменты из «Хроник Нарнии» К. Льюиса.
8. Сравните два мира – мир реальный и мир Нарнии.
9. Где вы раньше встречали волшебных героев Нарнии?
10. Продолжите рассказ о мальчике и коне. Что, по вашему мнению, может с ними случиться по дороге в Нарнию? Как должен измениться характер Шасты, чтобы он обрёл родину и свободу?
11. Составьте характеристику на одного из понравившихся вам героев.

ИТоговые задания к разделу IV

1. Создайте свой художественный образ Снегурочки и изобразите его в ваших тетрадях или на альбомном листе. Подберите к нему строки из пьесы-сказки.

2. Используя приём «Письмо по кругу» (**групповая работа**), запишите свои рассуждения по одной из предложенных тем: «Судьба крепостных крестьянских детей», «Отношение автора-охотника к крестьянским детям», «О чём заставил задуматься рассказ “Бежин луг”».

3. Придумайте свою историю о русалках, используя понравившиеся вам цветковые эпитеты и метафоры при описании среды обитания этих мифологических существ.

ИТОГОВЫЕ ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ КО ВСЕМУ УЧЕБНИКУ:

- 1. Подготовьте творческие отчёты на темы (**групповая работа**): «Мифология в нашей жизни и её отражение в современной литературе»; «Современные Икары рядом с нами»; «Рождественские истории нашей семьи»; «Тема красоты в повести Н.В. Гоголя “Ночь перед Рождеством”»; «Тема добра и справедливости в повести Э.Т.А. Гофмана “Щелкунчик” и “Мышиный король”»; «Русская природа в рассказе И.С. Тургенева “Бежин луг”» (по выбору учащихся).
- 2. Назовите произведения художников, композиторов, скульпторов, с которыми вы познакомились. Соответствует ли их представление о мифологических персонажах вашему? Дайте аргументированный ответ.
3. Расскажите об общности традиций и обычаев казахского и русского народов на примере изученных произведений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ну, вот и прочитан весь учебник. Авторы его надеются, что вы узнали не только много нового для себя, но и получили эстетическое удовольствие от встречи с такими разными и такими прекрасными произведениями литературы. Вы теперь знаете, что мифология как система представлений о мире, богах и героях существует у всех народов, живущих на земле. Так человек объяснял себе, почему мир вокруг таков, каким он его видит.

Мифологии складывались постепенно из отдельных элементарных мифов путём усложнения повествования и объединения в циклы. На ранних этапах развития языческих мифологий не существовало деления на сферы обитания богов и людей. Первобытные охотники поклонялись богам, обеспечивающим успех на охоте и обитающим рядом с ними на земле. С развитием земледелия человек стал больше зависеть от стихийных сил, связанных с небом. Тогда и сформировалось представление о трёх сферах обитания: верхней – небесной, средней – земной и нижней – подземной или подводной. Вместе с этим параллельно шло деление на «высшую» и «низшую» мифологию. Небо становится местом обитания высших богов, земля – место для человека и духов, подземный или подводный мир – царство мёртвых и отдельных богов.

Уже в XX веке учёные выделили некоторое количество наиболее типичных мифологических сюжетов, которые повторяются у разных народов. Эти совпадения объясняются несколькими причинами: этнической близостью, сходными историческими и географическими условиями или прямым заимствованием сюжетов во время миграций – переселений народов. Не все мифологии сохранились в одинаковой степени. Так, древнегреческая мифология описывалась в литературных произведениях уже в VII веке до н. э. Поэтому её называют классической и рассматривают как образец и ориентир при изучении мифологий других народов. Народы, не имевшие письменности в период расцвета языческой мифологии, в разной степени сохранили её образы и сюжеты в устном поэтическом творчестве

(например, в волшебной сказке), декоративно-прикладном искусстве, архитектуре, традициях. На степень сохранности языческой мифологии оказало влияние принятие другой, монотеистической религии. Только теоретически возможно сейчас восстановить пантеоны языческих богов, чьи имена, функции и степень распространённости не всегда возможно определить с абсолютной точностью.

Изучение фольклора и мифологии – путь к пониманию культуры народа, создавшего её. На почве античной мифологии выросла античная литература, и долгие столетия литературная обработка мифа была единственным способом его использования. Так были написаны многие эпические поэмы, трагедии, баллады, легенды и притчи. Уже в Новое время поэты, прозаики и драматурги начинают использовать мифологические образы, сюжеты и темы в переносном – метафорическом смысле. Во второй половине XIX века в художественной литературе рождается новый жанр – фантастический роман, в котором автор обращается к собственному мифотворчеству. Одним из направлений фантастической литературы в XX веке становится жанр фэнтези, к более подробному изучению которого вы приступите в следующем учебном году.

И, наконец, важно отметить, что возникновение каждой новой формы использования элементов мифа и сказки в литературе не исключает ни одной предшествующей: все они прекрасно существуют в современном литературном процессе, придавая авторским произведениям более глубокий смысл и художественную выразительность.

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Аид (греч., рим. – **Орк**) – владыка подземного царства мёртвых, сын Кроноса и Реи, брат Зевса, Посейдона, Геры, Деметры и Гестии. В мифологии древних греков верховная троица богов состояла из трёх братьев: Зевса, Посейдона и Аида. Свергнув Кроноса, стали они править богами и людьми. Зевс (главный из верховных богов) возглавил небесный Олимп. Посейдон выбрал власть над морем. Аиду достались владения царства теней под землёй.

Актеон (греч.) – знаменитый охотник, который случайно увидел купающуюся богиню Артемиду, дочь Зевса, за что и был обращён ею в оленя. Актеона растерзали собственные собаки.

Ангелы (вестники) – неземные существа, вершина творения, бес-телесные небесные духи, хранители души человека.

Аполлон (греч., рим. – **Аполлон**) – сын Зевса и Лето, брат-близнец Артемиды, отец Орфея и Асклепия, бог солнечного света, бог-прорицатель, бог-врачеватель, спутник муз, бог красоты. Бог Аполлон стал одним из главных богов Олимпа. Певучая многозвучная лира всегда в руках бога, а за спиной колчан стрел – солнечных золотых лучей. Аполлон носит поэтический эпитет «Феб», что значит – «Сияющий». Парнас – гора, обиталище Аполлона, муз и поэтов.

Бесы – злые духи, слуги дьявола, место их постоянного пребывания – царство тьмы.

Волос (славян. – **Велес**) – бог богатства, земледелия и скотоводства.

Волхвы – жрецы, колдуны, чародеи.

Гелиос (греч., рим. – **Соль**) – сын титана Гепириона, лучезарный бог Солнца, само солнце, отец Фаятона.

Гера (греч., рим. – **Юнона**) – старшая сестра и жена Зевса, верховного бога Эллады, дочь Кроноса и Реи, покровительница брака и семейной жизни.

Геракл (греч., рим. – **Геркулес**) – народный герой Эллады, сын Зевса и Алкмены. Много подвигов совершил Геракл, но двенадцать из них выделяют особо. К этим великим подвигам мифология древних греков отнесла и освобождение Гераклом титана Прометея.

Гестия (греч., рим. – **Веста**) – богиня домашнего очага, дочь Кроноса и Реи, сестра Зевса.

Гефест (греч., рим. – **Вулкан**) – сын Зевса и Геры, бог-кузнец, покровитель кузнечного ремесла, хромой и безобразный.

Гея (греч.) – мать-Земля.

Деметра (греч., рим. – **Церера**) – богиня плодородия и земледелия, дочь Кроноса и Реи, сестра Зевса.

Кербер (греч., рим. – **Цербер**) – трёхглавый пёс в царстве Аида, который сторожит выход на землю.

Кронос (греч., рим. – **Сатурн**) – титан, сын Урана и Геи.

Лета (греч.) – река в подземном царстве Аида. Согласно поверьям греков, переходя в царство Аида, человек должен переплыть через реку забвения Лету. Как только он достигает противоположного берега, он забывает всё, что с ним было на земле. Выражение «кануло в Лету» значит, что всё забыто навсегда.

Океан (греч.) – титан, прародитель богов, сын Урана и Геи, брат Кроноса, отец океанид и речных богов.

Пантеон (греч.) – храм, посвящённый всем богам; совокупность всех богов той или иной мифологии.

Пегас (греч.) – белоснежный крылатый конь дивной красоты. Пегас – вдохновение для поэтов, которое они получают из источника, выбитого копытом этого крылатого коня на горе Геликон.

Персефона (греч., рим. – **Прозерпина**) – дочь Зевса и Деметры, богиня умирающей и воскресающей природы, царица подземного царства Аида. Полгода Персефона проводит на земле под солнцем, и тогда всё оживает, наступает весна. Полгода она живёт в мрачном царстве Аида, тогда природа увядает и наступает зима.

Перун, Хорс, Дажьбог (славян.) – божества солнца, света, огня, грозы и молнии. Перун – бог-воин.

Прометей (греч.) – титан-мятежник, восставший против господства Зевса.

Сварог (славян.) – бог огня.

Хаос (греч.) – молчаливое, вечное и безграничное пространство, заключавшее в себе источник жизни и давшее его земле, богам и людям. Из Хаоса вышли Гея, Тартар, Эреб (Мрак), Ночь, Эрос (Любовь), Эфир (Свет), Гемер (День).

Язычество – общее обозначение древних форм религии, характерной особенностью которой является многобожие. Язычник – последователь язычества, идолопоклонник.

Ярило (славян.) – бог плодородия.

СЛОВАРЬ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

А́втор – реальная личность, создатель литературного произведения.

Аллего́рия – вид иносказания, отвлечённая идея или понятие, воплощённые в конкретном образе.

Антите́за – противоречие, противопоставление; резко выраженное противостояние понятий или явлений. Усиливает эмоциональную окраску речи и подчёркивает высказываемую с её помощью мысль.

Афи́ша – объявление о спектакле и актёрах, исполняющих роли действующих лиц драматического произведения.

Гипе́рбола – литературный приём, основанный на преувеличении тех или иных свойств изображаемого.

Града́ция – стилистическая фигура, заключающаяся в последовательном нагнетании или, наоборот, ослаблении сравнений, образов, эпитетов, метафор и других выразительных средств художественной речи.

Диало́г – разговор, обмен репликами между персонажами в эпическом или драматическом произведении.

Дра́ма – один из основных родов художественной литературы, предназначенный для постановки на сцене. В широком смысле слова *драмой* называют всякое литературное произведение, написанное в форме разговора действующих лиц, без авторской речи.

Драматурги́я – собирательное название всех литературных произведений, предназначенных для сценического воплощения в театре.

Интри́га – способ организации действия в драматическом, реже эпическом произведении. Она способствует развитию драматического действия, раскрытию характеров действующих лиц.

Иро́ния, юмор, сати́ра. *Ирония* – насмешливое и скептическое отношение автора к персонажу, осмеяние, отрицание, облакаемое в форму согласия. Смешное скрывается под маской серьёзности, а в *юморе*, наоборот, – серьёзное прячется под маской смешного, сочетается насмешка и сочувствие. *Сатира* – уничтожающее осмеяние явления.

Компози́ция – построение художественного произведения.

Конфли́кт – столкновение, борьба, на которых построено развитие сюжета в художественном произведении.

Леге́нда (сказание) – фольклорный и литературный эпический жанр, в котором представлено мифологизированное повествование об имевших место реальных событиях и выдающихся исторических личностей. Характерной чертой легенды является идеализация представленных в ней событий и героев.

Ли́рика – один из трёх основных родов литературы: эпос, лирика, драма. Лирика отражает жизнь, изображая отдельные переживания

человека, его мысли и чувства, вызванные теми или иными жизненными обстоятельствами. По внутреннему миру человека, раскрытому в лирике, мы представляем и человека, и жизненную обстановку, которая вызвала его переживания.

Метафора – один из основных тропов художественной речи. Метафорическим слово или выражение становится тогда, когда оно употребляется не в прямом, а в переносном смысле. В основе метафоры лежит неназванное сравнение.

Миф – сказание, передающее верования и представления людей в древности о происхождении мира и жизни на земле, явлениях природы, о богах и сказочных героях.

Мифология – собрание мифов. Например, собрание греческих мифов – греческая мифология – рассказывает нам о том времени, когда человек, безоружный в борьбе с природой, представлял себе её явления как сверхъестественный мир, населённый богами и духами, проявляющими злую или добрую волю по отношению к человеку.

Мифологический персонаж – герой мифа.

Монолог – способ организации художественной речи, более или менее развёрнутое высказывание персонажа. Особое значение приобретает в драме, но нередко встречается и в эпических произведениях. Монологи героев передают их взгляды и представления о жизни, раскрывают внутренний мир, душевное состояние, являясь средством психологизма.

Олицетворение – разновидность метафоры, при которой явления природы, неодушевлённые предметы наделяются свойствами живых существ – человеческими чувствами, мыслями и речью.

Пейзаж – изображение картин природы, выполняющее в художественном произведении различные функции в зависимости от стиля и метода писателя – сентименталиста, романтика, реалиста или символиста. Пейзаж может не только создавать реалистическую картину природы, но и передавать настроение героев, и даже приобретать символическое значение.

Персонаж – действующее лицо эпического, драматического или лирического произведения. В качестве персонажей могут выступать люди, животные, фантастические существа, неодушевлённые предметы.

Повесть – средняя форма эпической прозы. В повести в отличие от рассказа обычно изображается не одно, а ряд событий, освещающих целый период жизни человека, главного действующего лица повествования. В повести выступает обычно несколько персонажей, сгруппированных вокруг героя. Повесть, таким образом, отражает жизнь в большей её сложности, чем она отражена в рассказе, но с меньшим многообразием характеров и событий, чем в романе.

Повто́р – один из важнейших приёмов композиции, заключающийся в неоднократном употреблении слов, образов, художественных деталей и т.п.

Портре́т – изображение внешности героя: его лица, фигуры, одежды, манеры держаться.

Про́за – один из способов (наряду со стихом) организации художественной речи в литературном произведении; от стиха отличается тем, что ритм прозы является немелодическим и нерегулярным.

Проло́г – вступительная часть литературного произведения.

Пье́са – термин, обозначающий любое драматическое литературное произведение, предназначенное для постановки на сцене театра, без указания жанра этого произведения – трагедия, комедия, драма и т.д.

Пье́са-сказка – строится по законам драматического жанра. В основе может лежать известный сказочный сюжет, но от него, как правило, остаётся только последовательность развития событий.

Разме́р стиха́ (метр, метрическая схема) – число и порядок чередования ударных и безударных слогов в стопах силлабо-тонического стиха. Размер стиха получает своё название от названия стопы. Различаются размеры: двусложные (хорей, ямб) и трёхсложные (дактиль, анапест, амфибрахий).

Расска́з – один из жанров эпической, повествовательной литературы, малая её форма, – небольшое художественное произведение, посвящённое обычно отдельному событию в жизни человека, без детального изображения того, что с ним было до и после этого события. Хотя могут быть и более объёмные темы, охватывающие длительные отрезки времени, даже всю жизнь героя.

Рема́рка – пояснения, которыми драматург предваряет или сопровождает ход действия в пьесе. Реплика может пояснять возраст, внешний облик, одежду действующих лиц, душевное состояние, поведение, движение, жесты, интонации.

Риториче́ские фигу́ры – это риторический вопрос, обращение или восклицание. Усиливают эмоциональность высказывания, придают торжественность, патетичность или, напротив, ироничность выражаемой мысли.

Ри́фма – звуковое совпадение, созвучие последних слогов слов, находящихся в конце стихотворной строки.

Рифмо́вка – расположение рифмующихся строк в строфе. Существует три основных типа рифмовки: парная (смежная), когда рифмуются между собой две соседние строчки; перекрёстная, когда первая строка рифмуется с третьей, а вторая – с четвёртой; кольцевая (или опоясывающая), когда первая строчка рифмуется с четвёртой, а вторая – с третьей.

Символ – образные слова, которые замещают наименование жизненного явления, понятия, предмета условным его обозначением, напоминая это явление и придающим им новый, глубинный смысл.

Спектакль – воплощение художественного мира пьесы на сцене театра в драматической игре актёров.

Сравнение – образное определение предмета, понятия или явления при помощи сопоставления его с другими. В сравнении непременно содержатся два элемента: то, что сравнивается, и то, с чем сравнивается (этим оно отличается от метафоры, где в тексте присутствует только второй элемент). Сравнение выражается с помощью слов *как, точно, словно*.

Строфа – группа стихотворных строк (стихов), связанная общей системой рифмовки и, как правило, единой интонацией. В русском стихосложении используются такие виды строф, как двустишие, четверостишие (катрен), секстина, октава и другие.

Сюжет – система событий, составляющих содержание действия литературного произведения. Как считал Аристотель, сюжет представляет собой целостное, завершённое событие, имеющее начало, середину и конец, или завязку, развитие действия, кульминацию и развязку. Но характер построения, расположения, организации всех этих элементов сюжета относится уже к композиции.

Трагедия – один из видов драматургических произведений, в котором характер героя раскрывается в безвыходном положении, в неравной напряжённой борьбе, обрекающей его на гибель. Трагедия – один из самых древних видов драмы. Она возникла в древней Греции и название своё получила от народного представления во время празднеств в честь бога Диониса.

Хроника – эпический или драматический жанр, художественный мир которого ограничен определённым временным отрезком, заключающим в себе последовательно представленные крупные события этого времени.

Художественный мир произведения – это вымышленная реальность, существующая в пределах конкретного произведения, созданная творческой фантазией автора в согласии с особенностями того вида искусства, к которому относится данное произведение.

Эпитет – образное определение, характеризует какое-нибудь свойство, качества понятия, предмета, явления. Употребляется оно в сочетании с определяемым словом, вместе с которым создаёт запоминающийся образ.

Эпос – это литературный род, выделяемый наряду с лирикой и драмой. Представлен такими жанрами, как сказка, повесть, рассказ, новелла, роман, очерк. Автор эпоса предстаёт перед нами рассказчиком, который повествует о событиях, описывает облик персонажей и их судьбы.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
---------------	---

Раздел I. МИФЫ НАРОДОВ МИРА

Мифы Древней Греции	6
Прометей.....	10
Геракл.....	13
Дедал и Икар.....	20
Актеон (Фрагмент из книги Н. А. Куна «Легенды и мифы Древней Греции»).....	23
<i>Е. В. Курдаков</i>	26
Псы Актеона.....	26
Славянская мифология	28
Пантеон древних славян.....	28
<i>П. И. Мельников-Печерский</i>	32
Народный миф о солнце (Фрагмент из романа <i>П. И. Мельникова-Печерского</i> «В лесах»).....	33
<i>А. С. Пушкин</i>	34
Домовому.....	35
Бесы.....	37
Тюркская мифология.....	40
Тенгрианство – древнейшая религия тюрков.....	40
Казахский миф о мировом дереве (Фрагмент из книги <i>О. Жанайдарова</i> «Мифы Древнего Казахстана»).....	45
Библейская мифология	48
Вавилонская башня	50
Соломон.....	51
Суд Соломона	53

Раздел II. ТЕМА РОЖДЕСТВА В ЛИТЕРАТУРЕ

Жанр рождественского рассказа.....	56
<i>Б. Л. Пастернак</i>	59
Рождественская звезда	60
<i>Н. В. Гоголь</i>	63
Ночь перед Рождеством	64
<i>Э.-Т.-А. Гофман</i>	87
Щелкунчик и Мышиный король (<i>в сокращении</i>).....	88

Раздел III. ПРАВСТВЕННЫЙ ВЫБОР ЧЕЛОВЕКА

Что такое нравственность?.....	104
<i>И. С. Тургенев</i>	106
Муму.....	107
<i>Л. Н. Толстой</i>	129
Кавказский пленник	130
<i>В. С. Высоцкий</i>	155
Песня о друге	155
<i>В. П. Астафьев</i>	157
Конь с розовой гривой (<i>в сокращении</i>)	157

Раздел IV. СКАЗОЧНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Вводная статья.....	168
<i>А. Н. Островский</i>	170
Снегурочка.....	171
<i>И. С. Тургенев. Бежин луг</i>	206
<i>М. Ю. Лермонтов.</i>	226
Русалка	227
Заключение	230
Мифологический словарь	232
Словарь литературоведческих терминов	234

Учебное издание

**Рыгалова Любовь Сергеевна
Берденова Дарига Абеновна
Еримбетова Сауле Жуматаевна**

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Учебник для 6 класса общеобразовательной школы
с русским языком обучения

Зав. редакцией *Н. Жиенгалиев*

Редактор *Т. Верёвочкина*

Художник *Л. Петухова*

Художественные редакторы *Д. Сабитаева, А. Беккожанова*

Технический редактор *О. Рысалиева*

Корректор *Г. Туленова*

Компьютерная верстка *С. Тулегеновой*

ИБ № 059

Сдано в набор 21.01.2018. Подписано в печать 18.06.2018. Формат 70x90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл.печ.л. 17,55.
Уч.-изд.л. 13,15. Тираж 35 000 экз. Заказ № 3541.

ТОО «Корпорация «Атамұра», 050000, г. Алматы, пр. Абылай хана, 75.

Полиграфкомбинат ТОО «Корпорация «Атамұра», Республика Казахстан,
050002, г. Алматы, ул. М. Макатаева, 41.

